

НИДЕРЛАНДСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVI века

Москва: издательство АН СССР. 1958
Академия наук СССР
Научно-популярная серия

Ответственный редактор:
профессор Сергей Данилович Сказкин

Введение

Глава 1. Предпосылки буржуазной революции в Нидерландах

Глава 2. Начало буржуазной революции и войны за независимость

Глава 3. Восстание 1572 года и зарождение буржуазной республики на севере Нидерландов

Глава 4. От восстания 4 сентября 1576 года до падения Антверпена

Глава 5. Испанские Нидерланды (Бельгия) и Республика Соединенных Провинций до перемирия 1609 года

Заключение

Веб-публикация:
библиотека **Vive Liberta** и **Век Просвещения**, 2009
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Освещены исторические предпосылки, ход и результаты буржуазной революции XVI в. в Нидерландах. Показаны закономерный характер и внутренние противоречия революции, ее сила и слабость.

ВВЕДЕНИЕ

История Нидерландов, одной из малых стран Западной Европы, очень своеобразна и богата яркими эпизодами и событиями. Провинция Римской империи в античную эпоху, составная часть франкского государства Меровингов и империи Карла Великого в раннее средневековье, Нидерланды в XI—XIV вв. представляли собой территорию, раздробленную на множество мелких графств, герцогств и сеньорий. Большинство их находилось в вассальной зависимости от германских императоров или французских королей.

Графство Фландрия и герцогство Брабант являлись наиболее сильными и экономически развитыми областями. Расположенные на пересечении старинных сухопутных и морских торговых путей, они уже в XII в. стали центрами торговли и ремесла. Особенно высокого развития в древних городах Фландрии и Брабанта (Генте, Брюгге, Ипре, Брюсселе, Лувене) достигло сукноделие. Тысячи цеховых ремесленников-сукноделов этих городов занимались изготовлением и отделкой тонких, окрашенных в яркие и красивые тона сукон, которые вывозились во все страны света фламандскими и иноземными купцами.

С конца XIII в. все большее значение стали приобретать города северных графств и княжеств — Голландии, Зеландии, Утрехта, разбогатевшие на торговле, ремесле, рыболовстве и мореплавании. Около 1370 г. они создали ганзу (союз) для защиты своих торговых интересов.

В XIII—XIV вв. нидерландские города добились от сеньоров самоуправления и многочисленных вольностей и привилегий. Опоясанные неприступными стенами, гордые своим военным и экономическим могуществом, они заключали союзы не только между собой, но и с иноземными государями и умели постоять за себя с оружием

в руках. Не раз чванливые, закованные в латы рыцари, пытавшиеся «сбить спесь с обнаглевшей черни», терпели жестокие поражения в битвах с городскими ополчениями и приходившими им на помощь крестьянами. В то же время на крайнем северо-западе страны, в покрытой лесными чащами и непроходимыми топиями Фрисландии, в течение почти целого тысячелетия вольные фризы, сохранявшие старинный родоплеменной строй, вели непрестанную кровопролитную борьбу против немецких, голландских и зеландских феодалов, пядь за пядью захватывавших исконные фризские земли.

Как бы ни были, однако, могущественны и богаты нидерландские города и вольнолюбивы нидерландские крестьяне, подлинными хозяевами страны являлись феодалы. В руках церкви и светских феодалов — герцогов, графов, баронов и рыцарей была сосредоточена большая часть всех пахотных, луговых земель и лесов. Крестьянство (за исключением Фрисландии и северной Голландии) обрабатывало господскую землю, несло многочисленные тяжелые повинности и в значительной своей части было несвободным. Немало было и крепостных крестьян. Жестокий гнет феодалов не раз вызывал крупные восстания, охватывавшие значительные территории, и нередко восставшие крестьяне пользовались сочувствием и поддержкой мелкого городского люда. Тем не менее успехи восставших были обычно кратковременными: они сменялись поражениями, за которыми следовала беспощадная расправа, творимая торжествовавшими победоносными феодалами. Но и сами феодалы постоянно враждовали друг с другом, ввергая страну в непрерывные междоусобные войны.

XV век в истории Нидерландов ознаменовался значительными переменами. Вставшие Брабантом герцоги Бургундские выступили во главе тех кругов феодалов, которые стремились к государственной централизации, рассматривая ее как средство укрепления своей власти внутри страны и своего международного престижа.

За время правления представителей Бургундской династии — Филиппа Доброго и Карла Смелого (1419—1477) значительная часть ранее самостоятельных графств и княжеств, расположенных на территории Нидерландов, потеряла свою независимость и на тех или иных условиях вошла в состав герцогства Бургундского. По своему поли-

тическому строю герцогство Бургундское являлось типичной для того времени сословной монархией; государь управлял страной с помощью Генеральных штатов — условно-представительного учреждения, состоявшего из депутатов от духовенства, светских феодалов и крупных городов. Бургундская держава превратилась в одно из наиболее сильных западноевропейских государств и вступила в ожесточенную борьбу со своей главной соперницей — Францией, но потерпела в этой борьбе поражение.

В битве при Нанси в 1477 г. войско Карла Смелого было почти полностью уничтожено швейцарцами, состоявшими в военном союзе с французским королем Людовиком XI. На поле боя пал и сам Карл Смелый. В стране возобновились феодальные смуты. Фландрские города, озлобленные самодурством и крутой централизаторской политикой Карла Смелого, не раз грубо попиравшего их традиционные вольности и привилегии, воспользовались его смертью и подняли восстание. Угрозами и силой они заставили наследницу престола Марию Бургундскую подписать так называемую «Великую привилегию». Эта хартия не только восстанавливала все прежние вольности городов, но давала им новые, еще более значительные «свободы», даже право на восстание в случае нарушения правительством «Великой привилегии».

Ценой этих и других уступок правительство сумело получить поддержку городов и феодалов для продолжения борьбы с Францией. С этой же целью Мария вступила в брак с эрцгерцогом Максимилианом Габсбургским, ставшим впоследствии германским императором. Сохранившиеся до этого времени вассальные связи Нидерландов с домом Габсбургов теперь значительно укрепились. Женившись австрийского эрцгерцога Филиппа Красивого, правившего Нидерландами после Максимилиана, на испанской принцессе Хуане Безумной, связала Нидерланды династическими узами и с испанской державой.

В период правления Карла V (1515—1555) Нидерланды оказались включенными в «мировую» империю Габсбургов, в состав которой входили Германия, Испания, Неаполитанское королевство, Чехия, Венгрия и огромные территории, завоеванные в недавно открытом Новом Свете — Америке.

За это время окончательно сложилось государственное устройство Нидерландов. Высший суверенитет над стра-

ной принадлежал Карлу V. Его полномочным представителем был наместник (генеральный статхоудер), должность которого обычно занимали представители боковых линий царствующей династии. При наместнике имелся Государственный совет из представителей высшей феодальной аристократии. В нем обсуждались важнейшие государственные дела, но совет был совещательным органом и его решения не имели обязательной силы для наместника.

Кроме того, имелся еще Финансовый совет, занимавшийся финансово-податными вопросами, и Тайный, ведавший судопроизводством. Оба они укомплектовывались королевскими юристами и выходцами из мелкого служилого дворянства и были послушным орудием правительства. Верховной судебной инстанцией был Большой совет, резиденция которого находилась в Мехельне (Фландрия).

На местах правительство располагало разветвленным чиновничьим аппаратом. Во главе провинций стояли специальные провинциальные наместники (статхоудеры), в округах провинций и городах имелись королевские чиновники — бадья. Им подчинялся местный административно-полицейский аппарат.

Былая политическая независимость герцогств, графств и епископств была ликвидирована, и они превратились в просые провинции единого государства. Это были: Фландрия, Брабант, Геннегау, Артуа, Намюр, Люксембург, Лимбург, Турне, Мехельн, Французская Фландрия (Лилль, Орши, Дуэ), Голландия, Зеландия, Утрехт, Фрисландия, Хелдер (Гельдерн), Хронинген, Оверейссел (с Дрентой). Сохранились и представительные учреждения, унаследованные от времен сословной монархии, — Генеральные и провинциальные штаты, которые утверждали налоги и некоторые основные законоположения. Имелись также городские и местечковые самоуправления — магистраты, а каждая провинция и каждый город обладали особыми вольностями и привилегиями и были автономны в решении своих местных дел. Поэтому, хотя королевская власть чем дальше тем меньше считалась с этими привилегиями, действия ее не могли быть совершенно произвольными.

В конце XV — первой половине XVI в. в хозяйственной, общественной и политической жизни Нидерландов произошли глубокие изменения, определившие все последующее историческое развитие страны.

Глава I

ПРЕДПОСЫЛКИ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В НИДЕРЛАНДАХ

Как отмечалось ранее, Нидерланды уже в период XIII—XV вв. были экономически развитой страной. Тем не менее объем ремесленного производства и торговли и масштабы мореходства этого периода, по сравнению даже с последующим XVI в., были невелики, а дальнейшее развитие сдерживалось средневековыми формами хозяйственной жизни.

Ремесленники были объединены в цехи, где ведущее место принадлежало мелким товаропроизводителям — мастерам, владельцам мастерских, нехитрого их оборудования и сырья. Под руководством мастера в маленькой, тесной мастерской работали подмастерья и ученики. Весь процесс изготовления изделий, характер и качество сырья и вспомогательных материалов, виды инструмента были строго регламентированы. Строго ограничено было число работников мастерской и объем ее продукции. Отступления от установленных норм карались штрафами, лишением права впредь заниматься ремеслом и даже изгнанием из города. Эти запреты не смогли, однако, помешать подчинению ряда цехов, и прежде всего сукнодельческого, купцам и мелкопредпринимательским элементам, которые изолировали цеховых ремесленников от рынка, поставляя им сырье и скупая их изделия, и присваивали прибавочный продукт, не разрушая цеховой системы.

Людям, не являющимся членами цехов, было категорически запрещено заниматься ремеслами, приобретать

инструмент и сырье. Характеризуя эти порядки, Маркс писал, что в условиях цехового строя, просто за деньги, если они «не являются деньгами цехового мастера, нельзя купить ткацких станков, чтобы посадить за них рабочих; предписано, какое количество станков отдельный мастер имеет право применять для работы и т. д. Короче говоря, само орудие еще настолько сращено с самим живым трудом, настолько еще представляется областью его господства, что по-настоящему оно еще не втянуто в обращение»¹.

Цеховые ремесленники ревниво оберегали свои монопольные права и привилегии не только в пределах города, но и в ближайшей его округе — «заповедной зоне». Время от времени они совершали обходы деревень, расположенных в этой зоне, выискивая нарушителей цеховой монополии. И горе было тем из них, кто попадался в руки цеховых обходчиков. Их станки, инструмент, готовая продукция конфисковывались или уничтожались на месте, а «нарушители» подвергались избиениям и различного рода наказаниям. Все средневековые проходило под знаком ожесточенной борьбы городских цехов с сельским ремеслом. Поэтому последнее смогло укрепиться и развиться лишь в деревнях, удаленных на значительное расстояние от привилегированных цеховых городов, от их корыстной и придирчивой тирании.

Режим привилегий, монополий, ограничений царил и в средневековой торговле Нидерландов. Купцы организовывались в специальные гильдии или ганзы, монополизировавшие в своих руках отдельные отрасли торговли. В иноземных странах нидерландские купцы также обычно выступали как представители корпоративно-организованной «нидерландской купеческой нации», совместно на паевых началах заключавшей все сделки по купле-продаже товаров.

Присяжные маклеры, посредничавшие в сделках между купцами, содержатели гостиних дворов, носильщики, перевозчики, весовщики, мерильщики и люди других специальностей, причастные к торговле, также были объединены в особые цехи, получали за свои услуги точно установленное вознаграждение, и купцы не могли использовать для этих целей других лиц.

¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Политиздат, 1940, стр. 41.

Города обладали различными торговыми привилегиями: правом устраивать ярмарочные и рыночные дни; правом сбора торговых, мостовых и дорожных пошлин; так называемым складочным правом, владея которым, тот или иной город заставлял в принудительном порядке всех проезжих купцов выставлять свои товары для продажи на городском рынке, обычно по заниженным ценам.

Порою отдельные города прямо монополизировали торговлю каким-либо товаром. Например, Гент добился монополии на торговлю хлебом во Фландрии. Все хлебные грузы, шедшие по р. Шельде и связанной с нею водной системе, подлежали перегрузке, промеру и выставлению для продажи по низкой цене на городском хлебном рынке. Лишь остатки продавались по дорогой цене на периферии. Перевозить хлеб можно было на судах, принадлежавших лишь членам гентского цеха судовщиков.

В Голландии складочное право на хлеб, вина и лес принадлежало г. Дордрехту, который злоупотреблял им и жестоко притеснял проезжих купцов — как иноземных, так и местных. Большие ограничения и стеснения претерпевали мореходство и судоходство по речным путям. Последние, связанные между собой каналами, уже в то время играли важную роль в системе внутренних коммуникаций Нидерландов. Повсюду имелись таможенные посты, принадлежавшие государству, феодальным сеньорам и городам, каждый из которых взимал мзду с проходящих судов. Правовое положение судовладельцев и плававших на кораблях купцов ставило их в невыгодные условия по сравнению с местными жителями. Кораблекрушение, смерть на чужбине были сопряжены с конфискацией всего товара или судна. Сами судовладельцы и купцы были обычно объединены в корпорации и поэтому весьма ограничены в своей деятельности.

И те и другие обладали небольшими капиталами. Получить деньги в кредит можно было лишь под очень высокие проценты у менял-ростовщиков. Поэтому, когда появлялась необходимость в заключении крупных торговых или фрахтовых сделок, купцы и судовщики создавали кратковременные компании на паях.

Своеобразные черты организации ремесла, торговли, транспорта и кредита, их корпоративная структура были свойственны отношениям, которые Маркс определял тер-

мяном «сословный капитал». Тем самым Маркс подчеркивал, что на данной стадии развития средства производства находились еще не в полной частной собственности отдельных капиталистов, а в руках сословных корпораций различного рода. Иными словами, это были еще отношения, присущие товарному производству и купеческому капиталу эпохи феодализма, а не капиталистическому производству, путь для развития которого они только подготавливали.

Поворот в сторону развития капитализма определился в некоторых странах Западной Европы лишь с конца XV в., и Нидерланды занимали первое место в ряду этих стран. Разложение феодальных отношений, процесс первоначального накопления, развитие капиталистического способа производства — вот что определяло теперь весь ход хозяйственной жизни страны. Первоначальное накопление предшествовало и сопутствовало возникновению капитализма. Сущность его состояла, с одной стороны, в массовой экспроприации непосредственных мелких производителей — ремесленников в городе, крестьян в деревне; с другой стороны — в возникновении кучки людей, владельцев средств производства и денежных богатств, потенциальных капиталистов.

«Исторической предпосылкой возникновения капитала, — писал В. И. Ленин, — является, во-1-х, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц при высоком сравнительно уровне развития товарного производства вообще и, во-2-х, наличие «свободного» в двойном смысле рабочего, свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, бесхозяйного рабочего, рабочего-«пролетария», которому нечем существовать кроме как продажей рабочей силы»².

Первоначальное накопление осуществлялось путем внеэкономического принуждения, прямого насилия и не имело ничего общего с капиталистическим накоплением как таковым. «От накопления капитала на базисе капитализма, — подчеркивал В. И. Ленин, — следует отличать так называемое первоначальное накопление: насильственное отделение работника от средств производства, изгнание крестьян с земли, кражу общинных земель, систему

колоний и государственных долгов, покровительственных пошлин и т. д.»³.

В этих условиях рушились традиционные устои хозяйственной жизни, что особенно рельефно обнаружилось прежде всего в «добрых» старых городах Фландрии и Брабанта. Гент, Ипр, Брюгге, Брюссель, Лувен утратили к концу XV в. свое былое значение; главной причиной этого был упадок цехового сукноделия, являвшегося прежде основой их благосостояния.

Рутинная техника и закоснелость цеховой организации, все возрастающая конкуренция крепнувших, невзирая ни на какие преследования, сельских шерстоткацких промыслов, развитие сукноделия в других странах подрывали позиции традиционного цехового сукноделия нидерландских городов.

К началу XVI в. Англия, ранее полностью покрывавшая потребности цехового сукноделия Нидерландов в шерсти, создала сильное собственное шерстоткацкое производство и почти полностью прекратила экспорт шерсти⁴. Одновременно более дешевые английские сукна уже в XV в. хлынули в Нидерланды, отвоеывая даже внутренний рынок у разорявшихся и без того нидерландских сукноделов. Объем продукции нидерландского цехового сукноделия тем временем катастрофически сокращался. Количество действовавших ткацких станков в Ипре с 600 в 1517 г. сократилось в 1545 г. до 100; в Генте в 1543 г. оно дошло до ничтожной цифры — 25⁵. В Брюсселе один из наиболее крупных цехов — цех ворсовщиков — уже в 1490 г. насчитывал лишь 15 мастеров и 6 подмастерьев⁶. Лейден, задушив жестокими преследованиями сельское сукноделие в окрестных деревнях Лейдердорп, Зутервауде и других, не смог тем не менее спасти собственное цеховое

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 48.

⁴ По имеющимся данным, до середины XIV в. из Англии в Нидерланды ежегодно вывозилось 33 000—35 000 мешков шерсти, в середине XV в. — 7500, а в 1532 г. — всего 1168. См. *Algemeene geschiedenis der Nederlanden*. Utrecht, 1952, Deel IV, blz. 204—205.

⁵ H. P i r e n e. Une crise industrielle au XVI-e siècle. «Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques et de la classe des beaux-arts». Bruxelles, 1905, № 5, p. 500.

⁶ G. D e s M a r e z. L'organisation du travail à Bruxelles au XV-e siècle. Bruxelles, 1904, p. 500.

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 46.

сукноделие от катастрофы. В 1521 г. лишь экспорт из Лейдена составил около 28 000 кусков сукна, тогда как в 1548—1562 гг. в городе производилось в среднем только 7200 кусков в год⁷. Уже в 30-х годах XVI в. городская экономика Лейдена пришла в упадок и переживала процесс аграризации. Многие ремесленники-сукноделы покинули город. Часть бывших сукноделов занялась другими ремеслами, в том числе кожевенным делом.

Старые цеховые города отчаянно боролись за свое существование. Они добивались у правительства подтверждения старых привилегий и выключивали новые, усиливали преследования сельских промыслов, вводили новые отрасли производства — плюшевое и предметов роскоши в Брюсселе, полотняное в Генте, Оденарде, Ипре, Куртре, бумазейное — в Брюгге и т. д. Поэтому экономический упадок «добрых» старых городов был относительным. Но и этим новым отраслям навязывались закоснелые цеховые формы организации, обреченные на гибель прогрессивным ходом экономического развития.

Будущее было не за старыми цеховыми городами, а за новыми центрами промышленности и торговли, возникавшими в Нидерландах повсюду в первой половине XVI в. Здесь производство различных товаров организовывалось не в форме цехов, а в форме капиталистических мануфактур. Организаторами их выступали разные люди: отдельные цеховые мастера, разбогатевшие на ограблении своих собратьев по цеху, купцы, нажившиеся на колониальных и торговых авантюрах, ростовщики, пустившие по миру попавших в их цепкие лапы ремесленников и крестьян, выходцы из среды самих ремесленников, сколотившие круглый капитал на скупке и перепродаже изделий своих односельчан-кустарей.

Такие предприниматели чаще всего начинали с того, что скупали готовые изделия у отдельных ремесленников. Затем они начинали снабжать этих ремесленников сырьем, инструментом, давать ссуды и авансы и, залунав свои жертвы долгами, в конце концов разоряли их, произвольно повышая цены на сырье и понижая их на готовые изделия. Ранее самостоятельный ремесленник превращался в на-

емного рабочего — надомника, а сельский промысел — в капиталистическую мануфактуру рассеянного типа, в которой распоряжался по-хозяйски скупщик-предприниматель.

В других случаях мануфактурист прямо создавал собственную мастерскую, сам закупал оборудование, сырье, нанимал рабочих и руководил процессом производства. Тогда создавалась наиболее прогрессивная форма капиталистической мануфактуры — централизованная.

⁷ Э. Бааш. История экономического развития Голландии в XVI — XVII веках. М., 1949, стр. 96—97.

Здесь вводилось детальное разделение труда, достигалась большая экономия на использовании оборудования, что приводило к невиданному ранее росту производительности труда и огромному снижению себестоимости продукции. Возникнув в какой-либо отрасли производства, такая мануфактура в несколько месяцев разоряла сотни и тысячи цеховых или мелких независимых ремесленников.

Часто предприниматель комбинировал в разных сочетаниях рассеянную и централизованную форму мануфактуры; при этом одни операции производились в его собственной мастерской, другие совершались ремесленниками-надомниками. Таким образом возникали различные виды смешанной мануфактуры.

Экономическая их сущность тем не менее была одна и та же. «В мануфактуре с промышленным капиталом сплетается самыми разнообразными способами торговый, и зависимость работника от капиталиста приобретает массу форм и оттенков, начиная от работы по найму в чужой мастерской, продолжая домашней работой на «хозяина», кончая зависимостью по закупке сырья или сбыту продукта. Рядом с массой зависимых рабочих продолжает всегда держаться при мануфактуре более или менее значительное число quasi-самостоятельных производителей. Но вся эта пестрота форм зависимости только прикрывает ту основную черту мануфактуры, что здесь уже раскол между представителями труда и капитала проявляется во всей силе»⁸.

Капиталистические мануфактуры возникали в Нидерландах повсеместно, преимущественно во вновь развивавшихся отраслях производства и в новых промышленных центрах, не связанных с цеховой системой. В Антверпене были созданы мыловаренные и сахаро-рафинадные мануфактуры, большие мастерские по отделке английских сукон, одна из крупнейших в Европе типография Плантена, где работало несколько десятков печатных станков и др. В Льежской области в долине р. Ведра возникла сеть шерстоткацких мануфактур рассеянного типа. Централизованные текстильные мануфактуры развились в Валансьене, Монсе и особенно крупные в Хондсхоте, который увеличил выпуск легких шерстяных тканей типа серж

⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 381.

и остаде за период 1528—1568 гг. с 28 603 до 97 705 кусков в год⁹.

Большого прогресса достигла металлургия и горнодобывающая промышленность. Широко был внедрен метод подземной шахтной добычи руды. На откачке воды из шахт и дутье в доменных печах, при дроблении руды и ковке металла применялись водяные колеса, сочлененные с колесчатыми валами, приводившие в движение насосы и молоты. Все эти установки требовали больших расходов и были по карману лишь крупному капиталисту, который в XVI в. становится центральной фигурой в горнометаллургической промышленности Нидерландов. Эта промышленность была сосредоточена в провинции Намюр и в Льеже. В Намюре в 1560 г. насчитывалось 35 доменных печей и 85 кузниц, большинство которых работало по заказам купцов Антверпена и других крупных городов¹⁰. В Льеже возникали крупные металлургические заводы. Один из них, организованный в 1548 г. в Венне, быстро разрастался,

⁹ E. Coornaert. La draperie-sayerterie d'Hondschoote. Paris, 1930, p. 493.

¹⁰ E. Barlet. Essai sur l'histoire du commerce et de l'industrie de la Belgique. Liège, 1858, p. 160.

подчиняя себе окрестных мелких предпринимателей или кооперируясь с ними, приобретая рудные месторождения и лесные массивы для жога древесного угля, на котором тогда рабагали томенные печи. В 1575 г. этот завод быстро и успешно выполнил крупный по тем временам заказ на изготовление 300 пушек и 46 тыс. ядер к ним¹¹.

В Голландии капиталистическое предпринимательство распространилось на маслоделие, пиво и мыловарение. В Делфте и Гауде компании крупных купцов пивоваров монополизировали закупку сырья и подчинили себе мелких, прежде самостоятельных мастеров. Дух капиталистического предпринимательства торжествовал в рыболовстве, мореходстве, кораблестроении и смежных с ними отраслях производства — канатном, парусном и г. д.

Ведущее место среди городов северных провинций занимал Амстердам, о котором даже сложилась поговорка, что он вырос на костях селедок. Свыше тысячи судов выходило ежегодно из него и других портов северных провинций на промысел сельди. Начало его сопровождалось особыми празднествами. В середине XVI в. доход от лова сельди исчислялся в 3 млн. гульденов¹². Львиная доля этих доходов принадлежала «Большой рыболовной компании» (Doogte Visscheij).

Крупные капиталы вкладывались и в морское судоходство. Лишь в Прибалтику в 1565 г. голландские мореходы совершили 2150 рейсов, из которых 500 рейсов приходилось на долю судовладельцев Амстердама¹³. Фактически его роль в судоходстве была гораздо больше, так как амстердамские компании судовладельцев располагали большими паями в судовладельческих компаниях других портовых городов.

Значительные изменения происходили также во внешней и внутренней торговле. Великие географические от-

крытия в короткое время беспредельно раздвинули геогные рамки средневекового мира. Перед изумленными глазами европейских завоевателей и дельцов-авантюристов раскинулись невиданные доколе заморские страны с причудливой и щедрой природой, таившие в себе возможности сказочно-быстрого обогащения. Безудержный грабеж вновь открытых стран стал одним из могущественных рычагов первоначального накопления, в Западную Европу хлынули потоки драгоценных металлов, превращавшихся там в капитал. Начался процесс складывания всемирного рынка.

Правда, нидерландские купцы имели весьма ограниченные возможности доступа в колониальные страны. Однако, поскольку экономически развитые Нидерланды входили в состав могущественной испанской державы, владевшей колониями, а Карл V покровительствовал нидерландским купцам, у которых он был кругом в долгу, большая часть сделок, связанных с колониальной торговлей, постепенно перешла в руки нидерландских купцов. Грузенные золотом, серебром, пряностями и прочими товарами, испанские галионы, нередко минуя свои гавани, направлялись прямо в новый нидерландский порт Антверпена.

Антверпен к середине XVI в. превратился в мировой центр торговли и кредита. Итальянский историк Л. Гвиччардини оценивал общий объем одного лишь ввоза в Антверпен в 1560 г. в 31 870 200 флоринов. Из них 10 млн. составляла стоимость английских сукон, 6 млн. — стоимость итальянских товаров, 3 млн. — немецких, в 2 млн. исчислялся ввоз пряностей и т. д. В порту Антверпена порой одновременно собиралось до 2500 кораблей из различных стран. На улицах города с раннего утра до позднего вечера не смолкал многоголосый говор разноязычной толпы.

Сюда же стекались товары нидерландского производства, вывозившиеся во все страны света: ковры и гобелены из Брюсселя и Оденарде, шерстяные ткани из Хондсхота и Валансьена, металлические изделия из Намюра и Льежа. Стоимость экспорта через Антверпен в 1543 г. составляла 29 941 530 флоринов¹⁴.

¹¹ R. Evrard et A. Descy Histoire de l'usine des Venes Liege, 1948, p. 41.

¹² Э. Бааш История экономического развития Голландии, стр. 74, примеч.

¹³ G. Rachfahl Die hollandische See- und Handelsmacht vor und nach dem Ausbruche des Niederländischen Aufstandes Berlin, 1910, S. 55 — in «Studien und Versuche zur neueren Geschichte». Показательно, что всего в Прибалтику кораблями всех стран, включая Нидерланды, было совершено в 1565 г. 3500 рейсов.

¹⁴ H. Pirenne. Histoire de Belgique, t. 3. Bruxelles, 1923, p. 273.

Торговля и кредит здесь были организованы по-новому. Центром коммерческой деятельности являлась товарная биржа — огромное здание, в котором ежедневно собиралось до 5000 купцов из разных стран для заключения торговых сделок по выставленным в залах биржи образцам товаров. Многие из этих сделок носили чисто спекулятивный характер, в расчете на последующее повышение цен.

Помимо товарной, существовала еще фондовая биржа, где устанавливались котировочные курсы различных монет, ценных бумаг и векселей, находившихся в обращении. Купец теперь редко оплачивал сделки наличными деньгами, пользуясь чаще всего векселями и переводами, адресованными на имя банкира. Здесь же от имени своих государей заключали займы у местных банкиров приказчики (факторы) коронованных особ. Более тысячи иностранных торговых и купеческих контор имели в Антверпене свои постоянные филиалы.

Одновременно с Антверпеном в северных провинциях поднимались и другие торговые города, первое место среди которых принадлежало Амстердаму. Он торговал рыбой, хлебом, маслом, сыром, корабельными снастями. В совокупности с доходами от мореходства и рыболовства эта торговля приносила городу многомиллионные прибыли. Законы Амстердама предусматривали полную свободу торговли, обеспечивали иноземным купцам неприкосновенность личности и надежную охрану их коммерческих интересов.

В то же время резко сократились торговые обороты старых корпоративных городов — Гента, Брюгге, Дордрехта. Особенно пострадала торговля Брюгге. В 1515 г. факторы итальянских фирм, а в 1545 г. ганзейцы ликвидировали свои конторы в Брюгге и переехали в Антверпен. В 1543 г. экспорт Брюгге составил ничтожную сумму в 30 726 ливров¹⁵.

Менялись формы и внутренней торговли. Изолированность отдельных торговых центров еще не была полностью ликвидирована, но в стране уже складывался прочный внутренний рынок, главными центрами которого были конкурировавшие друг с другом Антверпен и Амстердам. Старые корпоративные организации, монополизировавшие

¹⁵ Н. P i r e n n e. Histoire de Belgique, t. 3, p. 224.

снабжение городов продовольствием и другими предметами первой необходимости, уже не могли обеспечить потребности быстро разраставшихся городов; появились вступившие с ними в жестокую конкуренцию скупщики-спекулянты, перекупавшие у крестьян продовольствие на местах.

В XVI в. процесс первоначального накопления и развитие капитализма наложили свой отпечаток и на хозяйственный облик нидерландской деревни. Ее производительные силы росли. Трехпольная система во Фландрии, Брабанте, Зеландии и Голландии уступала место плодосменной. Большое внимание уделялось удобрению почвы, совершенствованию методов ее обработки и травосеянию. Расширились посевы различных технических культур, необходимых для нужд промышленности, а также садово-огородных культур вокруг крупных городов. На этой основе сложились районы так называемого торгового земледелия. Селившиеся в них крестьяне возделывали почти исключительно какую-либо одну культуру: в ряде округов Фландрии — лен, хмель, сурепицу; в Зеландии — пшеницу и растения-красители; в окрестностях крупных городов Голландии — садово-огородные культуры. На пойменных лугах и полдерах ¹⁶ в Голландии и в бальяже Ваас во Фландрии сложилось высокопродуктивное молочно-животноводческое хозяйство со стойловым откормом скота. Многие районы Фрисландии специализировались на коневодстве. Такие хозяйства всю свою продукцию сбывали на рынке или перекупщикам на месте, а все необходимые товары, в том числе и орудия труда, приобретали в городе, что расширяло объем внутреннего рынка.

В этих условиях, благоприятствовавших развитию капиталистического предпринимательства в деревне, система феодального хозяйства становилась все более нерентабельной. Прежними методами управлять и хозяйничать стало невозможно. В структуре аграрных отношений происходили коренные изменения.

Прежде всего изменился характер так называемого благородного фьефа — основы феодального землевладения. Неделимость фьефа при наследовании, система вассаль-

ных отношений, связанная с обладанием им, отошли в область предания. Само понятие фьефа отделилось от его поземельной основы; теперь многие феодалы удерживали в своих руках лишь часть доходов фьефа, порой совершенно ничтожную, например право сбора какой-нибудь незначительной подати.

Дворяне сократили до ничтожных размеров или вовсе ликвидировали собственную запашку, в своем большинстве они уже не жили в имениях, превратив их в развлекательные летние резиденции или охотничьи заповедники. Вместе с этим в экономически развитых провинциях отмерла барщина, крепостная зависимость, рента продуктами. Даже денежная рента (чинш) вытеснялась краткосрочной феодальной арендой, фермажем, издольщиной.

В этих случаях, несмотря на то, что феодал оставался по-прежнему собственником земли, отношения между ним и его держателями — крестьянами регулировались уже не нормами обычного феодального права, а особыми аренд-

¹⁶ Полдерами назывались плодородные земли, полученные путем осушения морских заливов, озер или заболоченных участков местности.

ными договорами сроком на 6—18 лет. Хотя землевладелец по истечении срока договора, как правило, повышал плату за арендуемый участок, развитие агротехники, внедрение доходных технических культур, интенсификация труда на основе личной заинтересованности крестьянина содействовали известному развитию хозяйства арендатора, особенно если арендатором был зажиточный хозяин.

К этому времени уже сложилась небольшая количественно, но экономически могущественная прослойка фермеров, ведших хозяйство на чисто предпринимательской основе. Не довольствуясь землей, находившейся в их собственности, фермеры арендовали значительные земельные участки у дворян, церкви или богатых горожан-землевладельцев, закупали инвентарь, скот, семена, нанимали в качестве батраков малоземельных или безземельных крестьян. Произведенный продукт они сбывали на рынке по вольным ценам.

Что собой представляло подобное фермерское хозяйство, можно судить по следующему примеру. Один из фермеров деревни Ваастмюнстер во Фландрии имел 29 бундеров собственной земли, 10 бундеров арендованной, 7 коров, 5 быков, 2 теленка, 2 свиньи и 75 овец. Кроме того, он арендовал маслобойню и занимался торговлей¹⁷.

Разновидностью аренды была получившая широкое распространение издольщина. Издольщик-арендатор получал от землевладельца не только землю, но и часть потребного ему инвентаря и семян. Другую их часть доставлял сам издольщик. Он же производил обычно за свой счет необходимые улучшения в хозяйстве: ремонтировал постройки, сажал деревья и т. п. В качестве арендной платы вносилась определенная часть урожая, согласно договору, в зависимости от размеров пая, внесенного арендатором и землевладельцем. Издольщик мог, таким образом, либо перерасти в фермера, либо попасть в безысходную феодальную кабалу к землевладельцу. Поэтому В. И. Ленин характеризовал издольщину как полуфеодальную форму поземельных отношений.

В экономически развитых провинциях юга и севера состоятельный арендатор или издольщик нередко стано-

вился фермером-предпринимателем, тогда как бедные арендаторы, которых было подавляющее большинство, разорялись и превращались в пауперов. Положение осложнялось тем, что резервные общинные земли, при пользовании которыми раньше бедняки могли как-то сводить концы с концами, к середине XVI в. были повсюду разграблены дворянами, церковью и сельскими богатыми.

Своеобразно складывались отношения в тех провинциях, экономический строй которых был более отсталым. Например, в Дренте и Фрисландии богатая деревенская верхушка, состоявшая из наследственных земельных собственников, присвоила себе монопольное право пользоваться общинными землями и сдавала их закабаленной ею бедноте, составлявшей большинство населения деревни, беря в качестве платы за пользование землей одну треть урожая.

В валлонских провинциях Геннегау и Артуа, где феодальное землевладение особенно мало подвергалось разложению, испольщина приняла форму «шампара»: крестьянин вносил арендную плату определенными видами сельскохозяйственной продукции, что обуславливало существование принудительного севооборота. При этом в валлонских провинциях испольщик часто нес в пользу землевладельца еще и дополнительные повинности личного характера.

Сохранение феодальных и патриархальных пережитков в этих провинциях не спасало крестьянскую бедноту от разорения. Показателем этого может служить тот факт, что из 54,5 тыс. наемных воинов герцога Альбы 20 тыс. составляли ставшие военными наемниками безземельные валлонские крестьяне¹⁸. Наличие этих пережитков делало процесс расслоения крестьянства лишь более замедленным и мучительным.

«... Никакие особенности землевладения, — подчеркивал В. И. Ленин, — не могут, по самой сущности дела, составить непреодолимого препятствия для капитализма, который принимает различные формы, смотря по различным сельскохозяйственным, юридическим и бытовым условиям»¹⁹.

¹⁷ Н. А. Е n n o v a n G e l d e r. *Nederlandse dorpen in de 16-e eeuw*. Amsterdam, 1953, blz. 64. Гентский бундер = 1,5 моргена = 0,6 гектара.

¹⁸ M. G a c h a r d. *Correspondance de Philippe II sur les affaires des Pays-Bas*, t. II. Bruxelles, 1848, № 1288.

¹⁹ В. И. Л е н и н. *Сочинения*, т. 3, стр. 279.

Одновременно городская буржуазия настойчиво проникала во все сферы хозяйственной жизни нидерландской деревни. Она скупала земли обедневших дворян и разорившихся крестьян и либо заводила на них собственное предпринимательское хозяйство, либо сдавала их на различных условиях в аренду крестьянам. Не довольствуясь этим, городская буржуазия опутывала сетями кабальных ссуд не только множество отдельных крестьянских хозяйств, но и целые деревенские общины. Так, богатые пивовары голландских городов Делфта, Дордрехта, Амстердама и др., нуждавшиеся в большом количестве торфа для варки пива, путем выдачи ссуд и авансов почти полностью подчинили себе занимавшееся торфяным промыслом население многих южноголландских деревень. Не менее показателен и другой пример: два богатых горожанина Амстердама уплатили графу Бредероде подать в сумме 2584 ливра, причитавшуюся ему с поселившихся на его земле крестьян, после чего с огромной лихвой возместили понесенные ими расходы, обложив крестьян высоким поголовным налогом ²⁰.

Городские скушники и раздатчики нещадно обирали тех крестьян, которые занимались на дому побочными промыслами. На предпринимателей Наардена, в частности в округе Хоойланд в Голландии, работало почти все сельское население, включая и малолетних детей. Правительственная опись 1514 г. гласила, что здесь большинство населения занимается чесанием и прядением шерсти, «и почти нет ни одного мужчины, который бы не пряд и не чесал шерсти, подобно женщине» ²¹.

Крестьянство, таким образом, подвергалось двойной эксплуатации — со стороны феодальных землевладельцев и со стороны нарождающейся буржуазии в лице фермеров, скупщиков и ростовщиков. К этому добавлялось все возрастающее бремя государственных налогов, причем и здесь городские богачи, принимавшие участие в раскладке налогов в пределах своего округа, безжалостно обирали крестьян, облагая деревню сверх всякой меры.

²⁰ Н. А. Енно ван Gelder. *Nederlandse dorpen in de 16-e eeuw*, blz 75—76.

²¹ N. W. Posthumus. *De Geschiedenis van de leidsche lakenindustrie*, Deel I, 's — Gravenhage, 1908, blz. 290.

Несмотря на успехи капиталистического развития в Нидерландах, было бы ошибочным считать, что вопрос о победе в экономической сфере был уже решен в пользу капитализма.

В городах реакционные средневековые ремесленные и кушеческие корпорации имели еще достаточно крепкие позиции, чтобы ставить повсеместно трудно преодолимые преграды капиталистической мануфактуре и новым формам торговли и кредита. Отстраненный от производствен-

ной деятельности, патрициат владел большими денежными богатствами и поместьями. Вместе с бюргерской верхушкой он эксплуатировал крестьян феодальными и полуфеодальными методами. Городские общины сплошь и рядом являлись «коллективными сеньорами» по отношению к крестьянам, селившимся на муниципальных землях.

В деревне феодальные отношения были еще более устойчивыми. Несмотря на все перемены, о которых говорилось выше, светское и церковное феодальное землевладение господствовало в стране. Сохранялась и феодальная эксплуатация крестьянства независимо от того, было оно лично зависимым или свободным. Взымаемая с него феодальными землевладельцами арендная плата включала в себя феодальную ренту, т. е. прибавочный продукт, а порой и часть необходимого продукта, производимого крестьянином и присваиваемого путем внеэкономического принуждения собственником земли — феодалом.

Вопреки развитию новых форм хозяйства, дворяне продолжали энергично отстаивать свои феодальные привилегии. Обесценение денежной ренты, вызванное падением реальной стоимости денег, они пытались компенсировать путем произвольного увеличения повинностей, разграбления общинных земель, возврата к натуральным поборам, барщинным отработкам и податям, которые перестали взиматься еще в прошлые столетия. Эти меры, представлявшие собой проявление феодальной реакции, сопровождались ростом государственных налогов, львиная доля которых распределялась в виде подачек, пенсий и всякого рода синекур между теми же дворянами, получавшими таким способом возможность извлекать доходы даже из тех отраслей хозяйства, которые по своей экономической структуре не подлежали феодальной эксплуатации.

Кроме того, не все провинции Нидерландов были в равной мере затронуты капиталистическим развитием. В Люксембурге, Оверейсселе, Хелдере, большей части Намюра, Геннегау и Артуа почти безраздельно господствовал феодализм и были развиты такие грубые формы крепостничества, как серваж. Серваж и его пережитки сохранились местами даже во Фландрии и Брабанте.

Существенно отличались одна от другой и те две группы торгово-промышленных провинций, ядром которых на юге Нидерландов были Фландрия и Брабант с Антвер-

пеном, а на севере — Голландия и Зеландия с Амстердамом.

В экономике городов Фландрии и Брабанта реакционные цехи и купеческие корпорации занимали еще многие ключевые позиции. Продукция капиталистических мануфактур составляла сравнительно небольшую долю в коммерческом обороте Антверпена, посредническая по преимуществу торговля которого была ориентирована на рынки, подчиненные Испании. При этом южные провинции и Антверпен располагали лишь незначительным собственным флотом, а их шерстоткацкое производство нуждалось в привозимой испанской шерсти. Удельный вес свободной аренды и фермерского хозяйства по сравнению с феодальным землевладением здесь был еще невелик, а следовательно, ограниченным был и внутренний рынок, особенно в валлонских провинциях, экономически тяготевших к Фландрии.

В северной группе провинций ни феодальный строй в деревне, ни цеховая исключительность в городах не имели столь прочных традиций, какие они имели на юге страны. В Голландии, Фрисландии и Дренте вплоть до XVI в. сохранилась значительная прослойка свободных крестьян, не знавших никогда феодальной зависимости, а феодальное дворянство и католическая церковь владели лишь 25% земли. В этих провинциях основу экспорта составляли товары местного происхождения, а само крестьянство могло существовать, лишь приобретая на рынке хлеб, привозившийся из Прибалтики, что создавало емкий и устойчивый внутренний рынок. Внешняя торговля и мореходство северных провинций, располагавших отличным и многочисленным собственным морским флотом, ориентировались в основном на Прибалтику и другие рынки, не зависящие от Испании²².

Поэтому, хотя мануфактуры северных провинций по объему выпускаемой продукции значительно уступали фландрским и брабантским, мануфактурное производство, торговля, капиталистическое фермерство и свободное крестьянское землевладение Голландии и Зеландии покои-

²² Исключением был лишь Амстердам, влиятельнейший слой купечества которого были связаны с транзитной торговлей с Испанией. В значительной мере поэтому Амстердам вплоть до 1578 г. оставался на стороне испанцев, служа им основной базой для ведения войны с восставшими в 1572 г. северными провинциями.

лись на гораздо более прочной основе. Экономически юг и север страны были почти автономны, а между Антверпеном и Амстердамом шла непрерывная и все усиливавшаяся конкурентная борьба, что отрицательно сказывалось на всей хозяйственной жизни Нидерландов, мешая процессу их экономической консолидации.

Изменения, происходившие в экономической жизни Нидерландов, сопровождались переменами и в социальной структуре общества. Разложение коснулось прежде всего господствующего класса феодалов. Возврат к средневековым порядкам удавалось осуществить далеко не всегда, но даже в тех случаях, когда это случалось, успех был лишь частичным. Попытки же экономически конкурировать с нарождающимися капиталистическими фермерами обычно заканчивались для дворян крахом, если только они сами не прибегали к капиталистическим методам ведения хозяйства. Но такие случаи были редки, встречались они лишь в Голландии, Зеландии и Фрисландии, охватывая незначительные земельные комплексы, и не они определяли общий ход развития. В массе же своей нидерландское дворянство вело праздный и паразитический образ жизни.

Неумолимые законы экономического развития делали, однако, свое дело. Былой блеск нидерландского дворянства потускнел, и в ряде провинций оно уже утратило свое прежнее значение. Многие спесивые бароны и рыцари погрязли в долгах, разорились, и часть их не могла даже внешне поддерживать «благородный образ жизни». Поэтому нидерландское дворянство было оплотом экономической и социальной реакции, искало свои идеалы в прошлом, а не в будущем. Лишь немногие дворяне поднимались до сознания неизбежности грядущих глубоких переворотов и были готовы содействовать их осуществлению.

В еще большей степени процесс расслоения затронул городское бюргерство. Те из цеховых мастеров и купцов, которые в рамках разлагающегося корпоративного строя сумели сохранить свои позиции, видели для себя единственное спасение в возврате к самой непримиримой средневековой исключительности, в сохранении любой ценой монополии на тот или иной род деятельности, в насильственном удушении пробивающихся повсюду ростков капитализма. Ремесленные цехи и купеческие корпорации они превратили в замкнутые, кастовые организации, вер-

хушка которых на основе сохранения рутинных средневековых методов производства и торговли, под прикрытием патриархальных форм безжалостно эксплуатировала фактически уже низведенных ею до положения наемных рабочих цеховых подмастерьев и другой мелкий городской люд.

Естественно, что эти слои бюргерства, вместе с остатками городского патрициата, представляли собой ближайший резерв феодально-католической реакции и упорно отстаивали разлагавшиеся средневековые порядки.

Другая же, и весьма значительная, часть цеховых мастеров, маклеров и купцов разорилась, оказалась выбитой из привычной колеи хозяйственной жизни и опустилась в ряды подмастерьев, приказчиков, работников мануфактур, а то и просто пауперов.

Однако главные удары и бедствия, связанные с первоначальным накоплением капитала и развитием капитализма, обрушились на голову мелкого городского люда и особенно крестьянства. Цеховые подмастерья, как отмечалось выше, подвергались экспроприации и трудились на худших условиях, чем работники мануфактур. Ранее самостоятельные внецеховые городские ремесленники в подавляющем большинстве попали в безысходную кабалу к скупщикам, купцам и ростовщикам. Вместе с тем на бедный городской люд давили непомерные местные и государственные налоги, а «революция цен»²³ приводила к систематическому снижению реальной заработной платы. В итоге, как показывает статистика того времени, огромная масса населения городов к середине XVI в. была низведена на положение пауперов²⁴.

²³ В XVI в. в страны Западной Европы из колоний ввозилось большое количество золота и серебра, добытых при помощи исключительно дешевого рабского труда. Товарная их стоимость была значительно ниже, чем стоимость драгоценных металлов, добывавшихся в самой Европе и в странах Востока. Резко возросло и количество драгоценных металлов, курсировавших в качестве денег в сфере обращения. Это повлекло за собой падение реальной стоимости денег и огромный рост цен, увеличившихся в XVI в. в ряде стран Европы в 2,5—3 раза. Особенно большой рост цен наблюдался на продовольствие вследствие быстрого развития промышленности и роста городского населения. Это явление получило название «революции цен».

²⁴ В 1514 г. в Лейдене 63% его жителей числились в официальных податных списках как «бедняки», освобожденные в связи с этим

Чтобы свести концы с концами, бедные ремесленники привлекали к работе на хозяина своих жен и малолетних детей, начиная с пятилетнего возраста²⁵. Но и при этих условиях многие из них избегали голода лишь благодаря помощи благотворительных организаций.

Не легче было положение и большинства крестьян, Дворяне, католическое духовенство, ростовщики и сборщики налогов объединились в общем стремлении выжать из нидерландского крестьянина последний грот²⁶. Крестьянские клочки земли были переобременены рентами, недоимками, ипотеками и прочими видами задолженности. При этом в ряде мест сохранялись еще тяжелые и унижительные крепостные обычаи и отработки.

Хотя в Нидерландах и не было такого массового слома крестьян с земли, как в Англии в XVI в., множество крестьян подверглось экспроприации. По подсчетам современного голландского историка Х. А. Энно ван Хелдера, одна треть крестьян Фландрии уже в середине XVI в. либо вовсе была лишена земли, либо арендовала карликовые участки, которые не могли прокормить их семьи. Примерно такое же положение сложилось в валлонских провинциях, которые благодаря этому превратились в вербовочный плац для испанских порабитителей Нидерландов.

Широкое распространение побочных промыслов в деревне, как мы видели, не спасло крестьян от разоре-

от уплаты налога, в Хоорне — 40%, в Делфте — 38%, в Хаарлеме — 35%, в Гауде — 32%, в Амстердаме — 23%. См. *Algemeene geschiedenis der Nederlanden, Deel IV, blz. 237—238*. Значительная часть этих бедняков являлась не исконными жителями данных городов, а людьми, бежавшими сюда в поисках работы и хлеба из деревень и местечек Голландии и соседних провинций. Например, Лейден пополнялся рабочей силой в основном за счет притока жителей окрестных деревень и городов Голландии. С 1500 по 1574 г. выходы из этих районов составляли 67,8% всего пришлою населения Лейдена за данный период. См. *N. W. P o s t h u m u s De Geschiedenis...*, blz. 377.

²⁵ *N. W. P o s t h u m u s. De Geschiedenis...*, blz. 141 Вот краткая запись рассказа одного из таких бедняков налоговому чиновнику: мужчина 57 лет; в течение нескольких десятков лет занимается ткачеством и снованием пряжи. В дополнение к этому занимается на поденную работу, приторговывает по мелочам мясом и сукном. Тому же ремеслу с 5 лет обучил своего сына. Жена в возрасте 51 года также занимается ткачеством на раздатчика.

²⁶ Грот — мелкая местная разменная монета.

ния, так как скупщик-раздатчик и купец-мануфактурист проникали и сюда и нещадно обирали сельских ремесленников. Поэтому массы крестьян вынуждены были бросать запяски и вместе со своими семьями бродить по сельским дорогам, деревням и городам в поисках пропитания. Работы для всех не хватало, да и она не сулила спасения от голода и нищеты, ибо, работая по 12—14 часов в день, большинство мануфактурных рабочих получало мизерную заработную плату, которой зачастую не доставало даже для пропитания. Поэтому часть отчаявшихся найти хлеб и справедливость «бродяг» становилась на путь воровства и разбоя, путь, который рано или поздно приводил на виселицу.

— Власти не церемонились и с теми «бродягами», которые хотели честно трудиться. С 1501 г. в Нидерландах издаются жестокие общегосударственные ордонансы против бродяг, ознаменовавшие собой начало «кровавого рабочего законодательства» в этой стране. Эти ордонансы запрещали населению подавать милостыню, предоставлять кров «бродягам» и предписывали выдавать их в руки властей для последующего наказания: бичевания, выставления у позорного столба и т. п.

На обломках разлагавшихся классов и сословий феодального общества складывались новые классы будущего буржуазного общества — буржуазия и пролетариат. Буржуазия рекрутировалась из разных слоев общества: цеховых мастеров и купцов, накопивших капитал и порвавших с корпоративно-средневековым строем, разбогатевших внецеховых ремесленников, деревенских кустарей и даже бывших наемных рабочих, зажиточной прослойки крестьян, превратившихся в капиталистических фермеров и промышленных предпринимателей. Сближалась с буржуазией также та узкая прослойка дворянства северных провинций, которая приобщалась к капиталистическим формам хозяйствования. Наконец, буржуазия пополнялась за счет чиновной бюрократии и нарождавшейся буржуазной интеллигенции, значительная часть которой состояла из деклассированных элементов патрициата, бюргерства и дворянства.

Находящаяся в процессе становления нидерландская буржуазия была еще незрелой, ведущее место в ее составе принадлежало торговой, а не промышленной буржуазии,

и многие нити еще связывали нидерландских буржуа с существующими порядками.

Наряду с буржуазией формировался и эксплуатируемый класс будущего буржуазного общества — пролетариат. Основой его создавалась за счет городских и сельских ремесленников, а также крестьян, экспроприированных в процессе первоначального накопления. Но прежде чем стать наемными рабочими, большинство этих людей в течение более или менее длительного времени влачило существование деклассированных пауперов.

Мануфактурный рабочий также не был еще настоящим пролетарием. Надомничество, связь мануфактурных рабочих с земледелием даже в таких развитых промышленных центрах, как Хондсхот, значительное различие в оплате квалифицированных и неквалифицированных рабочих, обусловленное господством в мануфактуре ручного труда, разъединяюще влияли на мануфактурных рабочих. Тем более это относилось к сельским батракам, всеми условиями жизни и труда обрекавшимся на еще большую неорганизованность, забитость и темноту. Поэтому формировавшийся нидерландский пролетариат по уровню классового самосознания был весьма далек от фабричного пролетариата и представлял собой предпролетариат.

Ближайшим его резервом в это время были цеховые подмастерья и ученики, жившие фактически уже в пролетарских условиях, но еще связанные с гибнувшим цеховым строем и мечтавшие о возврате «доброе старое время».

В совокупности с прочим мелким городским людом рабочие нидерландских мануфактур составляли так называемый городской плебс, который вместе с крестьянством являлся главной движущей силой всех социально-политических движений рассматриваемого исторического периода.

Хотя нарождавшиеся буржуазия и пролетариат Нидерландов были еще неразвиты и незрелы, их настоящие, а особенно будущие интересы уже находились в непримиримом противоречии с господствовавшим в стране феодальным строем. В недрах этих классов и угнетенного крестьянства созревала огромная сила социального протеста. На этой основе в среде нарождающихся классов складывалось новое мировоззрение.

Прогрессивные силы общества вступили в острый конфликт прежде всего с католической церковью. Это объясняется тем, что католическая церковь в Нидерландах, как и в других европейских государствах того времени, играла двойную роль. С одной стороны, она была составной частью феодального общества, и католическое духовенство, особенно высшее, входило в состав господствующего класса феодалов. Католическая церковь в Нидерланд-

дах владела огромными земельными и прочими богатствами и жестоко эксплуатировала селившихся на ее землях крестьян. Церковно-монастырское землевладение порождало те же социально-экономические конфликты и переживало ту же эволюцию, что и дворянское землевладение.

Помимо обычных феодальных повинностей, церковь собирала в свою пользу ненавистные «десятины», цинично торговала индульгенциями (свидетельствами об «отпущении грехов»), осуществляла судопроизводство на подвластных ей территориях. В городах монастыри, освобожденные от уплаты местных налогов, упорно конкурировали с ремесленниками и мануфактурами в производстве сукна, пива, вина и других товаров и в торговле ими.

С другой стороны, католическая церковь являлась, по определению Энгельса, наиболее общим синтезом и наиболее общей санкцией феодального строя, монополизировала в своих руках руководство идеологической жизнью феодального общества и дело образования. Средневековая идеология была по преимуществу идеологией религиозной. «Ясно, что при этих условиях, — подчеркивал Энгельс, — все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси... Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»²⁷.

В XVI в. католическая церковь в Нидерландах, как и повсюду в Европе, уже значительно растеряла свой былой моральный авторитет. В стране все более широкое распространение получали гуманизм, а также реформационные течения различных направлений. В них нашли свое выражение идеологические и политические устремления нарождающейся буржуазии и угнетенных народных масс.

Повсюду в городах образовывались гуманистические кружки, тон в которых задавала нарождавшаяся буржуазная интеллигенция, идеологически обосновывавшая притязания восходящего класса буржуазии на руководящее поло-

жение в обществе. Прекрасные знатоки древних языков, гуманисты делали критические разборы текстов библии и сочинений «отцов церкви», вскрывали вопиющие ошибки, допускаясь в их толковании и переводах католической церковью. Они обличали невежество, корыстолюбие и моральное разложение католического духовенства, призывали очистить религиозную идеологию и культ от «языческих напластований», возвратиться к «простоте и чистоте» раннего христианства

Крупнейшим нидерландским гуманистом этого времени, пользовавшимся общеевропейской известностью, был Эразм Роттердамский. В своем «Похвальном слове глупости» он от имени Глупости произносит безжалостный приговор современному ему обществу — злобным и ничтожным правителям, пустым и развратным вельможам, невежественным схоластам-ученым. Особенно острым сарказмом проникнуты строки, посвященные богословам и монахам: «Что до богословов, — говорит Глупость, — то, быть может, лучше было бы обойти их здесь молчанием, не трогать этого смрадного болота, не прикасаться к этому ядовитому растению». Не лучше богословов и католические монахи: «... они уверены, что наивысшее благочестие состоит в воздержании от всех наук, так что лучше вовсе не знать грамоты. Засим, читая в церквях ослиными головами размеченные, но непонятные им псалмы, они пребывают в убеждении, что доставляют этим великую усладу святым. Иные из них бахвалятся своим неряшеством и попрошайничеством и с громким мычанием требуют милостыни у дверей... Своей грязью, невежеством, грубостью и бесстыдством эти милые люди, по их собственным словам, уподобляются в глазах наших апостолам»²⁸.

Эразм Роттердамский перевел библию с греческого оригинала на латинский язык. Научная критика библейского текста, данная им в подробных комментариях, знаменовала отход от церковной трактовки библии как «божественного откровения» и смыкалась с идеями реформации.

Однако Эразм Роттердамский, как и большинство гуманистов того времени, будучи смелым в области критики по-

²⁸ Эразм Роттердамский. Похвальное слово глупости. М.—Л., 1931, стр. 138, 150.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 361.

роков общества, требовал лишь его усовершенствования, без «потрясения основ». Поэтому гуманизм пользовался успехом преимущественно в среде университетских профессоров, ученых педантов и либерально настроенной аристократии, чему немало способствовало и то обстоятельство, что гуманисты писали свои книги на недоступном для народа мертвом латинском языке, третируя национальный язык как «грубый язык черни».

Идеи социальной справедливости и революционного переустройства общества нашли свое выражение не в литературном творчестве гуманистов, а в том широком общественно-политическом движении, которое получило наименование реформации, так как одним из главных его требований было требование реформы католической церкви.

Лютеранство стало распространяться в Нидерландах примерно с 1517 г. Однако оно снискало себе популярность лишь среди некоей части гуманистов, зажиточного городского бюргерства и оппозиционно настроенных кругов дворянства, желавших по примеру немецких феодалов поправить свое пошатнувшееся благосостояние за счет секуляризации (конфискации и раздела) церковных и монастырских земель.

Что же касается городского плебса и крестьянства, то среди них наибольшим успехом пользовались идеи анабаптизма. Революционные анабаптисты в нидерландских провинциях и их руководители — Иоанн Матизон, Иоанн Бокелзон (Лейденский) и другие — выдвигали следующие основные положения: насильственное ниспровержение всех светских и церковных властей; установление на земле царства божьего (т. е. царства социальной справедливости), в котором власть и право на жизнь будут дарованы лишь справедливым (святым) людям; введение общности имуществ. Однако общность имуществ распространялась лишь на предметы потребления, не затрагивая средств производства; «коммунизм» анабаптистов, таким образом, носил уравнилельно-потребительский характер.

Оценивая программу анабаптистов, Энгельс подчеркивал, что, хотя она и предвосхищала некоторые черты будущего коммунистического общества, реальная социально-экономическая и политическая действительность не созрела еще для практического осуществления этих

смутных идей социальной справедливости. Даже в случае удачи движения «нападки на частную собственность, требование общности имущества неизбежно должны были выродиться в примитивную организацию благотворительности; неопределенное христианское равенство могло, самое большее, вылиться в буржуазное «равенство перед законом»; упразднение всяких властей превращалось в конце концов в учреждение республиканских правительств, избираемых народом»²⁹.

Большую роль в распространении критики существующего строя и реформационных идей среди народных масс Нидерландов сыграли так называемые риторические общества, существовавшие в каждом городе и даже во многих

²⁹ К. Маркс, и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 364.

крупных деревьях. Их участниками были кушцы, бюргеры средней руки, интеллигенты, ремесленники, крестьяне. Риторические общества организовывали местные празднества, сочиняли и ставили пьесы, проводили публичные конкурсы и диспуты, на которых их члены соревновались в красноречии, поэтическом и литературном мастерстве.

Литературно-драматическая деятельность обществ нередко была пронизана прямой или косвенной критикой католической церкви, духовенства и представителей светских властей. Жадный и невежественный поп, развратный и лживый монах, пристрастный судья, лихоимствующий чиновник — вот персонажи, подвергавшиеся осмеянию на сходах членов риторических обществ.

Ее довольствуясь лишь одним словесным бичеванием язв и пороков существующего строя, многие члены риторических обществ активно участвовали в классовых битвах этого времени.

Большую роль сыграли риторические общества северных провинций в длительных и широких крестьянско-плебейских движениях, ареной которых в 1534—1535 гг. сделались Голландия, Фрисландия, Оверейссел и другие районы Северных Нидерландов. Эти волнения слились с анабаптистским восстанием 1535 г. в приграничном с Нидерландами немецком городе Мюнстере (Мюнстерская коммуна)³⁰.

Причастными оказались риторические общества и к другому крупному социально-политическому конфликту — знаменитому в истории Нидерландов гентскому восстанию 1539—1540 гг. По утверждению властей, съезд риторических обществ Фландрии и Брабанта, происходивший в Генте летом 1539 г., послужил прологом к этому восстанию.

Восстания были жестоко подавлены правительством Карла V, которое затем обрушило свирепые репрессии на анабаптистов. Сотни их подверглись мучительным казням, тысячи — другим карам и изгнанию из страны. Еще до этого, с 1521 г., Карл V начал издавать так называемые

³⁰ Следует подчеркнуть, что как вожди, так и рядовые участники Мюнстерской коммуны в значительной своей части являлись пришельцами из Голландии и Фрисландии. Сам Иоанн Лейденский был у себя на родине одним из наиболее выдающихся участников местного риторического общества.

плакаты, которые предусматривали жестокие наказания для «раскаившихся» еретиков, смертную казнь и конфискацию имущества — для упорствующих в «дьявольской ереси». В 1522 г. в Нидерландах был учрежден во главе с Францем ван дер Хюлстом специальный инквизиционный трибунал по борьбе с ересью.

Жестокие репрессии и поражение восстаний 1534—1535 гг. деморализовали в значительной степени анабаптистов. Они раскололись на множество мелких течений, замкнувшихся в своей сектантской ограниченности и сменивших программу насильственного ниспровержения существующих порядков на проповедь непротivления злу и морально-го самосовершенствования. Лишь сравнительно небольшая часть приверженцев анабаптизма осталась верной революционным методам борьбы. Но это было лишь кратковременное и грозное затишье перед грядущей бурей.

В 1555 г., убедившись в полном провале своих фантастических планов создания «всемирной империи», Карл V отрекся от престола. Его владения подверглись разделу. Наследственные земли Габсбургов в Германия, Чехия, и Венгрия остались за братом Карла V императором Фердинандом I. Королем испанской державы стал сын Карла V — Филипп II. Помимо Испании, ему достались Нидерланды, Неаполитанское королевство и колониальные владения.

К этому времени в историческом развитии Испании уже определился тот перелом, который впоследствии низвел ее с положения самого могущественного западноевропейского государства до уровня второразрядной державы. Беспощадно подавляя ростки капитализма, всякое проявление политической оппозиции и идейного свободо-мыслия, реакционное испанское дворянство превратило свою страну в оплот феодальной реакции и католического мракобесия. Характеризуя политический строй Испании этого времени, Маркс писал: «... абсолютная монархия в Испании, имеющая лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы, вообще должна быть приравнена к азиатским формам правления»³¹. Подвергая безудержному ограблению собственный народ и народы подвластных Испании стран, испанское дворянство на международ-

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. X, стр. 722.

ной арене пыталось воскресить уже провалившуюся политику Карла V, преследовавшую цель создания всемирной католической империи.

Правитель Испании Филипп II являлся олицетворением этого политического курса. Тупой, ограниченный деспот и католический изувер, он всю свою жизнь повсюду куда проникали его полчища или испанское политическое влияние, преследовал всякое проявление прогресса и его носителей. Как отвратительный паук, ткал он в мрачной тиши своего кабинета незримую паутину заговоров, политических интриг и провокаций, рассчитывая таким путем обеспечить торжество феодально-католической реакции и оградить себя от революционных бурь.

Сильнее всего новые веяния сказывались в Нидерландах, и в Мадриде было решено решительно и бесповоротно покончить с этим «рассадником ереси».

В период правления Карла V, хотя налоги и были очень высоки, буржуазия Нидерландов пользовалась одновременно и значительными преимуществами. Купцы имели доступ в испанские колонии, и к их услугам был широкий имперский рынок. Владельцы мануфактур беспоплиненно получали испанскую шерсть, и им оказывалось известное покровительство. Владельцы денежных богатств наживались на откупах налогов и на государственных займах — одни проценты по которым в 1556 г. составили сумму в 1 357 287 ливров³². В своей политике Карл V исходил не из узко испанских интересов, а из интересов империи в целом, что облегчало положение Нидерландов. В частности, как бы ни были жестоки плакаты против еретиков на практике они применялись с известной осторожностью за исключением периодов обострения социальной борьбы — как, например, в 1534—1535 гг. После раздела Империи и воцарения Филиппа II наступили иные времена и восторжествовала другая политика.

Экономике Нидерландов был нанесен ряд сокрушительных ударов: была введена разорительная для нидерландской шерстоткацкой промышленности пошлина на ввозную испанскую шерсть; нидерландским купцам закрыли доступ в испанские колонии; конфликт с Англией прервал столь важные для Нидерландов торговые связи с этой

³² Н. P i r e n n e. Histoire de Belgique, t. 3, p. 216.

страной, а обставленное Филиппом II в 1557 г. государственное банкротство разорило многих нидерландских банкиров и дезорганизовало систему денежного кредита. Экономический расцвет Нидерландов сменился хозяйственным застоем.

В целях политического порабощения страны в Нидерландах были оставлены испанские войска, расквартированные во время последней войны с Францией. В стране, невзирая на местные вольности и привилегии, начали вводиться испанские абсолютистские порядки. Вся полновластная власть перешла в руки узкой придворной камарильи — так называемой консульты, состоявшей из кардинала Гранвеллы, пользовавшегося особым доверием Филиппа II, председателя Тайного совета Виглиуса и председателя Финансового — Барлемона. Сама наместница Филиппа II в Нидерландах Маргарита Пармская, согласно его инструкциям, должна была в своих действиях руководствоваться указаниями консульты.

Количество епископств в Нидерландах было увеличено с 6 до 20, и им была вменена в обязанность борьба с ересью. Прежние плакаты против ереси были подтверждены, и о властях требовалось их беспрекословное исполнение.

Попытки введения испанских абсолютистских порядков натолкнулись, однако, на решительное сопротивление самых разнообразных социальных прослоек нидерландского населения, интересы которых оказались затронутыми политикой Филиппа II.

Больше всего пострадали торговля и промышленность. Многие предприятия закрылись, торговля свертывалась. Кушцы и предприниматели несли большие убытки. Городские и сельские ремесленники, рабочие мануфактур оказались перед лицом голода. Толпы бездомных бродяг угрожая возрастали. Еще более беспросветной стала жизнь деревенской бедноты.

Обострению взаимоотношений между испанским абсолютизмом и Нидерландами способствовало еще одно новое явление, связанное с развитием капитализма — складывание нидерландской нации. Как отмечал И. В. Сталин «процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации»³³. К середине XVI в. в Нидерландах уже установи-

лась общность территории, экономической жизни, складывалась общность культуры. Свообразием Нидерландов было, однако, то обстоятельство, что население провинций говорило на разных языках. В валлонских провинциях — Артуа, Геннегау, Турне, Лилле, Орши, Турнези — население говорило на валлонском диалекте французского языка. Фландрия, Брабант, Лимбург, Голландия, Зеландия, Утрехт, Хронинген, Оверейссел, Фрисландия, Дрента являлись зоной распространения фландрско-фризского языкового комплекса. В Люксембурге и Хелдере был распространен немецкий язык.

• Хотя процесс складывания нидерландской нации еще был далек от своего завершения, национальное самосознание уже овладевало умами жителей Нидерландов, и испанский деспотизм воспринимался как форма национального угнетения.

Вновь резко обострились социальные противоречия, причем социальный протест по-прежнему облекался в форму антицерковных ересей. С 50-х годов на первый план выдвинулось новое реформационное течение — кальвинизм, получивший общеевропейское распространение.

Ряд догматических положений кальвинизма был обещан для всех реформационных вероучений. К ним относится признание приоритета так называемого священного писания (библии) по отношению к позднейшим трудам «отцов церкви», отрицание поклонения мощам и изображениям святых, монашества, католической церковной иерархии, пышного культового церемониала.

В то же время кальвинизм имел и отличительные черты, сделавшие его, по определению Энгельса, идеологией «самой смелой части тогдашней буржуазии»³⁴. Краеугольным камнем кальвинизма было учение о «божественном предопределении». Согласно этой теории, одни люди от рождения были предопределены богом к спасению и блаженству в потустороннем мире, другие — к гибели. Но людям неизвестен произнесенный над ними приговор, и лишь успех их профессиональной деятельности, трудолюбие, набожность и благочестие могут служить показателем благорасположения к ним бога.

³³ И. В. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 303.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. М., Госполитиздат, 1955, стр. 94.

Истинный кальвинист целиком отдавался своей профессиональной деятельности, пренебрегал личным комфортом, копил деньги и был прижимистым хозяином. Уклоняться от этого значило совершать греховный поступок.

В этих догматических положениях кальвинизма в исцеленном, фантастическом виде отражались реальные экономические и социальные условия существования буржуазии периода первоначального накопления: преклонен перед стихией рыночных отношений и властью денежной жажда наживы, требование всеобщего равенства перед божественным произволом, сводившееся в реальной жизни к всеобщему равенству перед всемогуществом богатства и денег. «... Учение о предопределении, — по черкивал Энгельс, — было религиозным выражением того факта, что в мире торговли и конкуренции удача или банкротство зависят не от деятельности или искусства отдельных лиц, а от обстоятельств, от них не зависящих. «Определяет не воля или действия какого-либо отдельного человека, а милосердие» могущественных, но неведомых экономических сил. И это было особенно верно в то время экономического переворота, когда все старые торговые пути и торговые центры вытеснялись новыми, когда были открыты Америка и Индия, когда даже издревлетенный экономический символ веры — ценность золота и серебра — пошатнулся и потерпел крушение»³⁶.

Из теории предопределения можно делать и другие выводы: не имели значения сословные привилегии классов, ибо не ими определялась предызбранность к спасению. Буржуазия же получала обоснование своих претензий на руководящее положение в политической жизни общества на правах наиболее преуспевающей его части. Эксплуатируемым массам кальвинистские проповедники внушали, что, ведя благочестивую жизнь, усердно работая на хозяина, копя деньги, они сами смогут добиться преуспеяния. Если же они и не достигнут этого, то бог, заметив их усердие, ниспослет им блаженство в царствии небесном. Агитационная сила и доходчивость этой проповеди кальвинизма в массах были весьма значительны. В описываемый период буржуазия еще выступала в качестве пред-

ставителя интересов всех угнетенных классов и сословий феодального общества. Кроме того, в ходе и после совершения буржуазной революции перед многими выходцами из крестьянства и пролетариата открывалась реальная возможность подняться в ряды ставшего господствующим класса буржуазии. «Когда французская буржуазия свергла господство аристократии, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — перед многими пролетариями открывалась в силу этого возможность подняться над пролетариатом, но это достигалось лишь постольку, поскольку они превращались в буржуа»³⁶.

Кальвинизм создал крепкую и боеспособную церковную организацию, основной ячейкой которой была самостоятельная местная церковная община, избирающая из числа своих членов проповедника (министра) и совет (консисторию).

В конце 50-х годов кальвинистские общины в Нидерландах росли повсеместно как грибы, прячась в подполье, укрываясь от надзора инквизиции под конспиративными кличками. Руководящая роль в них принадлежала, как правило, зажиточной городской буржуазии.

Католические реакционеры понимали, что за религиозными разногласиями скрывается социальный протест угнетенных классов и сословий, что ересь является предвестником вооруженного восстания. Испанский историк иезуит Страда в «Истории фландрской войны» писал по этому поводу: «... ересь есть начало и школа мятежа: в то самое время, как она изгоняет из разума людей уважение и повиновение к властям человеческим»³⁷. Такого же мнения придерживался и Филипп II, когда в речи в день отъезда из Нидерландов в 1559 г., предупреждая нидерландское дворянство от увлечения идеями реформации, говорил: «Помимо вреда для божьего дела, как показывает опыт прошлого, перемена религии всегда сопровождается изменением государственного строя, часто бедняки, бездельники и бродяги пользуются этим как предлогом, чтобы завладеть имуществом богатых»³⁸. Страна была накануне грозных событий.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 47—48.

³⁷ F. Strada. Histoire de la guerre de Flandre, t. I. Paris, 1652, p. 96.

³⁸ А. Пиренн. Нидерландская революция. М. 1937, стр. 40.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения т. II, стр. 94.

Глава 2

НАЧАЛО БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Пророчество Филиппа II сбылось раньше, чем того ожидал сам. К началу 60-х годов в стране начались массовые, тайные и открытые проповеди кальвинистов, анабаптистов, сопровождавшиеся народными волнениями. Такие выступления произошли в 1561 г. в местечке Биллель (Фландрия), в Турне, Валансьене (Артуа) и Антверпене, количество еретиков в котором Страда исчислял 13—14 тысяч человек¹. Инквизитор Тителман, совершивший в 1561 г. инспекционную поездку по Фландрии, писал заместнице, что города Ипр, Менен, Хондсхот и Армерсхтер «кишат анабаптистами». Повсюду в большом количестве имелись также приверженцы кальвинизма².

Последующие годы сопровождались усилением реформационного движения. На проповеди в окрестностях крупных городов собирались уже тысячи людей. Многие из них приходили вооруженными.

Правительство прибегло к массовым репрессиям. Вспыхнули волнения в городах. В Валансьене разгромивший городской плебс разметал уже сложенные косты инквизиции, забросал камнями жандармов и, взломав двери тюрьмы, освободил заключенных в нее кальвинистских проповедников³. Такие же события разыгрались

1564 г. в Антверпене, когда городские власти повели на костер бывшего монаха Кристофа Фабрициуса⁴. Массовое движение все ширилось, грозя перерасти во всеобщее восстание. Организующим центром всех этих выступлений были кальвинистские консистории, часть которых уже вышла из подполья и действовала открыто.

Теперь пришли в движение и дворяне. Они опасались, что политика Филиппа II вызовет восстание, которое может закончиться не только свержением иноземной тирании и разгромом ее главной опоры — католической церкви, но и гибелью самого нидерландского дворянства.

У нидерландских дворян были, однако, и другие причины, побудившие их выступить против правительства. С завистью и злобой следили они за тем, как высокомерные испанцы и их ставленники — выскочки вроде Гранвеллы — быстро оттирают родовитое нидерландское дворянство от кормила правления, захватывая почетные должности, доходные sinecтуры, церковные пребенды и командные должности в армии. Кроме того, промотавшиеся нидерландские дворяне видели единственное средство поправки своих дел в конфискации и разделе между собой церковных имуществ. Такую программу можно было пропихнуть только вопреки испанскому абсолютизму и католической церкви.

Поэтому как среди аристократии, так и среди рядового дворянства распространились оппозиционные настроения, а часть дворян примкнула к реформации. Руководителями оппозиционной феодальной знати были крупнейшие нидерландские вельможи — принц Вильгельм Оранский, граф Эгмонт и адмирал Горн.

Выражая волю нидерландского дворянства и опираясь на него, эти вельможи стали высказывать в Государственном совете порицание деятельности правительства и предъявляли заместнице и Филиппу II ряд требований: соблюдать вольности и привилегии страны, вывести испанские войска, отозвать из Нидерландов ненавистного временщика Гранвеллу, отменить или значительно смягчить наказания против еретиков.

Выступив с оппозицией по отношению к правительству, нидерландская знать и дворянство рассчитывали приобре-

¹ F. S t r a d a. Histoire de la guerre de Flandre, t. I, p. 2

² E. de C o u s s e m a k e r. Troubles religieux du XVI-e siècle dans la Flandre maritime 1560—1570, t. I. Brugges, 1876, p. 86—

³ F. S t r a d a. Histoire de la guerre de Flandre, t. I, p. 160—1

⁴ F. S t r a d a. Histoire de la guerre de Flandre, t. I, p. 215—216.

сти авторитет в глазах городской буржуазии и народа представить себя в качестве защитников вольностей и национальных интересов Нидерландов. Таким путем они намеревались сохранить за собой политическую власть в стране.

• Наконец, среди нидерландских дворян, главным образом в северных провинциях, имелись и такие, которые сближались с буржуазией, в лице испанского абсолютизма и католической церкви видели врагов своего отечества и в случае необходимости готовы были выступить против них с оружием в руках. В данный момент эта, численно небольшая группа не отделилась еще от оппозиционно настроенного нидерландского дворянства и действовала заодно с ним, но выдвигала наиболее радикальные требования, склонна была к наиболее энергичным действиям.

Дворяне добились исполнения некоторых своих требований: испанские войска были выведены из Нидерландов, кардинала Гранвеллу отозвали в Испанию, но никаки существенных изменений в своих основных направлениях испанская политика в Нидерландах не претерпела. Филипп II по-прежнему проявлял полное пренебрежение к насущным экономическим и политическим нуждам Нидерландов и оставил в силе плакаты против еретиков.

Более того, усилья бдительность нидерландской аристократии обещаниями и льстивым обхождением, он начал в глубокой тайне подготавливать план решительной расправы с непокорными подданными.

Зловещие слухи о готовящейся массовой расправе попользи по Нидерландам. Это усилило народное возмущение. В стране явно назревал политический кризис. Буржуазные консистории, которые сами вели в народе агитацию против плакатов, инквизиции и «идолопоклонства» (т. е. поклонения мощам и изображениям святых), с огромным трудом сдерживали напор масс, готовый в любой момент вылиться в восстание.

Наиболее решительные элементы дворянства также считали необходимым прибегнуть к открытым действиям. В ноябре 1565 г. они объединились в союз «Соглашения» или «Компромисса». Был выработан текст обращения правительству. 5 апреля 1566 г. этот манифест был вручен делегатией дворян наместнице. Их бедная одежда подала повод к насмешкам со стороны части придворных, прису-

ствовавших на церемонии, которые дали членам депутации презрительную кличку «гёзы», т. е. нищие. Кличка эта была подхвачена оппозиционерами. Они стали специально носить одяения, похожие на нищенские кафтаны, с сумкой для подаяния у пояса. Была выбита также особая медаль. На одной ее стороне красовался барельеф Филиппа II, на другой — кисти рук, соединенные в крепком рукопожатии на фоне нищенской сумы — эмблема союза. Надпись, выгравированная на медали, гласила: «Во всем верны королю вплоть до нищенской сумы».

Как видно, дворянские оппозиционеры, в своей основной массе, подняли «бунт на коленях» и, используя народное недовольство в своих интересах, выпрашивали у Филиппа II лишь частичные уступки, посредством которых они хотели предотвратить надвигающуюся революционную грозу. Эти настроения отразились и в тексте манифеста. Утверждая, что невыполнение их требований может повлечь за собой «всеобщее восстание и бунт», дворяне затем подчеркивали, что опасность угрожает прежде всего им «как наиболее подверженным тем лишениям и бедствиям, которые обычно проистекают из подобных злоключений, поскольку их дома и владения расположены в сельских местностях и легко могут стать жертвой мятежных элемен-

тов»⁵. Требования союза дворян сводились в основном к следующему: отмена плакатов против еретиков, сохранение вольностей и привилегий и немедленный созыв Генеральных штатов для обсуждения политической обстановки, создавшейся в стране.

● Образование союза дворян и его деятельность показывали, что колебания в среде господствующего класса Нидерландов достигли высшей точки, что революционная ситуация окончательно сложилась.

Правительство медлило с ответом, и руководители союза дворян, уже слишком далеко зашедшие в своей оппозиционной деятельности, не могли остановиться на полпути. В поисках союзников они начали вести переговоры о помощи с немецкими лютеранскими князьями и французским гугенотским дворянством. Внутри страны они вступили в контакт с руководством кальвинистских консисторий с целью разработать план совместных действий в тот случай, если правительство отклонит их требования и перейдет к репрессиям.

Но народные массы не захотели ждать, пока закончатся торг между буржуазными заправилками консисторий и руководителями союза дворян. 11 августа в районе города Ховдехота, Армантьера и Касселя началось мощное народное восстание. Гнев восставших обрушился прежде всего на ненавистную католическую церковь. Большие толпы рабочих мануфактур, ремесленников и крестьян, вооруженных и снабженных лестницами, ломami, молотами, веревками, врываются в помещения церквей и монастырей, уничтожая мощи, статуи и иконы «святых», вследствие чего восстание получило название иконоборческого. Ценности, имевшиеся в церквях, как правило, изымались и передавались в руки местных властей. Католическое богослужение повсеместно было приостановлено. Правительство и местные органы власти оказались захваченными врасплох и были парализованы. Тем временем восстание распространялось с быстротой пожара, охватывая одну провинцию за другой.

22 августа оно перекинулось уже в Антверпен. Инициаторами иконоборческих выступлений были ремесленники

⁵ J. S t r a t i u s. Histoire des troubles et guerre civile du pays de Flandre. Lyon, 1584, p. 17/2 — 18/1.

и мелкий городской люд. Магистрат, после нескольких неудачных попыток остановить погромы церквей, заперся в ратуше, окруженной цеховой стражей. На следующий день иконоборцы выступили в Турне. В город из прилегающих деревень сбежалось до 800 вооруженных крестьян, которые совместно с городским плебсом начали погромы церквей. Попутно с этим повстанцы уничтожали жалованные грамоты, привилегии и поземельные описи, хранившиеся в монастырских канцеляриях. Были созданы вооруженные отряды, содержавшиеся за счет конфискованных церковных имуществ. Руководство движением здесь находилось в руках кальвинистского проповедника Амбруаза Вилле и буржуазных заправил из консисторий⁶.

Такая же картина наблюдалась и в северных провинциях. В Мидделбурге (Зеландия) иконоборческие выступления начались 22 августа. Народ, заручившись поддержкой некоторых членов магистрата, сочувствовавших кальвинизму, не только разгромил церкви, но и добился освобождения томившихся в городской тюрьме кальвинистов. В Амстердаме и Флиссингене некоторые члены магистрата из числа богатой буржуазии оказывали в ходе восстания прямую и косвенную поддержку действиям иконоборцев. В Утрехте восставший народ не только громил церкви, но и вмешивался в дела судопроизводства и управления городом. Оценивая эти события, наместница с нескрываемым ужасом писала принцу Оранскому: «То, что они замыслиют, это не только ниспровержение религии, но также уничтожение судопроизводства и всего политического порядка»⁷. Соглашения же, которые заключили с восставшим народом и консисториями магистраты Утрехта и Амстердама, она характеризовала как «направленные на полное истребление католической религии»⁸.

За короткое время иконоборческое восстание охватило почти все провинции Нидерландов. Число церквей и монастырей, подвергшихся погрому, достигло 5500. В своей основе движение носило стихийный характер, но в ряде

⁶ Renon de France. Histoire des troubles des Pays-Bas, t. I. Bruxelles, 1886, p. 148 — 152; Pasquier de la Barre. Mémoires, t. I. Bruxelles, 1859, p. 147—148, 153

⁷ L. P. G a c h a r d. Correspondance de Guillaume le Taciturne, prince d'Orange, t. 2. Bruxelles, Leipzig, Gand, 1850, № 431.

⁸ Там же, № 438.

мест иконоборческие выступления прошли не без участия буржуазных руководителей консисторий и наиболее решительно настроенных членов союза дворян. В целом же как правильно подчеркивал венецианский посол в Нидерландах Антонио Тьеполо, «разгром церквей и монастырей был произведен против воли главарей лиги, которые очень хотели поугагать короля, но не намеревались поощрять подобные эксцессы»⁹.

Иконоборцы не ограничились погромами церквей. Повсеместно они принуждали магистраты заключать соглашения с кальвинистскими консисториями, на основании которых прекращалось действие плакатов против еретиков, вводилась свобода кальвинистского вероисповедания, устанавливались ограничения для католических церквей и католического духовенства, а находившиеся в церквах ценности передавались магистратам для использования на общественные нужды. В отдельных случаях дело доходило до прямого захвата власти восставшим народом.

Исключение составляли лишь такие экономически отсталые провинции, как Люксембург, Геннегау, Артуа, Хелдер, где иконоборческих выступлений либо совсем не было, либо они произошли только в некоторых крупных городах. В ряде районов этих провинций вооружившиеся крестьяне, под руководством представителей властей, даже выступили против иконоборцев и разгромили несколько отрядов.

Иконоборческое восстание напугало не только правительство. Испуганы были также руководители и большинство членов союза дворян и буржуазные заправилы консисторий. Учитывая это и желая расколоть движение, наместница 23 августа 1566 г. опубликовала манифест, в котором обещала прекратить деятельность инквизиции, снять плакаты, дать амнистию членам союза дворян и разрешить кальвинистские проповеди в специально для этого отведенных помещениях. Вместе с тем она выражала надежду, что дворяне проявят свои верноподданнические чувства и помогут «восстановить спокойствие в стране».

Расчет наместницы полностью оправдался. Дворяне безоговорочно приняли ее условия, объявили свой союз

распущенным и вместе с правительственными войсками приступили к вооруженному подавлению восстания, стремясь этим выслужиться перед властями и искупить прежние «грехи».

Уже 25 августа принц Оранский писал в письме наместнице, что по его приказанию на рыночной площади Антверпена повешены два иконоборца «за учинение святотатства и грабеж церквей». Двенадцать других иконоборцев подверглись также различным наказаниям¹⁰. В период временного отсутствия принца в Антверпене его заместителем один из руководителей оппозиционного дворянства, граф Хоохстратен 18 октября 1566 г. приказал казнить еще несколько зачинщиков новых волнений в Антверпене. Секретарь графа Эгмонта Бакерцел организовал разгром отряда иконоборцев близ города Граммон во Фландрии, приказав затем повесить 21 пленного¹¹.

Кальвинистские консистории пытались еще торговаться с правительством, выпрашивая новые уступки, но и они уже лицемерно утверждали, что восстание произошло без их ведома и согласия, и призывали народ «успокоиться и прекратить мятежи». В Турне тот самый кальвинистский проповедник Амбруз Вилье, который руководил иконоборческими выступлениями городского плебса, убеждая теперь народ «изгнать из своей души внутренние грехи прежде чем производить истребление внешних идолов, то есть икон и статуй «святых»¹². В Антверпене кальвинистские консистории дали магистрату согласие на казнь нескольких участников иконоборческих выступлений, просили придать им эшевенов, чтобы успешнее «восстановить порядок»¹³.

Измена буржуазии лишила восстание руководства

¹⁰ L. P. G a c h a r d. Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. 2, № 428; Ch. P a i l l a r d. Huit mois de la vie d'un peuple de Bruxelles, 1877, p. 224.

¹¹ J. F. L e P e t i t. La grande chronique ancienne et moderne de Hollande, Zélande, Vest-Frise, Utrecht, Frise, Overissel et Groenitgen, t. II. Dordrecht, 1601, p. 125; E. M e t e r e n. Historia, ode eigentliche und wahrhafte Beschreibung aller fürnehmen Kriegshände gedenkwürdigen Geschichten und Thaten, 1600, S. 66.

¹² H. F o r n e r o n. Histoire de Philippe II, t. II. Paris, 1887, p. 83—84.

¹³ J. S t r a t i u s. Histoire des troubles et guerre civile... p. 32/2 — 34/1.

⁹ Th. J u s t. Histoire de la révolution des Pays-Bas sous Philippe II, t. II. Paris, 1855, p. 184 (примечания).

целеустремленности. Оно еще агонизировало в Антверпене и Валансьене, но к весне 1567 г. и эти очаги восстания были подавлены. Теперь, считая свою цель достигнутой, наместница объявила манифест от 23 августа 1566 г. недетским и начала жестокое преследование участников восстания.

Когда Филипп II получил известия об иконоборческом восстании в Нидерландах, он пришел в неопределимую ярость и готов был принять самые необдуманные решения. Не поразмыслив и выслушав рекомендации своих фаворитов, он решил последовать совету герцога Альбы — специально подготовить карательную армию, скрывая вместе с тем свои замыслы до тех пор, когда «можно будет отрубить голову всем, кто этого заслуживает».

Замыслы испанцев стали известны в Нидерландах. О позиционно настроенные дворяне и буржуазия поняли теперь, что они позволили себя завлечь в ловушку, но было уже поздно. Огромная испанская армия под командованием герцога Альбы приближалась к границам. Толпы беженцев загромодили дороги Нидерландов и заполнили трюмы кораблей. Около 100 тысяч человек покинуло пределы родины, ища спасения на чужбине. Бежали из страны и не менее скомпрометировавшие себя перед правительством дворянские оппозиционеры — принц Вильгельм Оранский и его брат Людовик Нассауский и др. Страх перед грядущей карой сжимал сердца самых смелых людей. Но было немало и таких, которые еще надеялись на «милость» Филиппа II и полагали, что, переметнувшись в разгар иконоборческого восстания на сторону правительства, они искупят свою вину. К таким людям принадлежали, в частности, бывшие руководители аристократической оппозиции — граф Ламораль Эгмонт и адмирал Горн. Впоследствии и они жестоко поплатились за свою политическую неадекватность.

22 августа 1567 г. разбойничьи полчища герцога Альбы вступили в Брюссель, а сам он приступил к исполнению инструкций, полученных от Филиппа II.

Фердинанд Альварез де Толедо герцог Альба был классическим образцом испанского гранда того времени. Способный военачальник, он достиг высших почестей при дворе Филиппа II, но даже там вызывал общую ненависть своим безграничным высокомерием. Известный жестокостью к своим солдатам, в рядах которых он поддерживал железную дисциплину, герцог Альба превосходил самого Филиппа II в иступленном католическом фанатизме и ненависти к «недосожженным еретикам», как он называл всех нидерландцев.

Герцог Альба был посредственным политиком и полным невеждой в вопросах экономической жизни. Топор палача и костер инквизиции были, по его мнению, единственными надежными средствами в управлении Нидерландами. Свою программу действий герцог Альба сформулировал так: «Бесконечно лучше сохранить для бога и короля государство обедневшее и даже разоренное, чем видеть его в цве-

тущем состоянии для сатаны и его пособников — еретиков».

Этот исполнитель воли Филиппа II установил в стране режим кровавого террора. По всем городам и замкам были размещены испанские гарнизоны, которым разрешалось безнаказанно грабить жителей, глумиться над их национальным достоинством и насильничать. Местные органы власти потеряли всякое значение, а вольности и привилегии страны рассматривались как простые клочки пергамента. Учрежденный герцогом Альбой «Совет по делу о мятежах» состоявший из испанцев и их верных пособников из числа нидерландского реакционного дворянства, начал свирепую расправу над лицами, подозреваемыми в причастности к восстанию и ереси. Достаточно было одного доноса, чтобы любой человек был подвергнут страшным пыткам, конфискации имущества и мучительной казни. Ни благородство происхождения, ни пол, ни возраст не могли служить защитой. Более того, богатство часто служило поводом к доносу, так как доносчик получал часть имущества казненного, а герцог Альба в своем невежестве всерьез полагал, что массовые конфискации явятся неиссякаемым источником доходов для казны.

Вся страна покрылась виселицами и эшафотами, удлинный дым костров инквизиции стлался по земле, повсюду шныряли испанские солдаты, доносчики и инквизиторы, вылавливавшие «бунтовщиков» и «еретиков». Родителей принуждали шпионить за детьми, детей — за родителями. Характеризуя программу деятельности «Совета по делу о мятежах», прозванного народом «кровавым советом», один из его членов — испанец Варгас заявил: «Еретики разоряли храмы, благонамеренные жители им препятствовали, следовательно всех надлежит повесить. Последовательно проводя этот тезис, он неизменно после доклада любого «дела» выкрикивал: «На виселицу! На виселицу!».

Чтобы дать «предметный урок» всем нидерландским дворянам, 5 июля 1568 г. герцог Альба приказал казнить на рыночной площади Брюсселя уже давно находившихся в тюрьме бывших руководителей оппозиционной знати графа Эгмонта и адмирала Горна. Этот трагический эпизод послужил впоследствии сюжетом для трагедии Гёте «Эгмонт» и одноименной увертюры Бетховена.

Кровавый режим герцога Альбы деморализовал малодушных, но вызвал новую волну ненависти, укрепил решимость продолжать борьбу у всех тех, кому были дороги свобода, честь и независимость родины. Сотни мелких ремесленников, рабочих мануфактур, крестьян покинули свои дачуги и скрылись в густых лесах, покрывавших равнины в районе Ньепша, Ипра, Касселя и Оденарде во Фландрии. В бурные темные ночи приплывавшие из Англии корабли высаживали в укромных уголках побережья отряды реэмигрантов, присоединявшихся к бежавшим в леса народным мстителям, которых прозвали «лесными гезами». Реэмигранты проникали во фландрские леса также с территории Франции, где они пользовались поддержкой гугенотов. Один из таких отрядов насчитывал до 300 человек. Его командир Жан Камерлинк тайне готовил восстание во Фландрии, распространив свое влияние на 26 населенных пунктов. Он поддерживал также отношения с французскими гугенотами, обещавшими прислать подкрепления¹⁴. Заговор этот был раскрыт, но такие провалы не обескураживали отважных лесных гезов. Выслеживаемые жандармами и католическими попами, преследуемые по пятам испанскими солдатами, они совершали молниеносные переходы, обрушивая внезапные и дерзкие удары на мелкие испанские гарнизоны, вылавливали доносчиков, католических попов и судейских чиновников, которых казнили по приговорам действовавших в лесах подпольных кальвинистских консисторий.

Крестьяне оказывали всемерную поддержку лесным гезам. Они извещали их о передвижениях испанцев и жандармов, снабжали продовольствием, укрывали от преследований, давали проводников. Особенно энергично действовали лесные гезы в окрестностях промышленного Хондехота и Фюрна. Для борьбы с ними Альба вынужден был разрешить магистрату Фюрна набор 400 стражников¹⁵. Большую активность проявляли лесные гезы также в приграничных с Францией районах, по лесистым склонам Вогезов.

О беззаветном героизме народа свидетельствует и поступок, совершенный горсточкой храбрецов под руководством

¹⁴ E. de Cousemaker. Troubles religieux..., t. I, p. 162, 175; t. IV, p. 341.

¹⁵ Там же, т. IV, стр. 103, 119.

Германа де Рейтера, торговца волами. В декабре 1570 группа брабантских патриотов в количестве двадцати четырех человек, возглавляемая де Рейтером, хитростью овладела замком Левештейн. Герцог Альба послал отряд в составе 300 солдат, чтобы выбить отважных смельчаков из замка. Но испанцы встретили отчаянное сопротивление и смогли прорваться в цитадель лишь через брешь, проделанную тяжелыми осадными пушками.

Защитники замка все полегли в неравном бою. С. Г. де Рейтер, забаррикадировавшись в одной из внутренних комнат замка, сразил мечом нескольких испанцев, а когда увидел безнадежность дальнейшего сопротивления, взорвал порох, заранее заготовленный в комнате, и похоронил под развалинами и себя и своих врагов, предпочтя героическую смерть постыдному плену.

Решительное сопротивление встретила диктатура герцога Альбы и в северных провинциях. Уже в декабре 1567 г. восстали крестьяне Северной Голландии. Прибытие в январе 1568 г. 1500 реэмигрантов придало восстанию еще больший размах, но соединенными усилиями испанцев и реакционных магистратов окрестных городов это восстание вскоре было подавлено.

Смелое и предприимчивое население северных провинций не пало духом от понесенного поражения. Потерпев неудачу на суше, оно перенесло военные действия на широкие просторы морей, где это отважное племя мореплавателей чувствовало себя увереннее, чем на земле. Рыбаки и матросы создали из легких рыболовецких суденышек партизанский военный флот, который стал подлинной грозой для испанцев.

Сохранившиеся свидетельства старинных хроник характеризуют «морских гёзов» как отчаянно смелых и решительных людей. Некоторые из них потеряли в жарких стычках руку или ногу, но, несмотря на это, продолжали плавать на кораблях и сражаться с ненавистными испанскими порабощателями. На шляпах они носили серебряные значки в форме полумесяца с надписью: «Лучше тулупки, чем пашисты». Видя успешность действий морских гёзов, к ним стали присоединяться и некоторые наиболее враждебные по отношению к испанцам дворяне — кавалеры, занявшие во флоте гёзов командные посты. В 1568 г. принц Оранский как «статхоудер Голландии» ста

выдавать морским гёзам каперские свидетельства на право ведения войны против герцога Альбы.

Морские гёзы совершали не только опустошительные рейды по прибрежным пунктам, но заплывали в устья рек, а время от времени, объединившись в эскадры, наносили сокрушительные удары по испанским военным и транспортным караванам. Например, в марте 1571 г. морские гёзы захватили испанский караван в количестве 30 кораблей и подвергли опустошительному налету город Моникендам¹⁶. В качестве укрытия и баз снабжения морские гёзы пользовались портами Англии, которая в это время находилась во враждебных отношениях с Испанией и поэтому временно покровительствовала гёзам.

В открытую борьбу против испанского деспотизма вступил принц Оранский. Вильгельм Оранский-Нассау являлся отпрыском знатного, но обедневшего немецкого княжеского рода. В юношеские годы он унаследовал от своего дяди крупную сеньорию Оранж во Франции, давшую ему титул принца Оранского, и огромные владения в Нидер

¹⁶ J. Wagenaar. Allgemeine Geschichte der vereinigten Niederlande, T. III. Leipzig, 1756, S. 148.

ландах, что поставило его в ранг богатейших магнатов страны. Весьма посредственный полководец, но природный дипломат и государственный деятель, принц сделал блестящую карьеру при дворе Карла V. Огромное честолюбие, холодный расчет искусственного политика, пылкое благочестие, прикрывавшее глубокое равнодушие к религии как таковой¹⁷, дополнялись у него дарование блестящего политического оратора и публициста. Этим дарованием принц, однако, пользовался главным образом для сокрытия своих подлинных намерений и мыслей, что получил от современников прочно сохранившееся за ним прозвище «Молчаливого» (Taciturnus).

Многочисленные родственные и политические связи принца в Германии и Франции обеспечивали ему в сложившихся обстоятельствах влиятельных союзников в этих странах, и теперь принц решил воспользоваться их помощью в целях борьбы против Филиппа II. Укрывшись в Германии, он собрал вокруг себя некоторое количество нидерландских дворян — эмигрантов, завязал тайные сношения с оппозиционными элементами ряда нидерландских городов и начал набирать войска для вторжения в Нидерланды.

На этом этапе принц Оранский ставил перед собой задачу включения Нидерландов в состав Германской империи на правах самостоятельного курфюршества. Служив курфюрстом Брабантским, он рассчитывал сохранить старые вольности и привилегии страны, а католическую церковь реформировать в лютеранском духе, разделив земли между нидерландскими дворянами. Это была программа революционной борьбы с испанским абсолютизмом, а попытка возвратиться к уже отжившим порядкам, несколько приспособив их к новым условиям.

Хотя подобные планы и являлись утопичными, они пользовались симпатиями значительной части нидерландского дворянства и тех слоев средневекового бюргерства и консервативной торговой буржуазии, которые не были заинтересованы в революционном перевороте. При этом

¹⁷ За время своей жизни Вильгельм Оранский пять раз переходил из одной веры в другую, что дало основание его политическим противникам упрекать принца в том, что «он сделал своим богам целесообразность и меняет религии как платье».

ни принц, ни его сторонники не оставляли еще надежды на возможность сговора с Филиппом II за счет интересов народа и революционной буржуазии Нидерландов. Исходя из этих соображений, принц Оранский и его приверженцы использовали для борьбы с герцогом Альбой наемные войска и военную помощь своих внешних союзников — немецких протестантских князей и французских гугенотов.

Тем не менее принц Оранский был достаточно дальновидным политиком, чтобы понимать необходимость маскировки своих истинных целей. Поэтому он вел свои дела в глубочайшей тайне. Внешне же он прикидывался «патриотом» и «сторонником демократии», а его приверженцы старательно окружали принца ореолом «бескорыстного и непоколебимого борца за свободу и независимость родины».

С помощью немецких князей и французских гугенотов принц Оранский и его брат Людовик Нассауский дважды вторглись в Нидерланды во главе наемных армий, чтобы свергнуть таким путем режим герцога Альбы и, овладев южными провинциями, выполнить намеченную программу.

Первый поход был задуман как одновременный комбинационный удар. В Хронинген вторгся отряд под командованием Людовика Нассауского. Опираясь на помощь крестьян и морских гёзов, которые в это время базировались в Дельфиле и обеспечивали снабжение экспедиционного отряда продовольствием, Людовик Нассауский одержал победу над испанскими войсками при Хейлигерлейе. Однако распущенность его наемников стала причиной полного разгрома отряда в битве при Жеммингене. Людовик Нассауский и горстка уцелевших его сподвижников, бросившись в реку в поисках спасения, были подобраны подошедшими на помощь морскими гёзами.

В главном направлении, на котором решалась задача овладения Брабантом и Фландрией, действовала 30-тысячная армия под командованием принца Оранского. Все надежды принц возлагал лишь на наемников. Он не желал начинать свои военные операции с действиями лесных гёзов, не хотел поднимать народ на восстание. Это предопределило неудачу кампании. Проблуждав бесполезно течение нескольких месяцев по Лимбургу, архиепископству Льежскому, Брабанту и Геннегау, принц вынужден был отступить на территорию Франции, где он и распустил

наемников, расплатившись с ними в основном долговыми расписками.

Второму походу предшествовала длительная и сложная дипломатическая подготовка, которая была осуществлена Людовиком Нассауским. Не полагаясь на сколько-нибудь значительную помощь со стороны немецких протестантских князей, которые непрерывно ссорились между собой и с большой настороженностью наблюдали за ходом событий в Нидерландах, он главный упор делал на переговоры с Англией и Францией. Обе эти страны имели старые счеты с Испанией и, не сочувствуя революционному движению в Нидерландах, склонны были все же вмешаться в «фландрские дела», чтобы ослабить своего противника и самим поживиться за счет раздела Нидерландов. Особенно поддерживала идею «фландрского похода» усилившаяся в это время во Франции партия гугенотов.

Используя эти настроения, Людовик Нассауский предложил французскому королю Карлу IX в обмен на военную помощь после захвата Нидерландов произвести их раздел: Фландрию и Артуа отдать Франции, Брабант и ряд других провинций включить в состав Германской империи, сделав принца Оранского курфюрстом Брабантским, а Голландию и Зеландию отдать Англии¹⁸.

Цюпка Людовик Нассауский вел этот циничный торг в Нидерландах назревали серьезные события. Герцог Альба на определенный период удалось подчинить стран своей жестокой диктатуре. В награду за это он получил от папы римского золотую лавровую ветвь, шпагу, украшенную самоцветами, и почетную красную шляпу. Филипп II осыпал его милостями. Спесивый тиран настолько зазнался, что сам воздвиг себе памятник во дворе построенной им антверпенской цитадели: статуя стоящего в гордой позе Альбы попирала две многорукие, с лицами, закрытыми масками, фигуры, символизировавшие ересь и мятеж.

Однако это было преждевременное торжество; надежды герцога Альбы на то, что конфискации позволят ему не только полностью покрывать собственные финансовые нужды, но и посылать деньги в Испанию, лопнули как мыльные пузыри. Денег не было, а чтобы получать их, надо бы

¹⁸ F W a l s i n g h a m Mémoires et instructions pour les bassadeurs. Amsterdam, 1700, p. 140, 143.

собира́ть Генеральны́е штаты и выслушивать их жалобы и претензии. Зазнавшимися саграпу менее всего это хотелось делать. Чтобы избавиться от такой необходимости и покончить с остатками политической самостоятельности Нидерландов, герцог Альба решил ввести постоянный налог испанского образца — так называемую «алькабалу». В него входил однопроцентный налог с недвижимого имущества пятипроцентный — с движимости и десятипроцентный — с каждой торговой сделки.

Напрасно советники доказывали герцогу, что в условиях Нидерландов, где каждый товар проходил через руки десятка посредников, прежде чем попасть к потребителю, введение десятипроцентного налога будет равносильно не медленной и всеобщей экономической катастрофе. Напрасно Филипп II предлагал герцогу смягчить режим и объявить всеобщую амнистию. Невежественный и упрямый правитель стоял на своем. «Надо еще очень много сделать, — писал он Филиппу II. — Города должны быть наказаны за бунтовничество; большие суммы должны быть выжаты из частных лиц; должно быть получено согласие Штатов страны на взимание постоянного налога. Поэтому было бы несвоевременно в подобной обстановке провозглашать амнистию. Каждого нужно заставить жить в постоянном страхе, что крыша может обрушиться на его голову»

Под жестоким нажимом герцога Альбы Генеральные штаты, созданные всего на один день, дали вынужденно «согласие» на введение постоянного налога, и после ряда отсрочек в сентябре 1571 г. он, наконец, начал взиматься. Как и предсказывали советники герцогу, это привело к экономической катастрофе. Замерла торговля. Купцы распродавали сделки со своими контрагентами, закрывали лавки, останавливались мануфактуры. Тысячи людей, лишенных работы и хлеба, слонялись по улицам, вымаливая подавание.

В Брюсселе события приняли особенно серьезный характер. Объявление о введении десятипроцентного налога «наполнило город воплями и смятением, — писал бы граф герцога Альбы, — мясники, булочники, содержатели таверн закрыли свои заведения, клянясь, что они лучше бросят все, чем позволят себя довести до нищеты; другие горожане не могли приобрести никакого продовольствия и, видя торговлю прекратившейся, сбежались к воротам

дверей, крича открыто, что пусть [герцог] либо отменит налог, либо пошлет их на эшафот»¹⁹.

Забешенный этим бойкотом герцог Альба приказал арестовать нескольких лавочников и повесить их в дверях собственных лавок в наказание за прекращение торговли. Но в апреле 1572 г., когда этот приговор должны были привести в исполнение, произошли события, в корне изменившие положение в стране.

¹⁹ «Histoire de Ferdinand-Alvarez de Tolède, premier du nom duc d'Albe», t. II. Paris, 1699, p. 307.

Глава 3

ВОССТАНИЕ 1572 ГОДА И ЗАРОЖДЕНИЕ БУРЖУАЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ НА СЕВЕРЕ НИДЕРЛАНДОВ

В северных провинциях после введения алькабáлы атмосфера накалилась не меньше, чем в Брюсселе. Волнения принимали местами форму открытого сопротивления. Штаты провинции Утрехт, вопреки самому грубому нажиму герцога Альбы, категорически отвергли алькабалу. Чтобы сломить сопротивление непокорной провинции, герцог Альба приказал разместить по ее деревням и городам испанских солдат на постой, возложив расходы по их содержанию на жителей. Насилия и грабеж солдат герцога Альбы приобрели самые необузданные формы. «Ни лица духовного звания, ни светские люди не имели пощады», писал голландский хронист П. Хоофт, — и даже члены магистрата (Утрехта) несли свою долю мучений. Сын одного бургомистра был тяжело ранен при несении караула. Его отец Иоган Таатс ван Амеронге чуть не был убит в своем собственном доме...»¹. Ради наказания Утрехта герцог Альба даже пренебрег охраной прибрежных городов, выведя из них гарнизоны. Но он дорогой ценой заплатил за это.

В конце марта 1572 г. королева Елизавета, «чтобы изб

жать войны с Испанией»², запретила жителям Англии под-
держивать какие-либо сношения с морскими гёзами, а по-
следним приказала немедленно покинуть английские пор-
ты. Поплывшиеся пристанища 24 корабля морских гё-
зов, проблуждав несколько дней по Северному морю,
1 апреля показали на рейде портового зelandского города
Брил, намереваясь вначале лишь произвести фуражи-
ровку. Но дело обернулось иначе,

¹ P. C. Hoof t. Nederlandsche Historien. Amsterdam, 1677
blz. 223.

² Там же, стр. 229.

Командующий флотом гэзов граф де ла Марк, барон Люмэй, предъявил магистрату Бриля ультиматум — открыть ворота и сдать город гэзам, цель которых — освободить народ от грабительского десятипроцентного налога и иррации герцога Альбы. В Бриле началось смутение и раздор. Мелкий люд радостно приветствовал появление морских гэзов и требовал сдачи им города; испанские посланники и прочие католические реакционеры бросились спасаться бегством; магистрат пребывал в нерешительности боясь открывать ворота.

По истечении срока ультиматума морские гэзы «штормом» взяли город, стены которого никто не оборонял. Жителям его была дарована жизнь и неприкосновенность имущества, зато католические церкви подверглись погрому и разграблению.

Слух об этих событиях быстро разнесся по всей стране а для северных провинций он прозвучал набатным призывом к восстанию. Первым восстал Флиссинген, второй по величине после Мидделбурга порт Зеландии. Посланные герцогом Альбой восемь рот валлонских наемников не были впущены в город. «Валлонцы? — говорили горожане, — затем испанцы? Что может из этого получиться кроме самого нестерпимого рабства, существующего на свете?».

Не лучший прием встретили и испанские корабли, появившиеся через некоторое время под стенами Флиссингена, — их встретили выстрелами из крепостных пушек. Попытка статхоудера Зеландии склонить горожан к покорности и впустить испанский гарнизон также не принесла успеха. Из толпы народа в ответ раздались возгласы возмущения и саркастические реплики: «Вот нежное бляение ягненка, предназначенное для того, чтобы заманить вас в волчью пасть . »³, — крикнул один из вожаков восставших, горожанин ван Кейк. Под свист и улюлюканье толпы статхоудер вынужден был покинуть пределы города.

По истечении некоторого времени в город прибыло 500 реэмигрантов из Англии, 200 человек, спешно набранных в окрестностях городов Гааги, Делфта и Роттердама а вслед за ними в Флиссинген стали съезжаться дворян

оранжисты⁴, приводившие с собой небольшие группы своих единомышленников и крестьян. «Жители Флиссингена были всецело очень ободрены, поверили в свои силы и решили больше не просить ничего покровительства, а самим защищать свое достоинство, они отложились от испанцев. В оправдание своих действий они отпечатали и распространили специальную «апологию», в которой правление герцога Альбы было изображено в самых мрачных красках»⁵.

Чтобы перетянуть на свою сторону город Кампфеер (Вестр), гэзы отпустили на волю двух его жителей, захваченных в Бриле, и предоставили горожанам, которые в большинстве своем были рыбаками, беспрепятственно

⁴ Оранжевыми называли политических сторонников принца Вильгельма Оранского.

⁵ Р. С. Н о о f t. Nederlandsche Historien, blz. 237.

³ Р. С. Н о о f t. Nederlandsche Historien, blz. 233—234.

заняться ловом рыбы. Этим гёзы сразу снискали к себе расположение простого народа, а один из двух отпущенных горожан — рыбак Лин Тайен — стал вожаком антииспанской партии в Кампфеере. С 3 по 4 мая гёзы с помощью своих сторонников, поднявших восстание, овладели городом и находившимся в нем крупнейшим военным арсеналом.

Во второй половине мая восстание перебралось в торговый город Энкхёйзен. В порту Энкхёйзена находилось большое количество военных кораблей, которые были построены по распоряжению герцога Альбы. Желая закрыть за собой этот важный порт, контролировавший вход и выход из Зюйдерзее, герцог Альба послал туда солда под видом размещения их на вновь построенных кораблях. Но эти действия не могли обмануть народ.

Восставший городской плебс, среди которого энергичную агитацию вели несколько тайных оранжистов, принял магистрат Энкхёйзена задержать все военные корабли находившиеся в порту, снять с них артиллерию и боеприпасы, увеличить с 70 до 140 человек городскую стражу, поставленную под команду вновь избранных капитанов. Для участия в работе магистрата в него дополнительно были введены 12 человек, избранных народом. Бургмистр был арестован. Захваченного в плен адмирала герцога Альбы Босхёйзена народ силой принудил дать приказ стоявшим в отдалении испанским военным кораблям войти в порт и сдаться, что часть из них и сделала.

Но не дремали и испанские пособники. Они пытались совершить контрреволюционный переворот, который был сорван вооруженным выступлением народа под руководством оранжистов Иогана Колтермана, Питера Бойскена и др. Магистрат был низвергнут, члены его арестованы, а военные силы Энкхёйзена, присоединившегося к восставшим городам, увеличены на 450 человек, набранных из числа городского плебса.

Дело не ограничилось восстаниями в городах. Восстания перекинулись и в деревни. В окрестностях восставших голландских и зеландских городов крестьяне создавали отряды самообороны, нападали на мелкие отряды испанских войск, устраивали засады, делая дороги непроходимыми для врага.

Успехи восстания побудили принца обеспечить св

влияние на ход событий в северных провинциях. Используя свой формальный титул статхольдера Голландии, Вильгельм Оранский стал назначать преданных ему лиц, преимущественно из числа кальвинистского дворянства, на посты губернаторов восставших городов, командиров воинских частей и на другие важные должности, посылал в отложившиеся города небольшие гарнизоны, сосредоточивая постепенно в своих руках высшую исполнительную и военную власть.

Но делая это, принц не считал революционный Север подвоящей опорой для осуществления своих планов. Овладев более консервативными южными провинциями, опираясь на этот плацдарм, на внешних союзников и на своих ставленников в отложившихся провинциях, В. Оранский хотел прийти на Север как триумфатор, чтобы продиктовать свои условия, а не принимать условий, навязанных победившей революцией. Поэтому принц рассматривал восстание на Севере как дело второстепенное и досадовал на его отсрочеченность». «Принц Оранский, узнав об этом народном восстании, не проявлял никакого удовольствия, — писал хронист Хуго Гроций, — наоборот, он жаловался, что эти небольшие успехи помешают главному мероприятию, которое он готовил»⁶.

Этим главным мероприятием было новое вторжение на юг Нидерландов, о дипломатической подготовке которого было сказано ранее. Начало вторжению было положено Людовиком Нассауским, который вторгся в валлонские провинции с отрядом французских наемников — гугенотов и захватил 24 мая 1572 г. столицу провинции Геннегау — Монс. Спустя некоторое время из Германии в южные провинции вторглась 25-тысячная наемническая армия Вильгельма Оранского. Принц, однако, и в этом походе не стяжал лавров, ибо проводил ту же непопулярную политику, что и в 1568 г. Меньше всего, как и прежде, принц Оранский был склонен раздувать в южных провинциях пламя всенародного восстания. Измотав в бесконечных маршах и контрмаршах свою и без того слабо организованную армию, принц не мог оказать реальной помощи даже осажденному в Монсе Людовику Нассаускому.

⁶ Н. G r o t i u s. Annales et histoires des troubles du Pays-Bas. Amsterdam, 1662, p. 46.

Мучительное похмелье Варфоломеевской ночи⁷, гром гугенотской партии во Франции и связанная с этим перемена международной обстановки лишили принца Оранского и Людовика Нассауского внешних союзников, а вместе с этим и надежд на возможность успешного исход предпринятой ими военной кампании.

21 сентября 1572 г. Людовик Нассауский сдался вои скам герцога Альбы на почетную капитуляцию. Двумя днями позже, отступив на территорию Германии, деморализованный и подавленный неудачами Вильгельм Оранский распустил остатки своих совершенно разложившихся наемнических частей.

Этот поход Вильгельма Оранского имел лишь то политическое значение, что на время отвлек внимание и главные военные силы испанцев на южный театр военных действий и тем способствовал успехам революции на северной территории.

Тем временем восставшие провинции успешно использовали полученную передышку, так как герцог Альба, считая главной опасностью военное вторжение армии принца, сосредоточил все внимание на борьбе с ним. Военные силы восставших значительно возросли и укрепились. Развивая достигнутый успех, оранжистское военное командование — де ла Марк, Треслонг, Дитрих Соуа, назначенный принцем на должность статхолдера Северной Голландии, — приступило к разворачиванию согласованных операций. Куда бы ни подступали войска гёзов и оранжистов, там происходили восстания городского плебса и крестьянства, расчищавшие дороги и открывавшие ворота городов. За короткое время от испанцев отложились Меденблицк, Хоорн, Зирикзее, Удеватер, Гауда, Лейден, Хаарлем, Дордрехт и другие города. Анонимный хронист XVI в. писал по этому поводу: «... все было в их [гёзов] руках при помощи некоторых горожан, их благожелателей, которые имелись в любом месте»⁸.

То же мнение высказывал и хронист XVII в. П. Хоофт: «С этих пор, — подчеркивал он, — все самые главные ре-

⁷ Варфоломеевская ночь — ночь с 23 на 24 августа 1572 г. когда в Париже началось массовое уничтожение гугенотов, продолжавшееся затем на большей части территории Франции.

⁸ Mémoires anonymes sur les troubles des Pays-Bas, éd. par J. V. Blaes, t. I. Bruxelles, 1859, p. 120.

в стране осуществлялись по-настоящему и благодаря этим дням простого народа»⁹.

Вспирялись операции и на других театрах военных действий. 10 июня морские гёзы разбили испанский флот, захватив из 54 кораблей под командованием Медина Целеза несколько баснословные трофеи — несколько бочек золота, монеты, драгоценные камни, пряности, сахар и другие дорогостоящие товары, которыми была нагружена часть испанских кораблей. Морские силы герцога Альбы были ослаблены, и он жаловался, что на Севере «не нашлось ни одного человека, который захотел бы нести морскую службу: все матросы были заодно с восставшими»¹⁰.

В провинциях Хелдер (Гельдерн) и Оверейссел успешные действия развернул сюжак принца Оранского граф Беренс. В течение июня — июля 1572 г. от герцога Альбы отделились в результате внутренних восстаний или были завоеваны свыше пятнадцати городов, в их числе Зютфен, Дусбург, Филбург, Олдензеел, Стенвейк, Зволле, Хасселт, Кампен и др.

Восстание распространилось на Фрисландию, где в первых рядах борцов за независимость выступали крестьяне. Командовали крестьянскими отрядами дворяне — кальвинисты, приверженцы принца Оранского — Докко Мартинус Титте Хеттинг и др. Со своей стороны, граф Беренс послал в Фрисландию отряд в количестве 400 солдат под командованием Недервормтера. Центром восстания была территория, расположенная в треугольнике городов Снеек, Болсварт и Франекер¹¹.

Это неоспоримо свидетельствовало о том, что восстание переросло в нечто гораздо более значительное — в революционную и освободительную войну против испанских поработителей. Начавшаяся революция была буржуазно-демократической. Ее основной экономической задачей было приведение производственных отношений в соответствие с уровнем развития производительных сил, т. е. замена отношений феодальных отношений буржуазными. Главной политической задачей состояла в свержении иноземного испанского владычества и установлении нового, буржуазного по-

⁹ P. C. Hoof t. Nederlandsche Historien, blz., 247.

¹⁰ А. Пиренн. Нидерландская революция, стр. 159.

¹¹ P. C. Hoof t. Op. cit., blz. 257.

рядка, что было возможно лишь при условии разгрома внутренних сил феодальной реакции.

Руководителем революции была нарождающаяся национальная буржуазия: купцы нового склада, судовладельцы-фрахтовщики, капиталистические предприниматели, владевшие мануфактурами, рыбными ловлями т. п., буржуазная интеллигенция.

Главную движущую силу революционного и освободительного движения составляли крестьянство и городское плебс, наиболее передовой частью которого были рабочие мануфактур и матросы. В этом отношении, при всех своих особенностях, нидерландская революция не отличалась от последующих ранних буржуазных революций, характерные для которых, В. И. Ленин писал: «... именно союз городского «плебса»... с демократическим крестьянством придавал размах и силу английской революции XVII, французской XVIII века»¹².

Идеологическим знаменем революции, происходившей в таких исторических условиях, когда мировоззрение человечества еще не освободилось от религиозных предрассудков, был кальвинизм. «... Кальвинизм создал республику в Голландии...», — подчеркивал Ф. Энгельс¹³. Будущий идеологический класс-гегемон, кальвинизм получил широкое распространение и среди народных масс северных провинций — городского плебса и крестьянства. Он оттеснил на задний план анабаптизм, до того оказывавший преобладающее влияние на народные массы.

Силам революции противостоял лагерь феодально-католической реакции: испанский абсолютизм, католическая церковь, феодальное дворянство, а также те слои средневекового бюргерства и патрициата, которые в силу причин экономического или политического характера оказались тесно связанными с испанским абсолютизмом. Идеологией феодальной реакции был католицизм, вследствие чего католическая церковь и католическое духовенство шли в авангарде контрреволюционных сил.

Незрелость капиталистических отношений в Нидерландах, обилие различных экономических форм переходного характера, пестрота в социально-экономическом

экономическом строе различных провинций — все это способствовало появлению множества промежуточных социальных групп. В подобных условиях большое влияние имели сторонники умеренного направления, политическая платформа которых строилась на зыбкой основе компромиссов, на поисках обходных путей, промежуточных решений и общего «умиротворения».

Исполнителем этого политического курса была католическая партия и ее главный руководитель — Вильгельм Оранский.

Вскоре после завоевания Бриля, в противовес обращению одного из наиболее революционно настроенных вождей морских гёзов адмирала Треслонга, клявшегося истребить священников, монахов, папистов и великое идопоклонство (т. е. католицизм), принц Оранский опубликовал собственный манифест¹⁴. Составленный из высокопарных фраз, этот манифест призывал жителей северных провинций к восстанию за исконные вольности и свободы, но не против Филиппа II, а лишь против его «преступного сатрапа Альбы, злоупотребляющего доверием короля и обманывающего его». Ссылаясь на свой титул статхоудера Голландии и Зеландии, принц заявлял, что берет на себя руководство восстанием. Одновременно он обещал всем католикам неприкосновенность их религии, ясно показывая, что он не намерен поддерживать «кровожадные» привилегии морских гёзов, кальвинистских консисторий и революционных народных масс.

В это время власть в отложившихся от испанцев городах была захвачена теми, кто своей кровью сокрушил господство испанского абсолютизма и его пособников, — стрелковыми гильдиями и городскими ополчениями (мильциями), которые пополнялись путем набора городского плебса, морскими гёзами, членами кальвинистских консисторий, вышедших из подполья и взявших в свои руки руководство политической жизнью. Командование стрелковых гильдий и руководители консисторий возглавляли военные операции на суше и на море, организовывали оборону городов против испанцев, проводили революционный террор в отношении пособников и агентов

¹² В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 373.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 95.

¹⁴ См. G. Bentivoglio Histoire des guerres de Flandre, t. I, Paris, 1769, p. 342—343.

испанцев, в первую очередь, католического духовенства. Они же проводили конфискации средств на военные нужды и оказывали давление на государственные органы при решении важнейших дел. Крестьяне, создав отряды самообороны, громили монастыри и поместья дворян, перешедших на сторону испанцев, захватывали принадлежавшие им земли, прекратили выплату церковной десятины и несли феодальные повинности.

Наиболее сильная экономически, крупная торговая буржуазия северных провинций лишь временно мирилась с «крайностями» революционной демократии. Она закреплялась пока в традиционных для страны центральных местных органах — Генеральных и провинциальных штатах и магистратах городов. Протестантское «рвение» было весьма сдержанным, внешним и определялось частично утилитарными политическими соображениями. Эти круги северной буржуазии видели в лице принца Оранского такую политическую фигуру, которая наиболее соответствовала их планам. Аристократическое происхождение принца, официальный титул статхолдера Голландии и Зеландии, которым он обладал, его связи во влиятельных придвор-

ных кругах Франции, Англии и Германии делали принца авторитетным лицом. Неудача собственных планов Оранского порождала уверенность в том, что он будет достаточно сговорчивым и послушным правителем. С помощью принца крупная торговая буржуазия рассчитывала «смирнить» народные массы, «распустившиеся» во время войны, и организовать успешную войну «против узурпатора Альбы», сохраняя в неприкосновенности фикцию суверенитета Филиппа II над Нидерландами.

Кандидатура принца Оранского в качестве неофициальной главы восставших провинций устраивала и другие социальные группы. Ему симпатизировали те дворяне Голландии и Зеландии, которые были враждебно настроены по отношению к испанскому абсолютизму¹⁵. Его поддерживали умеренные слои городского бюргерства. Поддерживало принца и сепаратистски настроенное феодальное дворянство таких отсталых провинций, как Хелдер и Оверэйссел, которое ненавидело непреклонный централизм испанской монархии и рассчитывало укрепить свое независимое положение в рамках федеративного устройства. Таков был состав сторонников принца Оранского, настойчиво уговаривавших его взять в свои руки кормило правления.

Борьба принца с испанцами создала ему известную популярность в глазах народа и консисторий, которым импонировала приверженность принца к идеям реформации. Поэтому оранжисты полагали, что кандидатура принца не вызовет большого сопротивления и со стороны революционно-демократических сил.

Эта часть дворянства не была многочисленна. Не была она и единой по своим политическим взглядам. Большинство дворян этой группы являлось убежденными оранжистами и вступило в политический союз с богатым купечеством. В этом союзе они видели залог умеренности совершающегося переворота и гарантию собственного самосохранения. Но среди кальвинистских дворян встречались и такие люди, которые поддерживали радикальную программу революционной буржуазии, отважно сражались с испанцами, командовали отрядами городских и крестьянских ополчений и флотилиями морских гезов, будучи их подлинными руководителями. Поэтому они порой вступали в открытые конфликты с принцем Оранским и Генеральными штатами, которые не одобряли их демократических симпатий и кальвинистского пыла.

Приезд принца тщательно подготовливался. Одним из важнейших мероприятий такого рода был созыв ассамблеи штатов Голландии, состоявшейся в августе 1572 г. в Дордрехте. На ассамблее присутствовали представители 14 городов¹⁶. Восстание было в полном разгаре, и поэтому особый состав депутатов от городов был не совсем обычен. Вместо членов магистратов многие города прислали кальвинистских «министров» и капитанов революционных городских милиции. Дворянство Голландии было представлено двумя депутатами.

Центральное место в работе ассамблеи заняло весьма искусно построенное выступление полномочного представителя принца Оранского — Филиппа Марникса де Сен-Альдегонде.

Воздав похвалу гражданскому мужеству и патриотизму проявленному населением Голландии, Ф. Марникс поставил затем вопрос о политическом устройстве отложившихся провинции и о финансировании военных расходов. Учитывая враждебное отношение вооруженного народа к вводу в страну иноземных наемных войск, Ф. Марникс, по указанию Вильгельма Оранского, сделал упор в своей речи на доказательство необходимости справиться с положением внутренними средствами. Выставляя себя противником иноземной помощи, он демагогически заявил: «Что касается Франции и Англии, они не захотят дать денег без предоставления им городов в качестве залога под заем. И там, где иноземцу протягивают палец, он часто захватывает все. Поэтому следует хорошенько подумать, прежде чем дать ему обосноваться в стране: на это указывают многочисленные примеры из практики»¹⁷.

Штаты постановили изыскать средства для финансирования военных и государственных нужд за счет обложения чрезвычайными налогами церковных имуществ, состоящих

¹⁶ Согласно обычаю и привилегиям Голландии, правом посещать депутатов в штаты провинции пользовались лишь шесть городов: Амстердам, Делфт, Дордрехт, Лейден, Хаарлем и Гауда. Поскольку два первых города находились еще на стороне испанцев, а вопросы, обсуждавшиеся на ассамблее, имели исключительное важное значение, было решено расширить представительство в данной ассамблее за счет восьми других городов: Горкума, Алкмар, Аудеватера, Хоорна, Энкхейзена, Меденблинка, Эдама и Маникендама.

¹⁷ P. C. H o o f t. Nederlandsche Historien, blz., 260.

благих лиц, займов у городов и урегулирования общего налогообложения.

На основании предложений, сделанных Марниксом, было решено признать принца Оранского законным государем Филиппа II в Голландии и Зеландии. Принцу было предоставлено верховное главнокомандование над всеми морскими и сухопутными силами, высшая исполнительная власть, а также право назначения и смещения (с ведома городов) всех высших должностных лиц. Штаты обязывались привлечь к этому соглашению другие отложившиеся провинции и не заключать с Филиппом II каких-либо соглашений без ведома принца и в ущерб его интересам. Было постановлено ввести свободу вероисповедания, в том числе и католического, а также «упорядочить» законодательство, администрацию и судопроизводство, пресекая «неправство» народа. Решения дордрехтской ассамблеи затронули в основных контурах политическую организацию нарождавшейся буржуазной республики, но, как видно из их содержания, они исходили в основном из провозглашенных требований оранжистской партии.

Эти решения были подкреплены двумя последующими ордонами принца Оранского, изданными вскоре после дордрехтской ассамблеи. Один из них развивал основные законы, принятые ассамблеей, и содержал ряд конкретных предписаний относительно их практической реализации: устанавливалась форма присяги должностных лиц, предлагалось составить списки должностей, оставшихся вакантными, для их замещения «подходящими людьми». Также делалась запись описи имущества всех лиц, бежавших из страны после начала восстания. Другой ордонанс предписывал солдатам строго соблюдать воинскую дисциплину, не вмешиваться в деятельность гражданских властей и не нарушать свободы католического вероисповедания. Эмигрантам предлагалось возвратиться в двухнедельный срок домой. В этом случае им гарантировалось возвращение имущества. Запрещалась торговля с испанцами и их союзниками.

15 сентября 1572 г. принц Оранский вступил на территорию отложившихся провинций, но не как победитель, принужденный совершить триумфальное шествие, а как беглец, принужденный волей-неволей служить политическим интересам крупной торговой голландской буржуазии. «Этот

злополучный капитан, — писал кардинал Вентивольо, — ... направился как беглец в Делфт, в Голландию, чтобы принять там то участие [в делах], которое ему подсказывали время и необходимость»¹⁸.

Интересы принца Оранского тем не менее не совпадали с интересами призвавшей его в Голландию купеческой олигархии. Он намеревался обеспечить себе гораздо большую самостоятельность действий, чем ему желали предоставить, и всеми мерами старался укрепить свою личную власть. Ради этого он вел хитрую и сложную политическую игру, искусно используя обстановку войны с испанцами и внутренние конфликты между приверженцами различных политических направлений. Поддержку дворян он надеялся получить, щедро раздавая им выгодные должности в армии и государственном аппарате. Симпатии консисторий и народа можно было подогревать требованием решительной войны против испанцев и проведением в жизнь от своего имени различных мелких политических реформ, по внешности носивших демократический характер. В этих целях принц не скупился и на всякого рода демагогические жесты. Он мог запанибрата потолковать о делах с мелким лавочником, выпить чарку вина на свадьбе или крестинах в семейном кругу зажиточного ремесленника или оказать материальную помощь вдове одного из своих солдат.

Подобное поведение принца не возбуждало особых беспокойств у купеческой олигархии. Обеспечив себе господствующее положение в Генеральных штатах, которым принадлежало право основного законодательства и вотирования налогов, она могла придирчиво контролировать деятельность принца. Что же касалось демагогических маневров принца, то они, в конечном счете, укрепляли создававшийся самой олигархией политический режим, придавая ему «популярность». Дворяне со своей стороны принимали, что в создавшейся обстановке политика, проводившаяся принцем, неизбежна и оправдана, и рассчитывали, что со временем, когда армия окрепнет, а связи принца с иноземными государями вновь наладятся, можно будет разговаривать более твердым языком с «распусти-

¹⁸ G. B e n t i v o g l i o. Histoire des guerres de Flandre, t. I, p. 391—392.

той чернью» и «набравшимися спеси купчихками». Так, в условиях специфической расстановки классовых сил и борьбы за независимость сложился оранжизм как политическое течение, сыгравшее большую роль во всей последующей истории Нидерландов.

Каким бы ловким политиком ни был принц, он не мог избежать острых социально-политических конфликтов. Более того, его деятельность встречала сильное противодействие со стороны консисторий, стоявших за ним с началом революционной буржуазии и поднявшихся на восстание народных масс. «Невозможно выразить, — писал Вентивольо, — как плохо соблюдалось обещание поддержки и уважение к исповеданию их религии, которое принц торжественно дал католикам. Еретики едва входили в глаза, как предавались там тотчас величайшим насилиям».

Попытки принца Оранского восстановить католическое государство в Делфте вызвали открытое сопротивление народа. Городской плебс и солдаты ворвались в церковь святой Агаты, выделенную для католиков, и разгромили ее. В Фертрёйденберге видный оранжист Жером Серарт, пользовавшийся большим влиянием среди солдат и плебса, был тем не менее смертельно ранен, когда попытался прекратить погромы католических церквей. «Солдаты, находившиеся в Веере, — писал хронист XVII столетия Г. Брандт, — громили статуи и алтари вопреки запрещению своих офицеров»²⁰.

Вопрос об отношении к католикам не был «религиозным вопросом». Практически дело шло о борьбе за пути дальнейшего развития революции, так как вокруг католицизма и католической церкви группировались все силы феодальной реакции. «Антикатолические выступления», то есть погромы католических церквей, казни представителей католического духовенства, преследование лиц, продолжавших придерживаться католической веры, представляли собою не что иное, как революционный террор. Само собою разумеется, в таких случаях не обходилось без излишних

¹⁹ G. B e n t i v o g l i o. Histoire des guerres de Flandre, t. I, p. 399.

²⁰ G. B r a n d t. Histoire abrégée de la réformation des Pays-Bas, t. I, Amsterdam, 1726, p. 209.

жестокостей, невинных жертв и т. п., но без осуществления политики революционного террора дело революции и освободительной войны было бы обречено на гибель.

Это понимали и наиболее радикально настроенные оранжисты, такие, как находившийся при дворе принца Оранского кальвинистский «министр» Петр Датенус, адмирал морских гёзов Треслонг, граф де ла Марк и др. Они открыто поддерживали иконоборческие выступления солдат и народа, а де ла Марк сам с чрезвычайной жестокостью расправлялся с католическими священниками, попадавшими в его руки. Большой авторитет, которым пользовался де ла Марк у морских гёзов и народа за свою личную отвагу в деле организации восстания, делал его поведение особенно опасным в глазах руководства оранжистской партии и богатого купечества, проводивших политику компромиссов и «умеренности» по отношению к католическим реакционерам. Поэтому было решено покончить с ним, нанеся тем самым сильный удар революционно-демократической партии.

Против де ла Марка набрали множество всяких жалоб и «улик», обвинили его в хищении государственных денег и арестовали. Но до ареста де ла Марк и Бартольд Этнес опубликовали манифест к народу, в котором оценивали политику Генеральных штатов как антинародную и предательскую²¹. Де ла Марк был осужден, но затем, по ходатайству принца Оранского, его освободили на условиях немедленного выезда из страны.

Конфликты возникали и по вопросу об организации государственных финансов. Купечество Голландии и Зеландии осуществило очень хитроумную комбинацию, введя продажу государственных лицензий на совершение внешнеторговых сделок. С первого взгляда казалось, что облагаются богатые классы. На самом же деле подобная система ставила доходы казны в прямую зависимость от размеров товарооборота, а государство — на службу интересам крупных купцов.

Ревниво охраняя «священное» право частной собственности, голландская буржуазия законом допустила конфискацию лишь тех имуществ католической церкви и дворянства,

дворянства, владельцы которых бежали к испанцам или были признаны как их пособники. Поскольку этот источник не давал того, что можно было из него получить при подлинно революционном подходе, приходилось прибегать к налогам, и здесь буржуазные хозяева принца Оранского проявляли безграничную «уступчивость», когда речь касалась наказания народных масс.

Для этого использовались все средства: крайне разорительные для народа косвенные налоги, переобременение дворян при раскладке налоговых квот, безжалостное взыскание недоимок. Согласно действовавшим законам проточка платежа по истечении 24 часов влекла за собой арест неплательщика, и если недоимка не вносилась в те-

²¹ P. C. H o o f t. Nederlandsche Historien, blz, 299—300.

чение последующих шести дней, она покрывалась за счет продажи с молотка имущества должника²².

В конце 1572 г. герцог Альба, стратегической целью которого было вбить глубокий клин между Голландией и Зеландией, изолировать их друг от друга и поочередно разгромить, перешел к решительным наступательным действиям против отложившихся провинций. Взяв приступом два слабо защищенных города Зютфен и Наарден, герцог Альба приказал вырезать их население целиком, а города поджечь. Войска революционных провинций были вынуждены очистить Фрисландию. Затем наступила очередь Хаарлема и Лейдена. Величественная эпопея их обороны — прекрасное свидетельство негибаемого духа, беззаветной смелости и пламенного патриотизма голландского народа. При этом оборона Хаарлема и Лейдена не была простой военной операцией. Она одновременно являлась одним из ярких эпизодов той социально-политической борьбы, которая разгорелась с новой силой на плоских равнинах Голландии.

В Хаарлеме католические члены магистрата еще до начала блокады города завязали тайные сношения с испанцами, рассказали им о бедственном продовольственном положении города и обещали предательски впустить испанские войска. Предателей разоблачили и уничтожили. Магистрат был переизбран и в его состав вошли верные патриоты. Оборона города приняла общенародный характер. На происки феодально-католической реакции, ведшей по раженческую агитацию, народ ответил погромами католических церквей и истреблением испанских агентов. Пятидесятилетняя горожанка Кенава сформировала отряд женщин и девушек, который, сражаясь под ее командованием, не уступал в отваге и боевых качествах опытным солдатам. На запугивания испанцев осажденные отвечали насмешками, а однажды сбросили со стен города бочонок, в который были сложены головы одиннадцати казненных испанских агентов, снабдив его следующей надписью: «Это десятипроцентный налог, а одиннадцатая — пени за просрочку в его уплате»²³.

²² T e r g e n d e. Zur Geschichte der holländischen Steuern in 15 und 16. Jahrhundert, — in: «Vierteljahrsschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte», Bd. XVIII, № 1—2, 1924, Berlin, S. 147.

²³ J. S t r a t i u s. Histoire des troubles et guerre..., p. 167/2

Сын герцога Альбы дон Фредерик, ведший осаду Хаарлема, предложил отцу отступить, так как испанские войска понесли громадные потери, но герцог Альба пристал ему презрительный ответ: «Фредерик, если вы хотите, чтобы я вас считал за сына, вам необходимо или взять город или умереть, осаждая его»²⁴.

Голод задушил своей костлявой рукой героическое сопротивление жителей Хаарлема. После семимесячной осады (декабрь 1572 — июль 1573) город открыл свои ворота перед испанцами, учинившими в нем страшную резню. Но эта победа не принесла славы кровавому герцогу Альбе. В Мадриде уже поняли, что его политика полностью провалилась. В ответ на новые просьбы о высылке денег герцог получил следующий уничтожающий ответ от Филиппа II: «Король никогда не будет иметь столько денег, чтобы удовлетворить его жадность, но он без труда найдет герцогу преемника, искусного и верного, который посредством умеренности и снисхождения прекратит войну...»²⁵. Подавленный и мрачный, тиран покинул в декабре 1573 г. Нидерланды, передав управление ими новому правителю, назначенному из Мадрида, — дону Луису Рекезенсу.

Первая осада Лейдена, длившаяся с октября 1573 по март 1574 г., была снята испанцами, так как они оказались вынужденными бросить свои силы на отражение войск Людовика Нассауского, вторгшегося в Хелдер. После их разгрома испанцы вновь в мае 1574 г. осадили Лейден, создав вокруг него непроницаемое кольцо блокады. Горожане героически сопротивлялись, несмотря на голод, дававший себя чувствовать с самого начала, так как за время перерыва в блокаде город не удалось в достаточной мере снабдить продовольствием. Все попытки испанских приверженцев сломить дух обороняющихся не увенчались успехом, а сами изменники были истреблены. Даже когда муки голода стали невыносимыми, на предложение испанцев сдать город осажденные гордо ответили: «Пока вы будете слышать лай собаки и мяуканье кошек в этих стенах, знайте, что город держится. А когда все, кроме нас самих, погибнет, будьте уверены, что каждый из нас съест свою левую руку, сохраняя правую, чтобы защитить»²⁶.

²⁴ Histoire de Ferdinande Alvarez de Tolède..., t. II, p. 344.

²⁵ Там же, стр. 359.

наших женщин, нашу свободу и нашу религию против иноземного тирана». Окрестные крестьяне героически сражались с испанцами, перерезая им пути сообщения и уничтожая их отдельные мелкие отряды.

Город был спасен замечательным подвигом морских гёзов, которые прорыли дамбы и открыли шлюзы, превратив в море низменные окрестности Лейдена. 4 октября 1574 г. корабли гёзов прорвались на помощь изнемогавшему Лейдену, о героические стены которого разбились все атаки испанцев.

Испанское наступление сопровождалось массовой заброской католических агентов в тыл отложившихся провинций под видом «возвращения» бежавших ранее католиков. Их подрывная деятельность облегчала продвижение испанских войск. В ответ, вопреки воле голландского купечества и принца Оранского, снова прокатилась волна революционного террора против «возвращенцев» и испанско-католической агентуры.

Активизировали свою политическую деятельность и революционные слои нидерландской буржуазии. Дордрехтский синод кальвинистской церкви (1574 г.) принял решения, которые фактически предписывали консисториям оказывать действительное влияние на ход политической жизни, вмешиваться в решение внутригородских и государственных дел, вести непримиримую борьбу с католицизмом. Это было воспринято принцем Оранским и голландским купечеством, которое теперь уже прочно окопалось в Генеральных штатах и магистратах городов, как попытка «установить теократию», и политическая борьба разгорелась с новой силой. Положение осложнилось тем, что Вильгельм Оранский, сам оставаясь в тени, стремился расправиться с демократическим движением руками Генеральных штатов, выставляя себя при этом даже защитником народных интересов. Генеральным штатам удалось отнять у народных городских ополчений право обсуждать на своих собраниях наиболее важные политические вопросы, но пришлось согласиться с тем, что нужно запрашивать мнения командиров ополчений по отдельным важным делам, так как на этом, стремясь усилить свое влияние, настаивал принц Оранский.

Так же поступил принц и в вопросе о расширении представительства голландских городов в провинциальном

ах, добившись допуска в них, в дополнение к делегатам от крупных городов, делегатов от 12 средних и мелких городов Голландии. Расширить представительств дворян в штатах принцу, однако, не удалось. Более купеческая верхушка при поддержке консисторий взяла решение о создании Большого совета, который должен был предупредить попытки принца добиться единоличной власти.

Игрывая с консисториями, принц в то же время категорически отказывался исполнять их требование о запрете католического вероисповедания, потворствовал своим реакционерам и окружал себя дворянами и иностранцами.

Кроме того, принц Оранский, вопреки своим официальным заверениям, открыл ворота нидерландских городов перед иноземными войсками — английскими и французскими, которые под видом оказания «помощи» революционным провинциям должны были служить затронутым целям правителей этих абсолютистских государств. Английский сановник лорд Гудсон писал 9 мая 1572 г. канцлеру лорду Бёрли: «...королева [Англии] не имеет ни малейшего расчета отказаться от такого выгодного дела, как Голландия и Зеландия или какая-нибудь другая часть Нидерландов, которая может быть удержана. Если она этого не возьмет, то возьмет король Франции»²⁶.

В мае — июне 1572 г. английские войска расположились в Флиссингене, куда прибыл одновременно и отряд французских войск. Командир английских экспедиционных сил Гемфри Джильберт разработал план овладения Флиссингеном и целой группой зelandских остров с последующим подчинением их Англии. Лишь обновление гугенотских войн во Франции и страх английской королевы Елизаветы перед столкновением с Францией спасли революционные провинции Нидерландов от грозившей им новой смертельной опасности²⁷.

²⁶ Calendar of state papers, foreign series of the reign of Elizabeth I, London, 1572—1574, № 348.

²⁷ В одном из своих писем осенью 1572 г. королева Елизавета I писала: «Жители Флиссингена ежедневно предлагают мне передать им этот город. Если это на пользу интересам и с согласия короля Англии, я приму эти предложения. Я овладею городом и передам его Альбе». См. H. F o r n e r o n. Histoire de Philippe II, t. II, p. 321.

Неискренняя политика принца вызвала резкое недовольство народа и нападки консисторий. Его оскорбляли на улицах, насмешливо спрашивали, кто же он, кальвинист или католик. Он окружил себя телохранителями из немецких наемников, опасаясь за свою жизнь, ночевал на корабле, а в письмах всячески поносил героический голландский народ, называя его «самым испорченным народом во всем мире», «бунтовщиками, которые куражатся лишь покуда в их головах бродят винные пары»²⁸, и т. п.

Тем временем распатанная военная машина испанского абсолютизма в Нидерландах еще продолжала действовать, нанося сильные удары отложившимся провинциям. Положение их было очень тяжелым. В 1575 г. испанцы овладели важным зеландским портом Зирикзее, но эта их победа была последней в военной кампании 1572—1575 гг.

Глава 4

ОТ ВОССТАНИЯ 4 СЕНТЯБРЯ 1576 ГОДА ДО ПАДЕНИЯ АНТВЕРПЕНА

Политика герцога Альбы Рекезенсом означала изменение государственной политики. Сказалось это, однако, не сразу. Прошло около девяти месяцев, прежде чем Филипп II своим обычным способом, т. е. затягивая решение вопроса, дал разрешение наемнику на проведение реформ. Была объявлена амнистия, десятипроцентный налог отменен, а «совет по делу о мятежах» ликвидирован. Будет ли это сделано двумя годами раньше, они могли оказать сильное влияние на ход событий в пользу испанцев. Теперь это не произвело ожидавшегося Рекезенсом впечатления, ибо десятипроцентный налог уже не собирался со времени отставки герцога Альбы, деятельность «кровожадного» фактически прекратилась с того же времени, а амнистия не распространялась на протестантов, что делало ее фиктивной.

Испанская армия к этому времени сильно разложилась. Солдатский бунт следовал за другим, и положение правительства становилось крайне затруднительным. В южных провинциях назревало всеобщее недовольство, охватившее не только народные массы, но и господствующие классы. Как по мнению самого наместника, «ни у какой, даже самой законопослушной и самой преданной страны в Европе не хватило бы столько терпения, чтобы вынести все, что терпела эта страна за 8 лет»¹.

²⁸ См. Calendar of state papers, foreign series of the reign of Elisabeth, 1575—1577, № 487.

Мирные переговоры, шедшие в феврале 1575 г. в городе Бреда, закончились неудачей, так как Филипп II католически отказывался признать свободу реформационного вероисповедания или смягчить плакаты против еретиков. Когда 5 марта 1576 г. Рекезенс скоропостижно умер, дела испанской державы по управлению Нидерландами находились в полном расстройстве.

Государственный совет, к которому перешла власть после смерти наместника, являл жалкое зрелище. Состоявший из ненавидимых всеми испанцев и бездарных придворных шаркунов вроде Барлемона, Арсхота и Мансфелда, он был бессилен и пользовался призрачной властью, державшейся лишь с помощью готовых к бунту когорт испанских наемников.

Теперь и в южных провинциях, как в 1572 г. в северных, назрел революционный кризис. Народ повсеместно вооружался. Авторитет испанцев и страх перед ними испарились. Их оскорбляли и убивали поодиночке среди белого дня в глухих улочках. Дворяне и даже аббаты, потерявшие значительную часть своих владений после создания новых епископств, встали в оппозицию к правительству. В аристократических салонах открыто говорили, что необходимо поднять восстание и, по свидетельству современников, «самые уважаемые люди заявляли, что народ ничего не стоит, раз он этого не делает»². Штаты ряда провинций приняли на своих сессиях решение требовать у правительства восстановления вольностей и привилегий страны. Колебания среди правящих классов достигли высшей степени; революционная ситуация окончательно созрела.

Повод к восстанию не замедлил представиться. Сразу же после взятия Зирикзее, испанские войска, уже давно не получавшие жалования, подняли бунт. Разнузданные полчища, лишенные всякой воинской дисциплины, двинулись на захват южных городов, чтобы принудить их силой выплачивать солдатское жалование. Где бы они ни проходили, позади них оставались пепелища, трупы убитых мирных жителей, плач и проклятья вдов и сирот. 25 июля бунтовщики овладели городом Аlostом и разослали испанским гарнизонам других городов приглашения присоединиться к мятежу. Страшная угроза нависла над страной.

² А. Пиренн. Нидерландская революция, стр. 172.

Ответом на это было восстание, разразившееся 4 сентября 1576 г. в Брюсселе. Городская милиция, которой командовал де Блуийер, и городская жандармерия, находившаяся под командованием оранжистов де Геца и де Глима, встали при поддержке городского плебса здание, где заседал Государственный совет. Члены его были арестованы. Ликвидацией Государственного совета пал последний орден испанского владычества в Нидерландах. Большинство испанских гарнизонов в городах примкнуло к взбунтовавшимся солдатам, и все они были блокированы вооруженным народом и городскими ополчениями в своих цитаделях. Оставшие крестьяне организовали большие отряды саботороны, которые контролировали дороги и вели героическую борьбу с рыскавшими повсюду шайками взбунтовавшихся испанских солдат.

После восстания 4 сентября 1576 г. центр революционного и освободительного движения переместился из северных провинций, где с испанским владычеством и его внутренними пособниками было в основном уже покончено, в южные провинции, где теперь бушевали революция и война за независимость. И это значение центра социально-политической и освободительной борьбы южные провинции сохраняли вплоть до падения Антверпена в 1585 г.

Обстановка в южных провинциях была гораздо сложнее, чем на севере. Несмотря на развитие капиталистических отношений в городе и деревне, дворянство, католическая церковь, реакционные слои патрициата и средневекового феодализма на юге обладали, как уже отмечалось ранее, гораздо более прочными позициями, чем на севере. Широкие народные массы, пережившие ужасы кровавого режима Филиппа II, были и свирепые бесчинства испанской военщины, горели ненавистью и жаждой мщения. Но и среди них были очень распространены цеховые и местнические предрассудки, что создавало множество внутренних противоречий и конфликтов. Энергичные и неразборчивые в методах приверженцы Оранского искусно подогревали политические страсти, кипевшие в этом котле, в расчете урвать для себя самые сочные куски.

На этом этапе в конфликт с испанским абсолютизмом влились и в иной степени были вовлечены все классы и сословия южных провинций, а политические партии еще не получили достаточно своего лица. Поэтому весь период с

сентября 1576 по октябрь 1578 г. был периодом борьбы за политическую инициативу, периодом самоопределения борющихся партий, объединенных в общий, хотя и весьма непрочный антииспанский блок.

Несмотря на энергичные действия вооруженного народа и активность оранжистов, политическая инициатива оказалась на первых порах в руках дворянства, которое было оппозиционно настроено к испанскому правительству, но не желало допускать «господства черни» и «торжества ереси». Желая сохранять руководство событиями в своих руках, дворянская партия выдвинула предложение срочно созвать послушные ей Генеральные штаты, которые должны были определить форму управления страной и памятуя решение ближайших задач в области внешней и внутренней политики.

Программа дворянской партии была следующим образом сформулирована штатами Фландрии на их ассамблее в конце сентября 1576 г., на которой преобладало дворянство и духовенство: «...Умиротворить мятежи, заставить удалиться из провинций испанцев и прочих иноземных солдат... и заключить доброе соглашение с Голландией и Зеландией, сохраняя тем не менее в неприкосновенности католическую римскую веру и должное повиновение нашему государю [Филиппу II]»³.

Собравшаяся в ноябре 1576 г. в Генте ассамблея Генеральных штатов Нидерландов проявляла полное отсутствие революционности. На нее явились представители феодального дворянства, католические аббаты, члены олигархических реакционных городских магистратов, избранных еще в период испанского владычества. Призывы депутатов Голландии и Зеландии к более решительным действиям рассматривались этим сборищем реакционеров как навязывание ему «фривольных предложений» и оставались гласом вопиющего в пустыне. Узкое местничество и боязнь революционных народных масс, штурмовавших в это время с оружием в руках осиные гнезда занятых испанцами цитаделей, — вот настроения, господствовавшие среди депутатов ассамблей.

Пока депутаты Генеральных штатов тратили время в долгих спорах и бесплодных дискуссиях, взбунтовавшиеся

³ L. P. G a c h a r d. La Bibliothèque Nationale à Paris, t. I. Bruxelles, 1875, p. 144.

испанские наемники продолжали свои злодеяния. 4 ноября г. они совершили вылазку из антверпенской цитадели, захватив город, подвергли его чудовищному разгрому и грабежу. Испанцы убили и замучили свыше восьми тысяч горожан и сожгли до тысячи домов. Общий ущерб, понес город и его жители, оценивался современными в 24 млн. гульденов.

Под влиянием этих событий Генеральные штаты потрудились выработать текст документа, получившего название «Гентское умиротворение». В нем провозглашались верность Филиппу II, католической религии и сохранение независимости страны. Законы, введенные герцогом Альбой, и указы против еретиков были отменены. Война объявлялась только мятежным испанским войскам, которые были объявлены вне закона. Большинство насущных политических вопросов, однако, осталось нерешенным: подчинение Испании сохранялось, ряд важных политических вопросов не был восстановлен, не получила решения и проблема свободы кальвинистского вероисповедания. Предложение о конфискации церковных земель было отвергнуто. Вопрос о ликвидации феодальной собственности на землю и феодальных отношений в городе и деревне — главный вопрос во всякой буржуазной революции — даже не ставился. Народу становилось ясным, что Генеральные штаты и их депутаты стремятся к одному — к сговору с Филиппом II.

Проблемы, решение которых трусливо было отложено ассамблеей Генеральных штатов, стали решаться в открытых классовых битвах, а «Гентское умиротворение» с самого начала оказалось клочком пергамента, лишенным практического значения. Оценивая политическую обстановку в Нидерландах в декабре 1576 г., английский дипломат Вильсон писал: «Положение здесь очень неопределенное; народ повсюду подозрителен и ропщет, а дворянство малоуважаемо»⁴.

Дворянская партия отчаянно боролась за сохранение своих рук руководства событиями. Она сумела занять большинство мест в Генеральных штатах, во вновь сформированном Государственном совете и офицер-

J. M. K e r y u n d e L e t t e n h o v e. Relations politiques Pays-Bas et de l'Angleterre sous règne de Philippe II, t. IX. Bruxelles, 1889, p. 60.

ские должности в армии. Одновременно крупнейшие аристократы, воскряшая времена феодальной раздробленности, лихорадочно набирали собственные воинские силы, чтобы в нужный момент противопоставить их народным ополчениям — городским стрелковым гильдиям и крестьянским отрядам самообороны.

3 ноября 1576 г. в Люксембург прибыл новый наместник Филиппа II в Нидерландах дон Хуан Австрийский — побочный сын Карла V. Человек большой личной отваги, обладавший военными дарованиями, дон Хуан, однако, менее всего соответствовал тем задачам, осуществление которых возлагалось на него. Честолюбивый мечтатель, одержимый идеей воскресить в своем лице идеал средневекового рыцаря, дон Хуан был плохим политиком, не способным разобраться в подлинном характере событий, происходивших в Нидерландах. Для него, как и для герцога Альбы, революция в Нидерландах была всего-навсего «мужичьим бунтом», который можно подавить лишь силой. Вспыльчивый и высокомерный, он не обладал ни выдержкой, ни хладнокровием, ни гибкостью, необходимыми в данной обстановке⁵.

Мелочное фрондирование дворянства, отстаивавшего вольности Нидерландов лишь постольку, поскольку они были его собственными вольностями, не помешало дворянской партии сразу же вступить в переговоры с дон Хуаном. Генеральные штаты южных провинций изъявили намерение перебраться к дон Хуану, и лишь сопротивление брюссельского плебса сорвало этот предательский план. Ни народные массы, ни оранжисты, выступавшие против переговоров с дон Хуаном, не смогли, однако, предотвратить предательскую сделку феодально-католических кругов с испанцами. 12 февраля 1577 г. Генеральные штаты заключили с дон Хуаном так называемый «Вечный эдикт».

⁵ Вербовка наемников в эти отряды производилась в отдаленных аграрных провинциях: Хелдере, Оверейсселе, Намюре, Геннегау.

⁶ Это был тот самый дон Хуан Австрийский, образ которого увековечен во многих литературно-драматических и музыкальных произведениях. Его галантные похождения носили скандальный характер, и Филипп II в одном из параграфов секретной инструкции запрещал ему соблазнять жен государственных сановников и вельмож.

Согласно этому договору, «Гентское умиротворение» было положено в основу будущего политического устройства страны. Испанские войска подлежали выводу в двадцатидневный срок, а остальные иноземные наемники — после уплаты им жалования, на что Генеральные штаты должны были дать дон Хуану 600 тысяч ливров. Лишь после вывода войск и при условии соблюдения привилегий провинций дон Хуан мог быть признан законным наместником короля. Генеральные штаты обязывались поддерживать католическую веру, распустить на вербованные ранее войска, а с принцем Оранским заключить специальное соглашение.

12 мая 1577 г. дон Хуан торжественно вступил в Брюссель. Прикидываясь «другом» нидерландцев, не скупясь на ластивые комплименты придворной аристократии, он тайно развил энергичную деятельность по укреплению испанского влияния. Но маневры дон Хуана встретили недоверие и настороженность. Северные провинции заявили решительный протест против заключения «Вечного эдикта», а принц Оранский начал готовить заговоры против дон Хуана. Народ относился к нему с нескрываемой ненавистью. Сочтя безнадежным «мирное завоевание» Нидерландов, дон Хуан решил, что продолжать дальше этот маскарад бесполезно. Войдя в тайный сговор с матерыми реакционерами и испанскими пособниками — губернаторами Намюра и Люксембурга Барлемоном и Мансфелдом, он поднял мятеж, хитростью завладел неприступной намюрской цитаделью и начал собирать вокруг себя реакционеров всех мастей, чтобы затем приступить к разворачиванию военных действий. «Вечный эдикт» перестал существовать.

Бегство дон Хуана в Намюр привело к дальнейшему размежеванию политических сил. Дворянская партия и блокировавшиеся с ней слои реакционного бюргерства, патрициата и купечества, несмотря ни на что, стояли за ведение переговоров с дон Хуаном, а их послы с затаенным удовольствием выслушивали требования наместника об обуздании «наглости черни» как предварительном условии соглашения. Иную программу выдвинули революционные слои буржуазии и городской плебс. По всей стране прокатилась волна народных восстаний. Первым восстал городской плебс и ремесленники Брюс-

Вооружившись, они низвергли реакционный магистрат, избрали новый, а наряду с ним создали революционный «комитет 18-ти», состоявший из представителей цеховых «наций» города, по два от каждой. Этот революционный демократический комитет поставил в зависимость от себя Генеральные штаты, взял в свои руки организацию обороны города и разослал письма в другие крупные города, призывая их следовать своему примеру. Крупные города Брабанта и Фландрии быстро откликнулись на этот призыв. Одно за другим вспыхнули нидерландские восстания. Свергались реакционные магистраты, власть переходила в руки революционных «комитетов 18-ти» и народных ополчений, состоявших из цеховых мастеров, учеников и городского плебса. Восстание распространилось и на города других провинций. В Амстердаме и столице провинции Артуа, под руководством революционных слоев буржуазии и оранжистов был создан «комитет 15-ти», взявший в свои руки власть в городе и вербовавший военные силы в составе пятнадцати рот солдат.

В начале 1577 г. «комитет 18-ти» Брюсселя потребовал от Генеральных штатов чистки государственного аппарата от скрытых и явных реакционеров и испанских пособников, решительного преследования врагов революции и объявления войны. В октябре того же года это требование было повторено и дополнено. «Комитет 18-ти» Брюсселя выдвинул программу революционных действий: прекратить переговоры с дон Хуаном, начать решительную осаду Намюра, укрепить гарнизоны города, который угрожал враг. Для обеспечения этого предлагалось провести поголовное вооружение народа и обратиться к королеве с просьбой о присылке военных подкреплений к королеве Марии в совете и пфальцграфу Иоанну Казимиру⁷. Кроме того предлагалось немедленно создать общий финансовый фонд для содержания войск, низложить прежние реакционные магистраты, заменив их новыми, революци-

⁷ Иоанн Казимир — один из протестантских князей Германской империи, владетель пограничного с Нидерландами графства Силезия — на всем протяжении 70-х годов энергично вмешивался в дела Нидерландов.

онными, и сформировать новый Государственный совет из 68 членов, по 4 от каждой провинции⁸.

Это была подлинно революционная программа борьбы с испанским деспотизмом и его пособниками внутри страны. Предложение обратиться с просьбой о присылке воинских сил к Елизавете и Иоанну Казимиру, было, видимо, навязано оранжистами, но в сочетании с требованием всеобщего вооружения народа оно приобретало совсем иной оттенок. И тем не менее изложенная выше революционно-демократическая программа, как и программные документы других городских коммун, поднявших восстание, страдала серьезным и опасным для дела революции и освободительной войны пороком — она не обращалась к феодально-эксплуатируемому крестьянству и не звала его на восстание против своих господ. А это означало, что крестьянство — главнейший резерв всякой буржуазной революции — не вовлекалось в достаточной мере в революционную и освободительную борьбу, а часть его оставалась под влиянием дворянско-католической реакции.

Дворянская партия уже теряла авторитет в глазах народа и революционной части буржуазии, но революционно-демократическое движение в городах южных провинций, как бы ни было велико его значение, разобщенное, стихийное, лишенное централизованного руководства, не могло окончательно сломить силы этого главного внутреннего врага. Революционная буржуазия, со своей стороны, оказалась недостаточно зрелой политически, чтобы взять на себя руководство революцией и освободительной войной в масштабах всей страны, или хотя бы в масштабе южных провинций. Не выдвинула она из своей среды и руководителей общенационального значения.

В этих условиях перед Вильгельмом Оранским открывались широкие перспективы на юге страны. Принц понимал необходимость объединения всей страны в освободительной войне, но методы достижения этой цели, порицательные им, менее всего преследовали цель дальнейшего развития и углубления революции. Будущность позитивного провинциального приказчика голландской бур-

⁸ L. P. G a c h a r d. Actes des Etats Généraux des Pays-Bas t. I. Bruxelles — Leipzig—Gand—La Haye, 1886, p. 460—462 etc

вазии не устраивала этого честолюбивого и властного человека. Он не оставлял надежды, окрылявшей его и прежде укрепить свой авторитет в консервативных южных провинциях, а затем, опираясь на них, подчинить и северные провинции целям своей политики. Поэтому призывы принца Оранского к «единству страны» преследовали также цель замаскировать подлинное содержание планов «полчаливого».

Приложив руку к перевороту 4 сентября 1576 г., он без преданных ему лиц развернул в южных провинциях энергичную кампанию в свою пользу. Принц поначалу интриговал с руководителями всех политических управлений — лидерами дворянской партии, католическими аббатами, видными кальвинистскими проповедниками и вожаками городского плебса. Противоводействие принца проискам дон Хуана содействовало росту популярности его самого и оранжистской партии в глазах народа, а поддержка, которую ему оказывала королева Елизавета, создавала принцу прочное положение по отношению к Генеральным штатам южных провинций и сподствовавшей в них дворянской партии.

Оранжисты вели себя очень искусно. Они проникали в руководящие посты в «комитетах 18-ти» и в городских милициях, повсюду рекламировали принца как неприкосновенного врага испанцев и бескорыстного патриота, говорили, что только принц сможет обеспечить успех освободительной войны. Агитация оранжистов имела большой успех в народе, и уже в декабре 1576 г. брюссельский плебс, ворвавшись с оружием в руках в зал заседаний Генеральных штатов, потребовал немедленного призвания принца Оранского в Брюссель.

Прошло, однако, около года, прежде чем принц счел, что его приезд на юг достаточно подготовлен. В сентябре 1577 г. он прибыл в Брюссель, восторженно встреченный населением. Политическая программа, выдвинутая принцем, была весьма туманна и своей «универсальностью» преследовала цель привлечь в ряды сторонников оранжизма как можно больше доверчивых людей. Каждый, крикливо-выставляемый на показ пункт этой программы, обязательно дополнялся какой-нибудь оговоркой, которая делала его приемлемым для самых различных социальных слоев. Требование решительной борьбы с дон Хуа-

ном сопровождалось оговоркой о неприкосновенности королевского суверенитета. Провозглашение единства страны сочеталось практически с признанием автономии Голландии и Зеландии. Заявление о соблюдении условий Гентского умиротворения дополнялось требованием введения свободы вероисповедания и т. д.

Руководящее положение, которое занимала теперь оранжистская партия, ставило ее в весьма сложное положение. Как руководитель освободительной войны и революции она не могла не притягивать на свою сторону симпатий и чаяний революционной буржуазии и народных масс. Это заставляло оранжистов порой хотя бы внешне поддерживать такие действия и требования, которые выходили за рамки ее собственной программы и озлобляли ее союзников «справа».

Однако очень скоро обнаружилось, что не так легко примирить интересы борющихся классов. Первый удар кающемуся «единству» нанесла дворянская партия. Обеспокоенная политическим флиртом принца с руководителями городского революционно-демократического движения и той властью, которая сосредоточивалась в его руках, дворянская партия решила, что принц «слишком тонок для ихней лавочки». Чтобы оттереть его на задний план, было решено вывести на сцену новую политическую фигуру. Этой фигурой был эрцгерцог Матвей, брат германского императора Рудольфа II. Жалкий и безвольный, но честолюбивый интриган, он соблазнился предложениями дворянской партии и тайно от Рудольфа II, ночью, через окно своей спальни в венском дворце, бежал в Нидерланды. 28 октября 1577 г. он прибыл в Маастрихт, ожидая, когда его официально пригласят занять пост правителя страны.

С самого начала эрцгерцогу Матвею была уготована участь марионетки в руках дворянской партии. Ее лидеры хотели поместить эрцгерцога в небольшом городе Термонде близ Гента, окружить советом из дворян-реакционеров и править страной от его имени по своему собственному произволу. Фландрию и ее столицу Гент дворянские реакционеры хотели превратить в свой главный оплот. С этой целью туда на пост губернатора был направлен отъявленный реакционер герцог Арсхот. Какие надежды возлагались на эту личность, видно из пись-

ма бывшего члена «кровоавого совета» Гессельса к Филиппу II. «Когда герцог Арсхот займет пост нашего губернатора, — писал он, — мы надеемся полностью выполнить предначертания вашего величества... Мы тогда сумеем поймать в тенета скандального еретика и всю его шайку». Заседания Генеральных штатов дворянская партия предложила перенести из революционного Брюсселя в реакционно-католические Мехельн или Монс, «чтобы обеспечить неприкосновенность депутатов и устранить давление на свободу мнений, которое существовало в Брюсселе»¹⁰.

Совокупность этих мероприятий означала подготовку контрреволюционному перевороту и расправе с оранжистской партией, которую дворянские реакционеры считали опасным скопищем честолюбивых демагогов.

Планы дворянской партии были сорваны энергичной борьбой вооруженных народных масси противодействием оранжистов, сумевших использовать интриги дворянской партии для укрепления своего политического влияния в народе. Принц инсценировал «отъезд» в Голландию и созвал «прощальный банкет», который был, однако, использован совсем в других целях. На банкете вожаки демократического движения Брюсселя договорились с оранжистским руководством о совместных действиях против дворянской партии. Во исполнение этого соглашения вооруженный брюссельский плебс в октябре 1577 г. ворвался на заседание Генеральных штатов и вынудил их отказаться от переезда в Мехельн, а принца Оранского просить остаться в Брабанте на посту руварда¹¹. Обещанный полномочиями руварда принц, таким образом, противопоставлялся эрцгерцогу Матвею.

Учитывая напряженность обстановки, Вильгельм Оран

⁹ Д. Л. Мотлей История нидерландской революции и основания провинций Соединенной республики СПб., 1871, т. III стр. 183. Под «скандальным еретиком» подразумевался принц Оранский.

¹⁰ L. P. Gachard Actes des Etats Généraux des Pays Bas t I, № 868

¹¹ L. P. Gachard La Bibliothèque Nationale à Paris, t I, p 179. Рувард — должностное лицо, назначавшееся в Брабанте по старинному обычаю во время гражданских вооруженных конфликтов. Ему давались чрезвычайные полномочия для охраны общественного порядка.

тем не менее счел благодарным покинуть Брюссель, отрезанный от моря и уязвимый в военно-стратегическом отношении, и обосновался в Антверпене, который превращался в политический центр южных провин-

Вторая схватка с дворянской партией произошла в Антверпене. Здесь руководитель городского революционно-демократического движения Жан Имбизе в резкой форме требовал от герцога Арсхота восстановления тех привилегий Гента, которые были отняты у города Карлом V в ходе гентского восстания 1539—1540 гг. В ответ губернатор разразился грубой бранью и крикнул: «Вы еще уйдете и прогуляетесь с петлями на шее, как в 1540 году!». Когда один из руководителей гентского плебса Риховесоскакал к принцу Оранскому в Антверпен с предложением поднять восстание и свергнуть ненавистного герцога Арсхота. Принц повел двойную игру. Он не имел ничего против того, чтобы разделаться руками вооруженного гентского плебса со своим политическим соперником. Но принц Оранский не хотел, чтобы сохранились свидетельства о его собственной причастности к этому делу, и желал ни полного разгрома дворянской партии, ни успеха революционно-демократического движения в Генте. Поэтому принц проявил внешне полное безразличие к предложению Рихове, а потом подослал к нему своего верного приспешника Ф. Марникса, который подговаривал Рихове поднять восстание в Генте, однако на свой страх и риск.

В ночь на 28 октября 1577 г. вооруженный плебс Гента, руководимый Имбизе и Рихове, восстал. Герцог Арсхот и другие дворянские контрреволюционеры были изгнаны. Народ на улицах кричал им вслед: «Вот вы призвали эрцгерцога Матвея!». На следующий день в Генте был создан «комитет 18-ти», занявшийся ведением судейства по делам арестованных реакционеров. Городская милиция была переформирована, и во главе ее были представлены приверженцы революционных порядков — ремесленные подмастерья, мелкие буржуа и др.

Тем не менее 12 ноября 1577 г. Генеральные штаты провинций официально признали эрцгерцога Матвея генерал-губернатором провинций, желая взять реванш за поражение, нанесенное в Генте. «Комитет 18-ти» Брюсселя ответил,

на это несколькими представлениями в Генеральные штаты, в которых требовал удаления дворянских реакционеров из правительственных органов и изменения норм представительства в Генеральных штатах с тем, чтобы обеспечить там перевес революционных провинций и городов над «добрыми старыми городами» и дворянством. Оправдывая свое вмешательство в вопросы государственного управления, «комитет 18-ти» подчеркивал, что делает это потому, что «дело, которое обсуждается их представительствами, есть народное дело»¹².

Оранжевисты сумели и здесь обеспечить свое влияние. Поддавшись их уговорам, «комитет 18-ти» Брюсселя вместо того, чтобы свалить эрцгерцога Матвея, а вместе с ним решительно пресечь и козни дворянской партии, потребовал назначения принца Оранского на должность заместителя эрцгерцога, что и было выполнено Генеральными штатами в январе 1578 г. Вместо триумфа революционно-демократического движения получился триумф оранжевизма.

Политическое влияние дворянской партии отныне держалось лишь на ее господствующем положении в армии Генеральных штатов, и она использовала это для проведения своей контрреволюционной политики. Вместо решительного наступления с целью задушить мятеж дон Хуана в самом начале, дворянское командование проводило оборонительную тактику, разбросав войска Генеральных штатов отдельными гарнизонами по городам и дав испанскому наместнику возможность собраться с силами. Боеспособность войск Генеральных штатов была низкая, среди офицерского состава царило казнокрадство и склоки из-за выгодных должностей. Информированный о плачевном состоянии главных сил армии Генеральных штатов, расположенных в лагере под городком Жамблу, дон Хуан нанес им 31 января 1578 г. сокрушительное поражение, что еще больше дискредитировало дворянскую партию в глазах народа. Лидер ее граф Ф. де Лален был снят с поста главнокомандующего. Изгнан из армии был и ряд других дворянских реакционеров.

По всей стране прокатилась новая волна городских вос-

¹² L. P. G a c h a r d. Actes des Etats Généraux, t. I, pp. 463—465.

ний, погромов католических церквей и монастырей, преследования католического духовенства. В Куртре, Брюгге и других городах Фландрии образовались «комитеты 18-ти», которые проводили энергичные оборонительные работы: чинили укрепления, заготавливали оружие и боеприпасы, переливали церковные колокола на пушки. Северные провинции усилили натиск на последний оплот испанцев в Голландии — Амстердам, который капитулировал в феврале 1578 г. Реакционный магистрат его вскоре после этого был свергнут в результате восстания мелкого городского люда, а открытое католическое богослужение — запрещено. Напуганная развитием революционно-демократического движения дворянская партия начала склоняться к примирению с Испанией. Штаты провинции Артуа отклонили новый налог, потребовали заключения соглашения с дон Хуаном и разослали соответствующие предложения штатам Флемагу, Лилля и Турне. Ответом на это было новое восстание в Аррасе. 17 марта был арестован канцлер штатов Артуа и вскрыты сейфы. Хранившиеся в них секретные документы были обнародованы. Выяснилось, что в валлонских провинциях дворянство составило заговор, а штаты провинции Геннегау решили призвать в страну в качестве правителя брата французского короля Генриха — герцога Франциска Анжуйского. Последнее вызвало массовое возмущение, так как население Арраса смертельно ненавидело французов еще со времен жестокой расправы над городом ^{Мувен-ан-Энн} убитой Людовиком XI и Карлом V. Состав «комитета 15-ти» был обновлен. Большинство его членов представляли собой зажиточных буржуа — оранжевистов, но, кроме них, было и несколько бедных мелких ремесленников. Избирались члены комитета по штатам городской милиции, которых было пятнадцать. Аррас возглавил союз городов Артуа, и началась вербовка дополнительных воинских частей. Характеризуя обстановку в Аррасе в это время, очевидец событий, католический монах, писал: «Духовное сословие было доведено до отчаяния, дворяне трепетали от страха, а богатые жители не чувствовали себя безопасно в своих домах»¹³. «Комитет 15-ти» также допустил большую ошибку — он не привлек на свою

¹³ P o n t u s P a y e n. Mémoires, t. II. Bruxelles, 1861, p. 121.

сторону крестьян, которые остались под влиянием дворянско-католических реакционеров.

Революционно-демократическое движение в южных провинциях продолжало развиваться вширь и вглубь. Процесс политического самоопределения партий пошел ускоренным темпом. Принц Оранский отлично понимал это, но продолжал вести становившуюся с каждым днем все менее реалистической и популярной политику беспринципных компромиссов и политических интриг. Такая линия поведения не могла обеспечить оранжистской партии ни достаточно прочной политической опоры внутри страны, ни достаточно сильной армии для ведения войны с испанцами. Городские демократические ополчения и крестьянские отряды самообороны были вооруженными силами революционной демократии, а армия Генеральных штатов, даже после ее чистки, фактически контролировалась дворянской партией.

Поэтому принц снова обратился как к единственному средству укрепления своих военных сил к помощи иностранных государств. Использование международных противоречий в целях обеспечения успеха революции и освободительной войны само по себе не может служить обвинением против той политической партии, которая прибегает к подобному средству. Более того, революционная партия, которая пренебрегает этим, заслуживает самого решительного осуждения. Весь вопрос заключается в том, на каких условиях и в каких целях используется иностранная помощь. Здесь-то и обнаруживался губительный характер оранжистской политики.

Вильгельм Оранский прибегал к иноземной военной помощи не в целях углубления революции и обеспечения ее победы, а ради осуществления своих замыслов. Как мы уже видели на примере его дипломатических переговоров в 1571 г., принц не останавливался перед планами расчленения страны, если взамен этого можно было получить иностранные войска, которые в случае необходимости он мог использовать против вооруженных народных масс.

Снова доверенные лица Вильгельма Оранского вели дипломатические интриги в придворных кругах Лондона и Парижа. Внешнеполитические комбинации принца при этом самым причудливым образом перекрещивались с происками соперничавшей с ним на внутриполитической

не дворянской партии, эмиссары которой также вышмали помощь у Англии и Франции. Международная обстановка благоприятствовала планам дворянской партии и принца. Англия пристально следила за ходом событий в Нидерландах. Там были известны авантюристические планы дон Хуана, мечтавшего посадить в Англии десант, жениться на католической претендке на английский престол Марии Стюарт и создать в католическую державу, уничтожив «англиканскую сь». Но при английском дворе опасались не только французской интервенции. С тревогой взирало английское правительство на рост революционно-демократического движения в Нидерландах, а наиболее дальновидные по-

литики опасались, что торжество освободительной войны и революции в Нидерландах настолько усилит эту страну, что она в будущем станет самой опасной конкуренткой Англии.

В этой сложной ситуации главной целью английской политики в Нидерландах было, оставляя в неприкосновенности фикцию испанского суверенитета, подчинить фактически эту богатую страну Англии. Достигнуть этого английское правительство хотело путем разжигания гражданской войны и помощи той стороне, которая была более слабой.

Таковой в данный момент казались Генеральные штаты, и Англия заключила с ними 7 января 1578 г. договор, согласно которому взамен помощи войсками и деньгами Генеральные штаты обязывались отдать Англии в качестве залога города Флиссинген, Мидделбург, Брюгге и Гравелин. Договор предусматривал возможность соглашения Генеральных штатов с Филиппом II¹⁴. Более того, под давлением Англии Генеральные штаты дали заверение «не изменять религию и суверена».

Как видно, оказывая помощь, Англия с самого начала стремилась подорвать революционно-демократическое движение в Нидерландах и укрепить позиции католической реакции. Боязнь революции в Нидерландах и ее последствий была так сильна в Англии, что даже политика Генеральных штатов внушала ей опасения. Не кто иной, как фактический руководитель придворной кальвинистской партии в Англии, государственный секретарь Ф. Уолсингем, писал весной 1578 г.: «...трудно судить, в чем главная опасность, или в объединении с дон Хуаном, или со Штатами, учитывая что первое принесет зло в настоящем, второе — в будущем, которое скорее коснется наших потомков, чем нас»¹⁵.

После поражения войск Генеральных штатов в битве при Жамблу Англия, очень боявшаяся прямого военного столкновения с Испанией, заявила, что военная помощь, предусмотренная договором, будет оказана не путем присылки английских войск, а через посредство

¹⁴ J. M. Kervyn de Lettenhove. Les huguenots et les gueux, t. IV, p. 553—554.

¹⁵ C. Read. M-r Secretary Walsingham and the policy of the queen Elisabeth, v. I. Oxford, p. 377.

ного из немецких протестантских князей, пфальцграфа Иоанна Казимира.

Свой кусок от «нидерландского пирога» стремилась урвать и Франция, находившаяся во враждебных отношениях с Испанией и всегда рассматривавшая Нидерланды как объект своей захватнической политики. Кроме того, французский король Генрих III, утомленный внутренними гражданскими войнами и непрерывными заговорами своего брата, наследника престола Франциска Анжуйского, пришел к выводу, что «лучше видеть огонь в доме своего соседа, чем в своем собственном»¹⁶. Исходя из этих соображений, он разрешил Франциску Анжуйскому принять приглашение дворянской партии, Генеральных штатов принца Оранского прибыть в Нидерланды в качестве их «администратора». Взамен герцогу Анжуйскому обещали дать некоторые владения на территории Нидерландов и в случае смены суверена отдать предпочтение его кандидатуре. В мае 1578 г. войска герцога Анжуйского вторглись на территорию Нидерландов. Англия, соперничавшая с Францией в деле дележа Нидерландов, попыталась добиться ввода войск герцога Анжуйского и примирения Генеральных штатов с дон Хуаном. Когда эти попытки сорвались, в целях обеспечения своих захватнических целей королева Елизавета снабдила деньгами пфальцграфа Иоанна Казимира, который в августе 1578 г. также ввел свои войска в Нидерланды.

Теперь предательская тактика дворянской партии французистов принесла свои ядовитые плоды. В стране ходило уже три иноземных авантюриста — эрцгерцог Матвей, герцог Анжуйский и пфальцграф Иоанн Казимир. Первый играл жалкую роль. Два вторых, хотя и заявляли повсюду, что пришли в Нидерланды ради освобождения их от испанской тирании и восстановления независимости и привилегий страны, на самом деле защищали корыстные, захватнические интересы двух иностранных абсолютистских государств — Англии и Франции.

Военная помощь, оказанная ими Генеральным штатам в борьбе с дон Хуаном, была ничтожна, так как с самого начала между герцогом Анжуйским и Иоанном Казими-

¹⁶ M. N. Tommaseo. Relations des ambassadeurs venitiens des affaires de France du XVI-e siècle, t. II. Paris, 1838, p. 367.

ром началось соперничество, переросшее в мелочную склоку. Ни о какой согласованности военных операций в этих условиях не могло быть и речи, и военная кампания 1578 ограничилась лишь несколькими более или менее удачными операциями местного значения.

Зато народу пришлось испытать всю тяжесть постоянного мародерства разнузданных наемнических орд. Характеризуя поведение войск герцога Анжуйского, один из лидеров дворянской партии барон де Монтиньи писал. «Во время рейда Лис¹⁷, они не думали более ни о каком повиновении и подчинении своим главным военачальникам. Они не имели никакого уважения и к своим непосредственным командирам, предаваясь всякого рода злодеяниям, грабя, убивая, поджигая, насилая женщин на глазах их мужей и девушек всех возрастов на глазах их родителей, вымогая невероятными пытками выкуп за жизнь у многих крестьян. У одних они для этого жгли ноги и руки до костей, других подвешивали на три-четыре дня, третьих морили голодом и жаждой»¹⁸. Не лучше было и поведение ландскнехтов Иоанна Казимира.

Бедствия, принесенные иноземным вторжением, не ограничивались мародерством и насилиями наемников. Герцог Анжуйский с момента прибытия в Нидерланды не скрывал своей ненависти к революционно-демократическому движению и кальвинистским консисториям. В ответ на запрос папского нунция (посла) о целях его прибытия в Нидерланды герцог заявил, что он прибыл, чтобы «добиться доброго спасительного мира, а также подавить и истребить ереси и новые секты, которые, как это видно, каждодневно размножаются в провинциях»¹⁹. Герцог вел энергичные переговоры с дворянской партией готовившей новый заговор, а один из видных государственных деятелей публично заявил, что получил официальное предложение герцога присоединиться к нему, чтобы совместными усилиями восстановить в стране католицизм, изгнать принца Оранского и объединить Нидерланды под суверенитетом герцога.

¹⁷ Лис — река на французо-нидерландской границе

¹⁸ E de Lalaing baron de Montigni Memoires Bruxelles, 1862, p 28—29

¹⁹ J M Kervyn de Lettenhove Les huguenots en Belgique, t. V, p 148

В октябре 1878 г. происки реакции вылились в открытые мятеж, поднятый дворянской партией, оплотом которой были отсталые аграрные валлонские провинции — Артуа и Геннегау. Заявив, что Гент и другие революционные города Фландрии и Брабанта «замышляют новшества» и являются «смутьянами и врагами общественного спокойствия», лидер дворянской партии провинции Геннегау граф Ф. де Лален спровоцировал на бунт находившиеся под его командованием войска Генеральных штатов. В обращении к войскам он заявил, что Генеральные штаты погрязли в интригах с иноземцами и не желают иметь национальных войск, которые могут сорвать их планы. После этого дворянские мятежники, сами присвоившие себе кличку «недовольные», начали открытые военные действия против войск Генеральных штатов и ополчений революционных фландрских городов. В полном противоречии с обвинениями, выдвинутыми ими против «анти-национальной политики Генеральных штатов», «недовольные» вскоре заключили тайный военный союз с герцогом Анжуйским.

Подлинные цели, которые вдохновляли мятеж «недовольных», не имели ничего общего с «национальными интересами». Мятежники выступили в защиту феодальных порядков и католицизма. Этого ожидали от них и все прочие контрреволюционеры, ведущие подрывную деятельность в революционных провинциях. Что дело обстояло именно так, показывает обращение, адресованное «недовольным» католическим духовенством и дворянством Фландрии, в котором содержался призыв «предотвратить разорение и гибель дворянского сословия и католической церкви»²⁰.

Грабительская иноземная интервенция и мятеж «недовольных» ускорили развитие того политического конфликта, который уже давно назревал между революционно-демократическими слоями южных провинций и оранжистской партией. Революционные слои нидерландской буржуазии, группировавшиеся вокруг кальвинистских консисторий и «комитетов 18-ти», городской плебс, важной составной частью которого были цеховые подмасте

²⁰ Mémoires anonymes..., t. III, p. 163.

я и мануфактурные рабочие, и крестьянство не желали даже мириться с запрещением свободы кальвинистского вероисповедания, предательской деятельностью феодально-католической реакции, насилиями и грабежами разнузданной военщины и политическими интригами иноземных претендентов на престол Нидерландов.

Летом 1578 г. революционные буржуазные слои внесли на рассмотрение Генеральных штатов законопроект о предоставлении свободы кальвинистского богослужения. Принц Оранский высказался за принятие такого решения, но затем сделал все от него зависящее, чтобы лишить законопроект всякого революционного содержания. Плодом этих комбинаций явился подписанный 22 июля 1578 г. герцогом Матвеем эдикт о «религиозном мире». Обеспечив свободу кальвинистского богослужения наравне с католическим, эдикт от 22 июля содержал вместе с тем ряд статей, игравших на руку феодально-католической реакции. Провозглашалось, например, восстановление свободы католического вероисповедания в северных провинциях, где оно было запрещено. Устанавливалось официальное празднование всех католических праздников. Вся соль была заключена в последних статьях эдикта, которые предусматривали роспуск «комитетов 18-ти» и предоставление всем «неофициальным» органам вмешиваться в дела управления и обороны городов или издавать какие бы то ни было официальные распоряжения²¹. В дополнение к этому эдикту принц Оранский издал 30 июля специальный приказ, грозивший смертной казнью за участие в иконоборческих выступлениях.

Эта оранжистская затея с треском провалилась. Первые отвергли «религиозный мир» штаты реакционных валлонских провинций, не желавшие допускать кальвинистского вероисповедания. Северные провинции в свою очередь игнорировали статью эдикта, согласно которой свобода католического вероисповедания распространялась на их территорию. Что же касается «комитетов 18-ти», кальвинистских консисторий и стоявших за ними социальных слоев южных городов, они взяли от «религиозного

²¹ J. Strati us. Histoire des troubles et guerre..., p. 354/2 (ст. 27)

мира» свободу кальвинистского вероисповедания, отбросив реакционную шелуху его остальных статей.

Последовала новая полоса городских восстаний. «Комитеты 18-ти» не подчинились распоряжению об амнистии. Вопреки эдикту, они продолжали осуществлять функции революционных органов власти и очищали свои ряды от проникших в их состав реакционеров. Обновленный состав «комитета 18-ти» Брюсселя арестовал брата кардинала Гранвеллы — Шампаньи и выдал его Генту для ведения следствия по делу других контрреволюционеров, арестованных там еще в октябре 1577 г. Дом Шампаньи подвергся погрому и разграблению. Во многих городах «комитеты 18-ти» и кальвинистские консистории организовали погромы католических церквей и запретили исповедание католической веры. Характеризуя деятельность «комитетов 18-ти», католический хронист Понтус Пайен писал: «Этот народный сенат в действительности служил лишь для того, ... чтобы установить новую религию, подавить дворянство, подчинить себе судебные органы и поддерживать действия народного сброда»²². Другой католический реакционер, агент Филиппа II в Нидерландах Морильон жаловался, что после принятия «религиозного мира» «авторитет законной власти повергнут наземь, ... а необузданная толпа и часто подонки народа захватывают власть, чтобы командовать своими господами»²³.

Особенной остроты социально-политическая борьба достигла в Генте, который в это время стал центром революционно-демократического движения на юге страны. Хозяевами положения в городе были кальвинистские консистории и «комитет 18-ти». Комитет представлял различные социальные круги — цеховых подмастерьев, мелких ремесленников, богатых адвокатов, купцов. Последние, чтобы проникнуть в состав «комитета 18-ти», формально записывались в тот или иной цех и избирались от него в качестве депутатов. Из тех же слоев населения рекрутиро-

вался и командный состав вооруженных сил Гента, среди которого встречались как представители плебса, так и выходцы из буржуазных слоев — буржуазные интеллигенты, купцы, ростовщики. Ряд руководящих постов занимали представители древних, но обедневших патрицианских родов. В частности, оба главных вожака гентской демократической партии — Имбизе и Рихове принадлежали знатным гентским патрицианским родам. Консистории возглавлялись представителями революционной кальвинистской буржуазии, а их главным руководителем являлся бывший личный духовный наставник принца Оранского Петр Датенус.

Несмотря на пестроту состава его участников, демократическое движение в Генте и других городах южных провинций следует рассматривать как революционное буржуазно-демократическое и освободительное движение, беда которого была равносильна победе революции, поражение — ее гибели.

«Комитет 18-ти» и кальвинистские консистории Гента начали вводить свободу кальвинистского вероисповедания, не дожидаясь обнародования эдикта о «религиозном мире». Введение кальвинистского богослужения сопровождалось погромами католических церквей и монастырей, также преследованиями католического духовенства и монахов, сеявших пораженческие и происпанские настроения. Побег арестованных дворянских контрреволюционеров, мятеж «недовольных» и разбойничьи действия земников герцога Анжуйского, перешедшего на сторону «недовольных», содействовали дальнейшему обострению социально-политической борьбы в Генте. Вооруженные силы гентцев наряду с ополчениями других революционных городов Фландрии и крестьянскими отрядами самозащиты первыми нанесли удары по мятежным войскам герцогской контрреволюции. Перед тем как выступить в поход против «недовольных», Рихове, командовавший военными силами гентцев, без суда и следствия повесил бывшего члена «кровавого совета» Гессельса и бывшего главнокомандующего Фландрии де Виша. Оба они были закоренными преступниками, погубившими много невинных людей, и казнь их была воспринята народом как акт справедливого возмездия. Сам Рихове в объяснение своего самовольного поступка говорил, что для него, шедшего

²² P. P a y e n. Mémoires, t. II, p. 48.

²³ Correspondance du cardinal de Cranvelle, éd. par Ch. Piot. Bruxelles, 1889, t. VII, № LXXVII.

на смерть, была невыносима мысль о том, чтобы «такая чума могла его пережить»²⁴.

Гентцы всемерно укрепляли политический союз с 1, родами Брабанта, союз, который в создавшихся условиях был не актом средневекового сепаратизма и противопоставления местнических интересов общим интересам страны, а союзом революционных сил южных городов против дворянско-католической контрреволюции²⁵. Поскольку Генеральные штаты не желали вести решительной войны против испанцев и вступивших с ними в переговоры «недовольных», гентцы отказались вносить причитающуюся с них квоту военных налогов, предпочитая тратить эти деньги на оплату собственных войск. Однако они не раз помогали Генеральным штатам в преодолении финансовых трудностей, беря на себя гарантийные обязательства по оплате английского займа и временную оплату расходов по содержанию отдельных войсковых частей²⁶.

В Генте был восстановлен тот политический строй, который там существовал до восстания 1539—1540 гг. В условиях революции и освободительной войны, когда власть в городе принадлежала «комитету 18-ти» и конспираториям, это мероприятие приобрело совершенно иное значение. Фактически под видом возврата к старым вольностям и привилегиям в городе был введен революционный буржуазно-демократический режим, который рассматривался современниками как «невиданные новшества».

Гентские власти решительно распорядились церковными и монастырскими имуществами. Шла бойкая на распродажа, и предприимчивые дельцы быстро сколачи-

²⁴ J. M. Kervyn de Lettenhove. Documents inédits relatifs à l'histoire du XVI-e siècle, t. I, Bruxelles, 1883. p. 334.

²⁵ Тем не менее проявления местничества и оживление цеховой исключительности имели место как в Генте, так и в других городах. Это было неизбежно, так как существовали и цехи, и проникнутые партикулярными настроениями слои средневекового бюргерства. Они стремились использовать в своих узко эгоистических интересах восстановление старинных вольностей и привилегий. Местнические и цеховые настроения были распространены и в среде цеховых подмастерьев, которые еще не расстались с реакционными мечтаниями о возвращении старинных цеховых порядков и настаивали на сохранении городских привилегий в «заповедной» городской зоне.

²⁶ L. P. Gachard. Actes des Etats Généraux des Pays-Bas, t. II, Bruxelles, 1866, № 1698, 1813.

ли на этом деле солидные капиталы. По свидетельству очевидца событий фламандского хрониста Э. Метерена, рекупшники церковных имуществ «сносили монастыри, церкви и дома, перестраивали их по собственному усмотрению, сводили деревья и хищнически истребляли леса»²⁷. Сведывая эти действия гентских властей, другой современник — французский хронист Дету подчеркивал, что главной их целью было не только получить средства на нужные городские и военные нужды, но и заштересовать материально городскую буржуазию в поддержку демократического режима²⁸.

Гентцы не замыкались в узких пределах городских стен. Они распространяли свое влияние на города Фландрии и Брабанта, на Аррас, поддерживали постоянные связи с северными революционными провинциями. В ответ на мятеж «недовольных» гентцы заключили военный союз с фландрским крестьянством. Они координировали свои военные операции против войск дворянских контрреволюционеров с действиями объединенных крестьянских отрядов самообороны, численность которых порой достигала нескольких тысяч человек, посылали в эти отряды своих командиров, артиллерию и боеприпасы.

При проведении одной из таких операций довольно крупного масштаба войска «недовольных» были выбиты с укрепленного местечка Лагорж. По возможно преувеличенным данным командовавшего войсками «недовольных» барона Монтинья, Рихове привел под стены Лагоржа, помимо гентских войск, 10—12 тысяч вооруженных крестьян²⁹.

Гентцы, однако, не подкрепили военный союз с фландрским крестьянством политическим союзом, не оказали никакой поддержки крестьянам в их борьбе против феодальной эксплуатации за ликвидацию феодальной собственности на землю. Между тем крестьянское движение во Фландрии ширилось и приобретало все более опасный для

²⁷ E. Meteren. Historia oder eigentliche und wahrhafte Beschreibung aller fürnehmen Kriegshändel, gedenckwürdigen Geschichten und Tabten, S. 247.

²⁸ J. A. de Thou. Histoire universelle, t. V. La Haye, 1740, 507.

²⁹ E. de Lalaign baron de Montigni. Mémoires, t. 12—14.

дворянства характер. Крестьяне отказывались нести феодальные повинности, захватывали и делили монастырские земли, брали штурмом и срывали до основания замки дворян.

Рост крестьянско-плебейского движения в южных провинциях, с одной стороны, и мятеж «недовольных», с другой, ставили вопрос о том, пойдет ли дальнейшее развитие революции и освободительной войны по восходящей линии или победа останется на стороне дворянско-католической реакции, которая вновь отдаст страну под иго испанского деспотизма. Никакого промежуточного, компромиссного решения не могло быть. Но именно такого решения настойчиво искали принц Оранский и его приспешники, которые стремились путем подавления крестьянско-плебейского и буржуазно-демократического движения достигнуть сговора с дворянско-католической контрреволюцией.

Принц Оранский проводил сложную и двусмысленную политику. Не выступая пока открыто против гентцев, он вел настойчивую работу по внесению раскола в их среду. Неоднородность социальных сил, поддерживавших демократическое движение в Генте, облегчала его задачу. Вокруг Имбизе и Петра Датенуса группировался городской плебс, мелкособственнические элементы и немногочисленная, но наиболее революционно настроенная прослойка городского буржуазии. Рихове собрал вокруг себя умеренно буржуазные и бюргерские элементы, оказывавшие влияние на определенную часть цеховой массы. Зная это, принц остановил свой выбор на Рихове, сумел полностью прибрать его к своим рукам, а затем стал всячески раздувать соперничество между Рихове и Имбизе, подрывая изнутри силы гентского демократического движения. Не довольствуясь этим, принц начал оказывать политическое давление на гентцев. 11 октября 1578 г. в Гент от лица Генеральных штатов была послана специальная депутация, возглавлял которую ближайший приспешник принца — Ф. Марникс. Депутация потребовала от гентцев прекращения «беспорядков», восстановления католического духовенства в имущественных правах, введения свободы католического богослужения, выплаты Гентом налогов и отпуска на свободу арестованных контрреволюционеров. Угрожающие ультиматумы сходного содержания

предъявили Генту королева Англии Елизавета и герцог Анжуйский. Гентцы из тактических соображений отказались выполнить большинство этих требований, но согласились выпустить на свободу находившихся в тюрьме оранжистских контрреволюционеров.

Всячески задабривая «недовольных», обещая им «навести порядок» во Фландрии, принц Оранский тем временем продолжал вносить раздоры в среду гентцев. В ноябре 1578 г. дело дошло до ареста Имбизе сторонниками Рихове. Под давлением вооруженного плебса Имбизе был освобожден, но Рихове готовил новые провокации. Этой целью он производил переформирование находившихся под его командованием военных сил: на офицерские посты ставил оранжистов и лично преданных ему лиц, а революционно настроенных рядовых солдат замещал авантюристами, уголовниками и люмпенпролетариями. Эти разнузданные шайки начали грабежи окрестных деревень, чем вносили разлад во взаимоотношения гентцев с фландрским крестьянством. В окрестностях Алоста это дошло до открытых вооруженных столкновений отрядов Рихове с крестьянами.

Чтобы укрепить положение Рихове и заставить гентцев практически выполнять данные ими ранее обязательства, принц в конце ноября 1578 г. прибыл в Гент. Он открыто третировал Имбизе и Петра Датенуса и грозил им, что они понесут должное наказание за свою дерзость.

Тем временем дворянские контрреволюционеры не дремали. Ободренные трусливой тактикой Генеральных штатов и оранжистов, они продолжали ликвидировать шаг за шагом очаги революционно-демократического движения. Нерешительность и пассивность оранжистов, занимавших все главные посты в аррасском «комитете 15-ти», привели к тому, что союз городов Артуа превратился в фикцию, связи с крестьянством не были установлены, а командование городского ополчения, набранное из умеренных слоев горожан, продавалось дворянским контрреволюционерам. Это позволило губернатору Артуа совершить контрреволюционный переворот в Аррасе. Члены «комитета 15-ти» и активные участники революционно-демократического движения были казнены, а дворянство Артуа вступило в переговоры о примирении с Алек-

сандром Фарнезе, сменившим на посту наместника Нидерландов недавно перед тем умершего дон Хуана.

Дворянская партия Геннегау громила революционное, демократическое движение в Валансьене, а ее лидер граф Ф. де Лален вел тем временем переговоры с герцогом Анжуйским о присоединении территории провинции к Франции. Представители дворянской аристократии обеих этих провинций спешно вербовали собственные войска с целью обеспечить исполнение своих планов подавления революционно-демократического движения и раздела страны.

Характеризуя поведение дворянства валлонских провинций, Александр Фарнезе писал в это время Филиппу II: «Больше всего я боюсь, что валлонские провинции и католики объединятся и присоединятся к Франции»³⁰. Последовавшие затем события внесли некоторые поправки в первоначальные планы дворянской контрреволюции.

Исторический опыт показывает, что решающим условием, которое определяет степень активности крестьянства в освободительном движении, является наличие таких репрессий со стороны господствующей нации, которые бы затрагивали сферу поземельных отношений, «интересы земли». Таких репрессий со стороны испанцев валлонское крестьянство в сколько-нибудь значительных размерах не испытывало. Испанских дворян, владевших землями, здесь не было, а положение крестьян королевских имений (домена) было легче, чем в поместьях дворян. Политика религиозных преследований, проводившаяся герцогом Альбой, практически не затронула местного крестьянства, оставшегося католическим, а алькабала в условиях преобладания натуральнохозяйственных отношений в валлонской деревне не ощущалась так болезненно, как в экономически развитых провинциях юга и севера страны. Кроме того, как об этом уже говорилось ранее, избыточная часть населения валлонской деревни поставляла по традиции военных наемников для испанцев.

Политическая анархия, царившая в валлонских про-

³⁰ H. F o r n e r o n. Histoire de Philippe II, t. III, p. 167—168. Под термином «католики» здесь подразумевается партия Генеральных штатов в южных провинциях, стремившаяся, как уже отмечалось ранее, к соглашению с контрреволюционным валлонским дворянством.

виях вследствие хозяйничанья дворянской партии, бор валлонской аристократией собственных войск, связанный с этим рост феодального произвола, перед лицом горога крестьянство было бессильно,— все это, несомненно, озлобляло валлонское крестьянство. С огромным доверием оно смотрело на интриги дворянской партии Франции. Валлонское крестьянство на опыте прошлых лет и детей знало, что представляет собой господство французских феодалов. Поэтому от союза с ними своих собственных господ оно не могло ожидать ничего хорошего, разве справедливо опасаясь, что они хотят выторговать Франции за счет крестьян такие уступки, на получение которых от Филиппа II валлонские дворяне не рассчитывали. Грабежи и бесчинства французских военных наемников еще более накалили атмосферу.

В этих условиях достаточно было поднять валлонских крестьян на восстание за ликвидацию феодальных отношений и дворянско-церковного землевладения, чтобы революция и война за независимость в валлонских провинциях победили. Но этого не сделали ни Генеральные штаты, ни оранжисты, ни революционные города. Поэтому валлонское крестьянство, с его узким политическим кругозором, склонно было связывать воспоминания о мирной жизни и минимальном материальном благосостоянии с ганским режимом. Огромная потенциальная сила его антифеодальной и освободительной борьбы оказалась отведенной в русло антифранцузских выступлений, так как сложившейся обстановке валлонское крестьянство видела главную угрозу «интересам земли» не в испанском владычестве, а во французской интервенции.

Александр Фарнезе, сочетавший недюжинные военно-дипломатические способности с дарованием проницательного и дальновидного политика, отлично понял это и писал Филиппу II: «Местная знать ненадежна и колеблется, когда дело идет о содействии интересам вашего величества. Народ, наоборот, хорош и очень склонен к королевской партии. Это он держит дворянство на стезе долга»³¹.

Герцог Анжуйский сам содействовал провалу своих

³¹ L. v o n d e r E s s e n. Alexandre Farnèse prince de Parme, gouverneur général des Pays-Bas, t. II. Bruxelles, 1933—1937, p. 266.

замыслов в Нидерландах. Бездарный человек, не имевший ни реального представления о действительном политическом положении в стране, ни элементарного такта и выдержки, он решил добиться успеха грубой военной силой. В октябре и декабре 1578 г. он дважды предпринял попытки вооруженного захвата столицы провинции Геннегау — Монса. Обе эти попытки позорно провалились, а дворянская партия Геннегау, скомпрометировавшая себя связями с этим наглым авантюристом и лишившаяся всякой внутренней опоры, вступила в переговоры с Александром Фарнезе, начатые еще ранее контрреволюционным дворянством Артуа.

6 января 1579 г. штаты Артуа, Геннегау и Дуэ заключили с Александром Фарнезе соглашение, известное под названием Аррасской унии. Вскоре к этому соглашению примкнули и штаты провинции Геннегау. «То, что ускорило это решение валлонских провинций, особенно Геннегау,— писал хронист Ренон де Франс,— было второе посягательство герцога Анжуйского на город Монс, столицу провинции»³². Условия соглашения предусматривали соблюдение статей «Гентского умиротворения» и «Вечного эдикта», всеобщую амнистию, вывод испанских войск и предоставление Испанией денег на оплату войск, находившихся в распоряжении «недовольных». Суверенитет Филиппа II объявлялся неприкосновенным, а католическая религия — единственной, исповедание которой разрешалось на территории капитулировавших перед испанцами провинций.

Заключение Аррасской унии коренным образом изменило соотношение сил в южных провинциях в пользу испанцев. Теперь Александр Фарнезе имел в качестве плацдарма компактную территорию, состоявшую из провинций Артуа, Геннегау, Орши, Люксембурга, Намюра и части Лимбурга. Правда, условие о выводе испанских войск стесняло свободу его действий, но Александр Фарнезе понимал, что, играя на раздорах внутри дворянской партии и ссылаясь на военную угрозу со стороны революционных провинций, он сумеет обойти эту статью соглашения, что ему и удалось сделать впоследствии.

³² Renon de France. Histoire des troubles des Pays-Bas t. II. Bruxelles, 1886, p. 330.

Революционные провинции ответили контрнаступлением. 23 января 1579 г. северные провинции подписали в городе Утрехте соглашение, получившее название Утрехтской унии. Утрехтская уния была не только соглашением о совместном ведении военных действий отложившимися провинциями; она являлась важной вехой на пути государственного и конституционного развития буржуазной республики, складывавшейся на севере Нидерландов. Она в тексте соглашения формально не объявлялась в изложении Филиппа II, вся система органов государственной власти не оставляла места для реально действующей королевской власти. Было установлено, что все важнейшие общегосударственные дела — сбор налогов, объявление войны, заключение мира, издание основных законов — должны решаться Генеральными штатами откликнувшихся провинций простым большинством голосов. В случае возникновения разногласий, спорный вопрос передавался на арбитраж статхолдеров провинций. Сепаратные соглашения отдельных провинций с иноземными державами воспрещались. Курс денег определялся на основе общего соглашения. Вопросы вероисповедания решались на основе эдикта о «религиозном мире», но Голландия и Зеландия добились для себя права самостоятельно решать религиозный вопрос. Текст соответствующей статьи Утрехтской унии гласил: «В том, что касается религии, Голландия и Зеландия будут действовать так, как им будет угодно». Провинции, подписавшие соглашение, обязывались, не щадя сил и средств, вести до полного конца борьбу против иноземной тирании и попыток навязать им реакционные феодальные порядки «под предлогом восстановления римской католической веры»³³. Подписание Утрехтской унии сопровождалось острыми социально-политическими столкновениями. Осмелевшая после обнародования Аррасской унии феодально-католическая реакция подняла голову и развернула энергичную борьбу против подписания Утрехтской унии. Самом Утрехте подписание соглашения стало возможным лишь после ареста нескольких католических прелатов, являвшихся членами провинциальных штатов. В Хелдере

³³ См. J. Stratius. Histoire des troubles et guerre..., p. 2/2 — 369/1.

и Фрисландии провинциальные штаты отвергли текст соглашения, и он был подписан первоначально лишь статхоудерами провинций — Иоанном Нассау и графом Ренненбергом. Силой оружия был принужден к подписанию Утрехтской унии и реакционный магистрат города Хронингена.

Не менее ожесточенная борьба вокруг подписания Утрехтской унии разгорелась в южных провинциях. Реакционеры всех мастей, и особенно католическое духовенство, вели повсеместно энергичную кампанию против присоединения к Утрехтской унии и за принятие Аррасской унии и примирение с Испанией.

В Антверпене дважды — в январе и мае 1579 г. — происходили вооруженные выступления городского плебса против магистрата и провокационных вылазок феодально-католической реакции. Оба эти выступления, однако, не принесли должных результатов, так как оранжисты сумели усилить революционную бдительность народа.

Сын казненного герцогом Альбой графа Эгмонта перешел на сторону испанцев и, чтобы повысить в глазах Филиппа II цену своего предательства, попытался 4 июня 1579 г. овладеть Брюсселем, с тем чтобы передать его Александру Фарнезе. Восставшие горожане блокировали изменника на рыночной площади города, где ровно одиннадцать лет тому назад от руки палача упала голова его отца. Покрывший себя несмываемым позором перебежчик, которого вооруженные горожане клеймили именем Иуды, был принужден к постыдному отступлению из города.

В Брюгге подстрекаемые католическими монахами и попами патрициат, дворяне и цеховые мастера в июне 1579 г. подняли мятеж с целью ниспровергнуть «комитет 18-ти» и сорвать присоединение города к Утрехтской унии. Мятежники овладели частью города и обратились за поддержкой к стоявшим поблизости воинским частям «недовольных». «Комитет 18-ти» и кальвинистские консистории, призвав к оружию городской плебс, послали гонцов в войсковые части Генеральных штатов, которые подоспели первыми и помогли ликвидировать мятеж.

В Болдуке и Мехельне силы католической реакции оказались преобладающими, и в результате поднятого ими мятежа оба города оказались в руках «недовольных».

Однако, несмотря на все происки контрреволюционеров и браженцев, большинство крупных городов Фландрии Брабанта присоединилось к Утрехтской унии, показав им, что они отстаивают не узкие местнические интересы, интересы революции и освободительной войны в целом. В числе городов, присоединившихся к Утрехтской унии, шли Антверпен, Брюссель, Брюгге, Ипр, Бреда, Гент и др.

Во всех этих городах прокатилась новая волна погромов католических церквей и репрессий против католического духовенства. Открытое католическое богослужение было запрещено, а католическое духовенство настолько терроризировано, что боялось появляться на улицах.

Во главе революционно-демократического движения в городах Фландрии и Брабанта по-прежнему шел Гент, который воссоединился со своим кварталом³⁴ в единую административную единицу, подписал Утрехтскую унию, согласился вносить в общую кассу унии причитающиеся на него налоги на военные нужды. Оранжисты были отнесены на задний план, и Имбизе пользовался почти безграничной властью в городе. Попытка Рихове произвести переворот и арестовать Имбизе сорвалась, а участники оранжистского заговора, включая Рихове, вынуждены были бежать.

В конце июля 1579 г. Имбизе произвел смену магистрата, очистил командный и рядовой состав вооруженных сил Гента от приверженцев Рихове и обратился к городам Фландрии с призывом объединить их силы для борьбы с рагами свободы и независимости. Кальвинизм был объявлен официальной религией, католическое богослужение в городе запрещено, а церковные имущества по-прежнему распродавались по дешевым ценам приверженцам Имбизе из числа городской буржуазии.

Одновременно во Фландрии полыхало пламя крестьянской войны. В противоположность крестьянству валлонских провинций, крестьянам Фландрии было что терять в случае восстановления испанского владычества. В деревнях Фландрии, с их развитым товарно-денежным и фермерским хозяйством, хорошо помнили и алькабалу и инкви-

³⁴ «Кварталом» Гента именовалась та часть Фландрии, на которую распространялась в той или иной степени судебно-административная власть гентского магистрата.

зицию и не желали их восстановления. Более того, фландрское крестьянство поднималось на борьбу за ликвидацию феодальных порядков, защитниками которых были ненавистные «недовольные» и перебежавшие на их сторону фландрские дворяне.

В декабре 1578 г. военные действия фландрских крестьян против «недовольных» получили широкий размах и стали более организованными. В окрестностях Диксмейде был создан сильный крестьянский отряд в 2000 человек, снабженный артиллерией и находившийся под командованием выборных командиров. В этот отряд вошло несколько мелких солдатских подразделений. Действуя согласованно с гентцами, отряд совершил несколько успешных военных операций. В частности, он принудил к капитуляции гарнизон «недовольных» в замке Гандтзем³⁵. В марте 1579 г. восьмитысячный крестьянский отряд, присоединившись к войскам Генеральных штатов, принял активное участие в операциях против «недовольных» во Фландрии³⁶. В апреле 1579 г. шеститысячный крестьянский отряд рассеял войска «недовольных» близ города Франка. В июле 1579 г. крестьянские отряды самообороны продолжили вести бои с войсками «недовольных» под стенами городов Касселя и Берг Септ Винокса³⁷.

Политика оранжистов, которые теперь господствовали в Генеральных штатах, менее всего способствовала развитию революционного, буржуазно-демократического движения. Оранжисты предпочитали вести войну с испанцами в союзе с дворянством и иноземными державами, а не с революционной буржуазией, городским плебсом и крестьянством. Подписав лишь в мае 1579 г. Утрехтскую унию, когда всякая возможность соглашения с «недовольными» уже была исключена, принц Оранский не перестал быть врагом революционных народных масс и противником буржуазного радикализма. Потеряв надежду на заключение союза с «недовольными», он снова начал переговоры с уже достаточно дискредитировавшим себя герцогом Анжуйским и Елизаветой Английской, рассчитывая получить от них военную помощь для продолжения

борьбы с Испанией. Более того, охотно прислушиваясь настояниям своих внешнеполитических союзников об «обуздании черни» как предварительном условии оказания «помощи», принц Оранский приступил к планомерному подавлению революционно-демократического движения.

Фландрскому крестьянству не только не дали земли и не освободили его от феодальной эксплуатации, но и не защитили его от мародерства и насилий иноземных вооруженных наемников, из которых в большей части состояли войска Генеральных штатов. Вследствие этого крестьянские отряды самообороны оказались вынужденными бороться не только с войсками «недовольных», но и с мародерствовавшими войсками «своих» наемных войск. В январе 1579 г. крестьяне деревень из окрестностей Алоста прогнали роту мародеров из числа французских наемников. В феврале 1579 г. крестьяне бальяжей Франк, Ваас, Аlost и других мест создали военный союз для ведения совместных военных действий против бесчинствовавших наемников из войск Генеральных штатов. Во главе отрядов самообороны стояли избранные из среды самих крестьян капитаны и полковники. Несколько рот французских, английских и шотландских наемников, пытавшихся чинить грабежи и насилие, были рассеяны этими отрядами крестьян. В бальяже Вассас крестьяне даже пригрозили местному бальяжу, что если он не возглавит их борьбы с мародерами, то они сожгут его дом³⁸. Только жестокие карательные экспедиции войск Генеральных штатов покончили с крестьянскими восстаниями. Но вместе с тем была потеряна поддержка крестьянства.

Вслед за этим наступила очередь Гента. В августе 1579 г. агенты принца в Генте начали вести настойчивую кампанию за приглашение Вильгельма Оранского в город для «урегулирования дел», запугивая бедствиями, которые могут произойти, если этого не будет сделано. Той политической сумятице, которая царил в это время в стране, агитация оранжистов оказывала воздействие на всех колеблющихся и не сочувствовавших «новшеством». Имбизе в целях пресечения агитации оранжистов опубликовал памфлет, так называемые «14 статей». В

³⁵ Mémoires anonymes..., t. III, p. 239—240

³⁶ J. M. Kervyn de Lettenhove. Relations politiques..., t. XI, p. 320.

³⁷ Mémoires anonymes..., t. IV, p. 213—214.

³⁸ Mémoires anonymes..., t. III, p. 317—319.

котором опровергал доводы оранжистской агентуры. В памфлете говорилось, что принц враждебен режиму, существующему в Генте. Он заставит возратить католическому духовенству конфискованные у него имущества, подорвет городские финансы и принудит гентцев согласиться на приглашение герцога Анжуйского. Советы принца, говорилось в памфлете, можно выслушать и в Антверпене, а опасения, что если Гент вступит в конфликт с Вильгельмом Оранским, то потеряет поддержку провинций — членов Утрехтской унии, не основательны, «поскольку приняв город Гент в свой союз вопреки воле и совету принца, союзники не оставят .. этот город, который не ищет ничего, кроме истинной веры и защиты свободы от всех тиранов»³⁹.

Оранжисты ответили контрпамфлетом из пяти статей, в котором доказывалось, что принц не замышляет ничего против порядков, существующих в Генте, и с него лишь надо взять письменное обязательство не нарушать их. Внеся разброд и шатания в гентское демократическое движение, принц прибыл в Гент 18 августа 1579 г. в окружении войск и своих приверженцев, категорически отказавшись подписывать какие-либо обязательства. Созданный Имбизе магистрат был распущен и заменен оранжистским, во главе которого встал Рихове. Имбизе и его сторонники, занявшие оборонительную позицию, упустили из своих рук инициативу, позволили принцу провести реформирование городской милиции, после чего Имбизе, проявивший полную растерянность и трусость, тайно бежал из Гента к пфальцграфу Иоанну Казимиру. Разгром революционно-демократического движения в Генте по своему значению был далеко не местным событием, так как Гент выступал в роли руководителя буржуазно-демократического движения во всей Фландрии и оказывал большое влияние на ход событий в городах Брабанта, с которыми он заключил союз в 1577 г.

В 1579—1580 гг. территория, на которой происходили конфликты Генеральных штатов и оранжистов с крестьянством, включала уже и окраинные северные провинции — Дренту, Оверейссел, Хелдер и Хронин-

ген, которые в то время стали ареной военных действий между войсками революционных провинций и военными силами дворянской контрреволюции, находившимися в распоряжении Александра Фарнезе.

Мародерство солдат Генеральных штатов из отрядов Бартолда Энтеса и Киндебаха вызвало открытое крестьянское восстание, которое распространилось на значительную территорию, охватив даже отдельные католические Фрисландии с преобладающим католическим населением. Крестьяне создали стройную военную организацию. На своих знаменах они изобразили меч, рассекающий ядную скорлупу с вытекшим желтком, что должно было символизировать бедствия войны, губящей жизнь в самом ее зародыше. Главнокомандующий войсками Генеральных штатов граф Гогенлоэ, выступивший против повстанцев с отрядом в тысячу солдат, был разбит ими и лишь впоследствии, собрав большие силы, учинил кровавую расправу над восставшими крестьянами⁴⁰.

Александр Фарнезе и католические контрреволюционеры впоследствии пользовались крестьянскими восстаниями в своих интересах. Испанская агентура разжигала волнения среди доведенных до отчаяния крестьян и строила свои планы завоевания северных провинций, рассчитывая привлечь на свою сторону повстанческие крестьянские отряды. 3 марта 1580 г. статхоудер Хронингена граф Ренненберг изменил и перешел на сторону врага. Перед этим он опубликовал специальный манифест, в котором разрешал крестьянам оказывать вооруженное сопротивление солдатам Генеральных штатов. Ренненберг арестовал католических и их сторонников, приказал казнить бургомистров и предательски овладел городом⁴¹, призвав под свои знамена восставших крестьян. Последовала целая череда длительных и ожесточенных военных столкновений в ходе которых в провинциях Хронинген, Фрисландия, Оверейссел, Дрента, в Зволле и других местах стирались с лица земли десятки деревень. Испанские агенты успешно воцарили восстание крестьян и в провинции Хелдер. По сообщению статхоудера Хелдера Иоанна Нассау, «в

³⁹ J. M. Kervyn de Lettenhove. Relations politiques..., t. XI, p. 393—395.

⁴⁰ L. Meteren. Historia oder eigentliche und wahrhafftige Beschreibung aller furnehmen Kriegshandel, gedenckwürdigen Geschichten und Thaten, S. 288.

⁴¹ J. F. Le Petit. La grande chronique..., t. II, p. 394—399.

дерские крестьяне объединились в многотысячный отряд «и день ото дня все больше и больше подстрекались врагом к мятежу»⁴².

Оценивая роль крестьянства в буржуазных революциях, В. И. Ленин подчеркивал, что оно может стать сторонником не только буржуазной, но и демократической революции, «...если только просвещающий его ход революционных событий не оборвется слишком рано предательством буржуазии»...⁴³. События 1578—1580 гг. в Нидерландах подтверждают это общетеоретическое положение. Пренебрежение нидерландской буржуазии к насущным требованиям крестьянства толкало последних в объятия враждебной ему дворянской контрреволюции.

Исчерпав возможности сговора с дворянской контрреволюцией и Филиппом II во время происходившей в 1579 г. в Кельне мирной конференции, подорвав социальную базу революционного и освободительного движения кровавыми расправами с крестьянскими и плебейскими восстаниями, оранжисты создали видимость безвыходности из создавшегося в стране положения.

Ссылаясь на трудности, созданные ими самими, оранжисты вели усиленные поиски иноземной помощи, причем теперь уже открыто ставился вопрос о необходимости смены суверена. Ответом на это со стороны Филиппа II было опубликование 15 июня 1580 г. специального манифеста, в котором принц Оранский объявлялся вне закона, как злейший изменник и государственный преступник, а за выдачу или убийство его назначалось вознаграждение в сумме 25 тысяч золотых эку.

Теперь принцу были отрезаны все пути к примирению, а вопрос о смене суверена встал в плоскость практического решения. Вокруг этого события разыгралась напряженная борьба как внутри страны, так и на международной арене. После длительных дебатов в Генеральных штатах принцу Оранскому удалось настоять на том, чтобы в качестве нового суверена призвать того же герцога Анжуйского⁴⁴, переговоры о браке которого с английской

⁴² G. Groen van Prinsterer. Archives ou correspondance inédite de la maison d'Orange-Nassau, I série, t. VII, № 974

⁴³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 9, стр. 79.

⁴⁴ Единства мнений по вопросу передачи суверенитета над страной в руки герцога Анжуйского не было даже в среде самой оранжи-

ролевой Елизаветой оживленно велись в это время в Париже и в Лондоне.

Замыслы принца Оранского относительно замены Филиппа II новым сувереном получили известную поддержку и в северных, и в южных провинциях. Правящая феодальная олигархия северных провинций, к этому времени уже прочно закрепившаяся в штатах и городских магистратах, средневековое бюргерство, особенно сильное в южных провинциях, консервативные слои крупной буржуазии вполне обоснованно опасались, что при отсутствии государя, действительно управляющего страной, народные массы сами себя объявят сувереном. Представители революционной демократии еще в 1576 г. на ордрехтской ассамблее Генеральных штатов северных провинций сделали на этот счет совершенно недвусмысленное заявление по адресу купеческой олигархии. За отсутствием законного государя, — заявили они, — суверенитет принадлежит народу, а не вам, господа, ибо вы являетесь не кем иным, как слугами, должностными лицами и депутатами указанного народа. Вы обладаете всеми вашими полномочиями и инструкциями ограниченно не только во времени, но также и относительно дел, которые вы обсуждаете, что является условиями настолько удаленными от суверенитета..., насколько небо удалено от земли»⁴⁵.

Поэтому, хотя и были колебания в вопросе о низложении Филиппа II, однако боязнь вооруженных революционных масс, отстаивавших идею народного суверенитета, перевешивала в сознании указанных выше социальных слоев все прочие соображения.

Сломить идею народного суверенитета, стремление к которой принадлежало и здравомыслящие ее приверженцы с недоверием относились к герцогу, видели в нем нечистоплотного и бесчестного политикана и полагали, что при правильной постановке дела восставшие провинции способны собственными силами победоносно завершить войну с Испанией. Не кто иной, как родной брат Вильгельма Оранского — Иоанн Нассау, занимавший пост статгouverнера провинции Хелдер, в своих письменных заметках резко высказывался против приглашения герцога Анжуйского и утверждал, что провинции, «слава богу, имеют достаточные силы» для победы над врагом. См. G. Groen van Prinsterer. Archives ou correspondance inédite..., t. VII, № 939a.

⁴⁵ J. M. Kerwyn de Lettenhove. Les huguenots et les gueux, t. IV, p. 44—45.

народоправству и обеспечить избрание герцога Анжуйского в качестве нового государя Нидерландов невозможно было без предварительного разгрома революционного, демократического движения в южных провинциях и без подрыва политического влияния народных стрелков, гильдий и кальвинистских консисторий — в северных. Расправа с крестьянским движением и разгром демократического движения в Гелте были первыми шагами операции в этом направлении. При описании «гелтской операции» принца Оранского, Марке, подчеркивая важность оценки Шлоссера, следующим образом формулирует значение этого события: «[Все это были приготовления для приема д' Анжу]»⁴⁶.

Следующий удар был нанесен по стрелковым гильдиям и кальвинистским консисториям в северных провинциях, которым в 1581 г. специальным эдиктом было запрещено вмешиваться в решение общегосударственных и городских дел. Развязав таким образом себе руки, правящая олигархия северных провинций и Генеральные штаты в Антверпене приняли решение о призыве герцога Анжуйского, с которым в конце 1580 г. был заключен в Плесси ле Туре (во Франции) специальный договор.

Не доверяя ни герцогу Анжуйскому, ни принцу Оранскому, штаты Голландии, Зеландии и Утрехта в июле 1581 г. принесли присягу принцу Оранскому как своему статхоудеру, но обставили это такими оговорками и условиями, что позднее, характеризуя их, Мориц Нассауский утверждал, что «он охотнее спрыгнул бы с самой высокой башни Гааги, чем принял бы суверенитет на условиях, которые были поставлены его отцу»⁴⁷. Что касается герцога Анжуйского, то три северные провинции согласились на его приглашение постельку, поскольку оно не затрагивало их религии⁴⁸.

Лишь после проведения всей суммы этих мероприятий 26 июля 1581 г. был, наконец, опубликован эдикт об

⁴⁶ «Архив Маркса и Эшельса». Госполитиздат, 1946, т. VIII, стр. 8.

⁴⁷ K. Wenzelburger. Geschichte der Niederlande. Gottha. 1886, Bd. II, S. 520. Мориц Нассауский — сын Вильгельма Оранского, статхоудер Голландии и Зеландии в 1585—1625 г.

⁴⁸ J. M. Kervyn de Lettenhove. Les huguenots et les gueux, t. V, p. 530.

специальном изложении Филиппа II и поколено с идеей его суверенитета, которая до сих пор постоянно поддерживалась.

Сложная и запутанная дипломатическая борьба вокруг вопроса о предоставлении суверенитета над Нидерландами герцогу Анжуйскому завязалась и на международной арене. В нее оказались вовлеченными все три крупнейшие западноевропейские феодально-абсолютистские державы — Испания, Англия и Франция. Победительницей вышла английская дипломатия. Используя в качестве приманки заключение брака между герцогом Анжуйским и королевой Елизаветой и обещая герцогу крупные субсидии для оплаты его «нидерландской экспедиции», английское правительство сумело превратить его неразборчивого авантюриста, одержимого навязчивой идеей «добыть себе государство», в слепое орудие английской политики в Нидерландах.

После длительных и очень сложных дипломатических переговоров, ведшихся на протяжении 1579—1581 гг., был заключен англо-французский военный союз, направленный против Испании, а герцогу Анжуйскому Англия гарантировала финансирование его военных операций в Нидерландах, начало которым было положено еще в 1579 г. взятием Камбре и Бушена французскими войсками.

19 февраля 1582 г., после завершения переговоров Елизаветой, герцог Анжуйский прибыл из Англии в Антверпен, где он был провозглашен герцогом Брабантским. Вторично, благодаря интригам принца Оранского, ему вероломному авантюристу и сопровождающим его разземным полчищам был открыт доступ на нидерландскую землю. Вильгельм Оранский делал это не из бескорыстных соображений. Герцог Анжуйский еще в 1580 г. сказал принцу Оранскому: «Я вас уверяю, что вы всегда будете иметь долю в том успехе, которым я буду пользоваться»⁴⁹.

Герцогу Анжуйскому, однако, и на этот раз не суждено было стяжать славу в Нидерландах. Ипоземные дипломаты, принц Оранский и герцог Анжуйский, разрабатывая свои планы, не принимали в расчет мнение нидерланд-

⁴⁹ J. M. Kervyn de Lettenhove. Les huguenots et les gueux, t. V, p. 531.

ского народа, самоотверженно поднявшегося на освободительную и революционную борьбу. Им казалось, что проведя те меры по подавлению демократии, о которых говорилось выше, они уже задушили революционную инициативу и самодеятельность народных масс.

Кальвинистские консистории и городской плебс встретили герцога Анжуйского с недоверием и ненавистью. Все крупные города Фландрии и Брабанта — Гент, Ипр, Брюгге, Антверпен и другие отказались впустить в свои стены французские войска. Покровительство герцога католикам, его крупные военные неудачи в борьбе с Александром Фарнезе и мародерство французских наемников еще больше усилили народную ненависть к новым поработителям. Международная обстановка также изменилась в ущерб интересам герцога. Втянув Францию в вооруженный конфликт с Испанией, Англия сочла свою миссию выполненной. Подливая масла в огонь войны, разбушевавшейся с новой силой в Нидерландах, английское правительство одновременно прекратило снабжать деньгами герцога Анжуйского, который, по образному выражению фаворита Елизаветы графа Лейстера, остался в Нидерландах «подобно барже, севшей на мель... и неспособной сдаться с подводной песчаной косы»⁵⁰. Герцог потерял политический кредит даже в тех кругах населения, которые способствовали его призыванию в страну. Все его презирали, писал хронист Лепти, «не только из-за больших расходов, которые они вынуждены были делать, но также по причине обманутых надежд, которые они на него возлагали»⁵¹. В Антверпене над герцогом открыто насмехались на улицах и за ним утвердилась презрительная кличка «аббата монастыря св. Михаила», в которой содержался намек на то, что за пределами этого аббатства, являвшегося резиденцией герцогского двора, он не обладал никакой реальной властью.

Озлобленный, видевший крах своих честолюбивых замыслов, герцог поддался уговорам своих наиболее авантюристично настроенных советников. Он решил совершить государственный переворот, силой захватить ряд стратегически важных городов Фландрии и Брабанта.

⁵⁰ C. R e a d. M-r Secretary Walsingham and the policy..., v. II, p. 101.

⁵¹ J. F. Le P e t i t. La grande chronique..., t. II, p. 457.

затем либо присоединить эти провинции к Франции, либо продать их Испании, выторговав соответствующие территориальные и политические уступки с ее стороны.

16 января 1583 г. герцог начал мятеж. Взбунтовавшиеся французские гарнизоны овладели городами Дюнкерком, Диксмейде, Термондом, Вилвордом и Берг Сент-инноксом. Попытки овладеть Аlostом, Ньивпортом, стенде и Брюгге сорвались вследствие отпора со стороны вооруженного населения этих городов. Заговорщики принесли здесь первое поражение. Но самый сокрушительный удар был нанесен им в Антверпене. Слух о готовящемся заговоре проник в народ, который сразу же явился за оружие и перекрыл улицы города цепями. Поэтому 17 января, когда заговорщики приступили к действию, они встретили, вопреки своим ожиданиям, неожиданное сопротивление. Принужденные к постыдному отступлению мятежники оставили на улицах 1500 трупов, том числе было убито 400 французских дворян⁵².

Теперь со всей очевидностью обнаружилось трагические последствия оранжистской политики. Собственная политика Генеральных штатов находилась в состоянии полного развала. Мятежные иноземные войска хозяйничали на земле истерзанной Фландрии. Народные массы Фландрии и Брабанта отвернулись от принца Оранского и клеймили его как предателя и французского агента. Народное негодование и противодействие революционной уржуазии заставили принца Оранского и правящую олигархию отказаться принять «оправдания» герцога Анжуйского и предоставить ему прежние права. Тем не менее последствия «французского бешенства» в совокупности со сложившейся расстановкой классовых сил имели катастрофические последствия для судеб революции и освободительной войны во Фландрии и Брабанте.

В мае 1583 г. герцог Анжуйский покинул Нидерланды. След за ним бежал из Антверпена в Голландию, спасаясь от возмущенного народа, принц Оранский с остатками своего войска, что раньше именовалось Генеральными штатами. Тем временем Александр Фарнезе продолжал развивать достигнутые ранее военные успехи. Линии фронта уже не

⁵² P. de L'Est o i l e. Journal de Henri III Roy de France et de Navarre. La Haye, 1744, t. I, p. 384.

существовало, и испанские войска, вновь возвращенные в Нидерланды после прибытия герцога Анжуйского, начали планомерную осаду крупнейших городов Фландрии и Брабанта.

Александр Фарнезе вел военные операции, действуя как здравый и дальновидный политик. Он насаждал строгую дисциплину в войсках, жестоко карал мародеров и стремился обеспечить крестьянам условия для беспрепятственного хода полевых работ. Города он отрезал от торговых путей, лишил их возможности подвоза продовольствия, полностью подорвал их экономику и, подвергая голодной блокаде, поочередно склонял к капитуляции, предлагая мягкие условия. Проводя подобную тактику, Александр Фарнезе забивал глубокий клин между умеренными и революционными слоями городского населения, а крестьян, которых разоряли набеги фуражировочных отрядов из осажденных городов, привлекал на свою сторону.

Военное наступление испанцев сопровождалось изменой и предательством дворян, занимавших командные должности и высшие административные посты. Бальяж Ваас был предательски сдан испанцам самим балы ван Стеландом. Принц Шимэ, статхоудер Фландрии, опираясь на помощь католических реакционеров внутри Брюгге, арестовал магистрат и подписал 22 мая 1584 г. с Александром Фарнезе договор о капитуляции города. Скрытые реакционеры и испанские агенты, ранее прикидывавшиеся патриотами, теперь повсюду сеяли смуту, пораженческие настроения и измену.

1584—1585 годы ознаменовались титанической битвой трех главных городов, бывших оплотом революции и войны за независимость на юге Нидерландов — Гента, Брюсселя и Антверпена — с объединенными силами испанцев и внутренней контрреволюции. В Генте снова получили преобладание крайние элементы революционной демократии. В город возвратились Имбизе и Петр Датенус. Но в лице Имбизе Гент получил не честного вождя, а тайного агента испанцев, продавшегося Филиппу II в бытность свою при дворе Иоанна Казимира. Появившись в Генте, Имбизе под видом расправы со сторонниками герцога Анжуйского и Рихове принялся истреблять честных патриотов и убежденных кальвинистов, выпустил из тюрь-

и дворянских контрреволюционеров и через них завязал переговоры с Александром Фарнезе. Бдительность революционного магистрата Гента сорвала предательские планы Имбизе. Изменник был разоблачен и казнен в августе 1584 г. На посту бургомистра Гента его сменил Ян Утенхове, который примыкал в период иконоборческого восстания к анабаптистам. Но это не спасло Гент от общей участи — 17 сентября того же года город капитулировал. В марте 1585 г. после ожесточенной социальной борьбы внутри города пал Брюссель.

После этого несколько месяцев продолжалась героическая оборона Антверпена, под стенами которого разгорелось одно из величайших сражений времен нидерландской революции. Как и в других городах, это было не только столкновение армий, сколько борьба классов, в ней антверпенская торговая буржуазия и бюргеры проявили много узкого, своекорыстного эгоизма, мало гражданского мужества и политической зрелости. Обеспечение города продовольствием было сорвано из-за торгашества и бездеятельности магистрата, в котором вобладала оранжисты. Богатый цех мясников воспрепятствовал затоплению пригородных лугов, использованных для выпаса скота. Сорван был также набор войск из городского плебса. Поэтому город оборонялся в основном силами иноземных наемных солдат и городской милиции, оставшейся под контролем реакционной цеховой дружки. Ф. Марникс, возглавлявший оборону города, проявил ни военного, ни административного таланта в конце концов сам занял капитулянтскую позицию. В этих условиях героические подвиги вооруженных горожан и отдельных талантливых военачальников не могли спасти положение, и 17 августа 1585 г. Антверпен капитулировал. В падении Антверпена была повинна и правящая купеческая олигархия Голландии и Зеландии, которая практически ничем не помогла осажденному городу, видя в нем не оплот революции на юге, а лишь опасного торгового конкурента. С падением Антверпена дело революции и войны за независимость в южных провинциях Нидерландов было безнадежно проиграно.

Таковы были результаты оранжистской политики. Главная деятельность принца Оранского по подавлению революционно-демократического движения в городах

Фландрии и Брабанта и его роль в приглашении в Нидерланды герцога Анжуйского, Маркс писал: «[Хороша государственная мудрость! Он же должен был знать, что такой этот Анжу! Эта его мудрость снова бросила Восточную и Западную Фландрию в пасть католикам и аристократам-вельможам. Их можно было сдерживать только «демагогией!» (!) их городов!)]»⁵³.

Почему же пагубность оранжистской политики рельефнее всего обнаружилась в южных провинциях и осуществление ее сопровождалось столь тяжелыми последствиями? Ответ на этот вопрос следует искать в особенностях экономической структуры Фландрии и Брабанта, о которых говорилось ранее, и в связанном с ними своеобразии расстановки классовых сил.

Зависимость фландрских и брабантских мануфактур от испанского сырья и от испанских рынков сбыта подорвала их экономику после разрыва с Филиппом II. Военные действия довершили экономическое опустошение этих провинций. Закрывались мануфактуры, разорялись и нищали ремесленники. Наиболее предприимчивые и радикальные слои буржуазии Фландрии и Брабанта эмигрировали в Англию или в северные провинции, увозя с собой капиталы и секреты производства. За ними последовали тысячи квалифицированных рабочих и ремесленников. Города постепенно безлюдели и хирели. Плебейские и мелкобуржуазные массы городского населения были дезориентированы изменой своих руководителей, а их политическая активность подавлялась репрессиями властей. В глазах крестьян еще раньше была дискредитирована политика Генеральных штатов и оранжистов, которые потопили в крови их борьбу за уничтожение феодальной эксплуатации. Приглашение иноземных авантюристов вроде герцога Анжуйского и их враждебная деятельность скомпрометировали в глазах народных масс идею борьбы за независимость.

В политической жизни Фландрии и Брабанта все большее значение стали приобретать консервативные слои торговой буржуазии, реакционные цеховые мастера и феодальное дворянство, связанные своими экономическими и политическими интересами со средневековьем и Испа-

ней. В сложившейся обстановке политика оранжистов, направленная не на углубление революции, а на сохранение союза с феодальным дворянством, консервативными реакционными слоями буржуазии, бюргерства и патриархата, способствовала укреплению феодально-католической реакции, вызывала особенно сильные колебания уржуазного руководства, и без того ослабленного массовой эмиграцией.

Поскольку эта политическая борьба проходила в условиях непрерывно усиливавшегося военного натиска спанцев, силы внутренней реакции получали мощную поддержку извне, что и привело к поражению буржуазной революции и освободительной войны сначала в валлонских провинциях, а затем во Фландрии и Брабанте.

⁵³ «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, стр. 8.

Глава 5

ИСПАНСКИЕ НИДЕРЛАНДЫ (БЕЛЬГИЯ) И РЕСПУБЛИКА СОЕДИНЕННЫХ ПРОВИНЦИЙ ДО ПЕРЕМИРИЯ 1609 ГОДА

После падения Антверпена Нидерланды, казалось, возвратились к положению, создавшемуся в конце 1572 г. Территория, на которой продолжал существовать политический режим, порожденный революцией и войной за независимость, ограничивалась пределами Голландии, Зеландии, Утрехта и примыкающих к ним районов Фрисландии, Хелдера, Оверейссела, Хронингена и Дренты. Они составили ядро республики Соединенных провинций. Однако значительная часть территории пяти последних из перечисленных провинций вновь оказалась захваченной испанцами.

Александр Фарнезе, опираясь на захваченные им важные стратегические позиции, стремился развивать достигнутые успехи на всех направлениях. Наиболее важные военные операции велись во Фландрии и Брабанте, где шла ликвидация отдельных опорных пунктов, сохранившихся в руках революционных гарнизонов, и на северных рубежах. В это время главной целью Александра Фарнезе было прорвать систему оборонительных сооружений, созданных Соединенными провинциями, и, выйдя на оперативный простор, развернуть решающее наступление.

Планы эти, тем не менее, Александру Фарнезе выполнить не удалось. Вступление на престол во Франции Генриха IV повлекло за собой значительные изменения в международной обстановке. Филипп II, для которого Нидер-

ланды были одной из карт в проводившейся им сложной политической игре, сосредоточил в это время все свои силы на борьбе с Англией и Францией. Поэтому в решающий момент основные военно-морские силы Испании — так называемая «Непобедимая армада» — были брошены на проведение авантюристической десантной операции против Англии, а ударные войсковые части Александра Фарнезе дважды — в 1590 и 1591 г. — снимались с самых ответственных участков нидерландского фронта для ведения военных действий против армии Генриха IV во Франции.

Ни в одной из этих кампаний испанское оружие не стяжало лавров. «Непобедимая армада» в сражениях с английским и голландским флотом потерпела сокрушительное поражение. Вмешательство Испании в дела Франции лишь подняло авторитет Генриха IV как «национального монарха», и, укрепившись на престоле, он стал важным внешним союзником революционных провинций. В то же время войска северян успешно использовали временное ослабление испанского нажима, отвоевав ряд важных стратегических пунктов, что позволило им от обороны перейти к наступательным операциям.

Неудачи испанцев в борьбе с республикой Соединенных провинций были вызваны не только описанными выше международными событиями, но и той обстановкой, которая сложилась в примирившихся с Испанией южных провинциях. Их экономический упадок, ежедневно усиливавшийся опустошениями, вызванными войной и малодерством наемных войск, сопровождался политической анархией, справиться с которой Александр Фарнезе, поглощенный военными заботами, был не в состоянии. Положение осложнилось еще больше после его скоропостижной смерти 2 декабря 1592 г. Последовал шестилетний период, в течение которого один временщик на посту заместника сменял другого, что менее всего способствовало порядку жизни политической жизни южных провинций. Положение стало настолько серьезным, что даже Филипп II, при всей его медлительности, счел, что дальше откладывать решение вопроса о политическом устройстве примирившихся с Испанией провинций больше нельзя.

В Мадриде было признано целесообразным придать управлению южными провинциями хотя бы видимость

суверенитета. Это не только облегчило бы Испании маневрирование на международном арене, но и ободрило бы консервативные слои населения Соединенных провинций, которые отвергали примирение с Испанией, но могли положительно реагировать на предложения о «восстановлении единства страны», исходящие от «национального правительства».

Согласно намеченному плану, «суверенитет» над южными провинциями в 1598 г. был передан эрцгерцогу Альберту¹, который вступил в брак с дочерью Филиппа II Изабеллой. Чтб представлял собой этот «суверенитет», видно из официальных и неофициальных статей инструкции Филиппа II, врученной эрцгерцогу Альберту. Он и его жена должны были дать специальное торжественное обязательство свято чтить католическую веру, беспощадно преследовать еретиков, подчиняться всем требованиям, исходящим из Мадрида, сохранять за испанцами Антверпен, Гент, Камбре и несколько других укрепленных городов меньшего размера и т. п. В инструкциях было также оговорено, что в случае отсутствия законного наследника управление Нидерландами снова перейдет в руки испанской короны.

Эрцгерцог Альберт, воспитанник иезуитов и рьяный католик, оказался послушным инструментом испанской политики. Единственно на чем он настаивал — это на соблюдении внешнего декорума, ради чего при брюссельском дворе был введен пышный и чопорный церемониал, создававший видимость настоящей королевской резиденции.

Дворянство, патрициат и бюргерская верхушка южных провинций строили иллюзии относительно того, что с прибытием эрцгерцогской четы будет полностью восстановлено «бургундское политическое устройство», т. е. режим сословной монархии. Однако эти иллюзии просуществовали недолго. Генеральным штатам, собравшимся в августе 1598 г., на их вопросы об условиях передачи управления страной эрцгерцогу Альберту, о порядке восстановления вольностей и привилегий и в ответ на попытку проявить инициативу в налаживании переговоров с ре-

¹ Эрцгерцог Альберт Габсбургский был сыном германского императора Максимилиана II и племянником Филиппа II.

гионными провинциями было весьма резко указано «нелепость их притязаний». После ассамблеи 1600 г., которой правительство под большим давлением доби-сь утверждения ассигнований на военные и государственные нужды, о Генеральных штатах «забыли» и не зывали их затем в течение 32 лет. Расположение дворян правящих городских олигархий было приобретено правительством иным путем: первым щедро раздавали денежные и почетные синекуры в правительственном аппарате армии, вторым было предоставлено полное право решать городские дела по своему произволу, а также возможность безгранично притеснять городскую бедноту. и эти уступки были получены правящими сословиями смирившихся с Испанией провинций лишь потому, что волюция и борьба за независимость оставили такое наде, которое невозможно было полностью ликвидировать.

Засилие феодально-католической реакции в политической жизни испанских Нидерландов оказало обратное действие и на их экономику. Даже в разгар классовых в 70—80-х годов в южных провинциях наблюдалось рождение самых грубых и уродливых форм цеховой ключительности. Цех шляпников Брюсселя в 1576 г. тался отстоять свое существование восстановлением чкая изготовлять шедевр (образцовое изделие). Мера не помогла, и в декабре 1582 г. брюссельские шляпники нуждены были пойти на слияние с цехом сукновалов². Антверпене, этой цитадели капитализма южных провинций, городской статут 1580 г. рассматривал каждого огороднего как «иностранца», лишая его права записываться ремеслом и торговлей. Реакционная цеховая верхушка в это время добилась отмены реформы цехов, проведенной правительством Карла V в 1541—1549 гг., согласно которой каждый житель Антверпена получал право гупать в любой избранный им цех³. Реставрация цеховой и местнической исключительности получила новый чок в XVII в. В 1620 г. в Антверпене был создан цех

² G. Des Marez. L'organisation du travail..., p. 96, 104.

³ E. Coornaert. La genèse du système capitaliste: grand capitalisme et économie traditionnelle à Anvers au XVIe siècle. «Annales d'histoire économique et sociale». Paris, 1936, № 38, p. 136—137.

медников, устав которого — образец средневековой цеховой исключительности.

Правительство всемерно поддерживало такое направление развития, вернее регресса, экономической жизни усиленно вводя со своей стороны нелепые и стеснительные регламентации всякого рода. Например, один из ординансов запретил крахмаление и отбелку известью хлопчатобумажных тканей, что нанесло большой ущерб конкурентной способности всей этой отрасли текстильной промышленности, особенно на внешних рынках ⁴.

Капиталистические мануфактуры пришли в полный упадок. Особенно рельефно это видно на примере шерстокачковой мануфактуры Хондсхота, переживавшей такой блестящий расцвет в первой половине XVI в. Разгром города, начатый войсками герцога Анжуйского в 1582 г., был довершен цеховыми сукноделами Ипра, которые видели в развитии хондсхотского сукноделия причину своего разорения ⁵. Почти все население Хондсхота разбежалось, и даже городской магистрат из-за отсутствия подходящего помещения в течение почти двух лет находился в соседнем городе Ньивпорте. В последующие десятилетия шерстоткачество в Хондсхоте получило некоторое развитие, но вскоре вновь пришло в полный упадок, задушенное жестокими регламентациями и конкуренцией капиталистических шерстоткачских мануфактур г. Лейдена, который вступил в полосу нового экономического подъема после победы революции и войны за независимость в республике Соединенных провинций.

Возврат к цеховой исключительности, как и следовало ожидать, не принес благосостояния торгово-промышленным городам Фландрии и Брабанта. В конце XVI в. в окрестностях Гента, Ипра и Брюгге, заселенных ранее искусными мастерами, бродили голодные волки, а в самих городах царил такой голод, что даже богатые их жители испытывали тяжелые лишения ⁶. Многие красивые и оживленные прежде города превратились в безлюдные руины. Количество населения самых крупных городов также резко

⁴ L. Dechesne. Histoire économique et sociale de la Belgique. Paris—Liège, 1932, p. 242.

⁵ Там же, стр. 156.

⁶ Meteranus Novus. Das ist: Warhaftige Beschreibung aller denckwürdigsten Geschichten..., Amsterdam, 1633, S. 297.

сократилось. По имеющимся приблизительным подсчетам Граммоне к концу XVI в. осталась одна четверть домов — одна шестая населения; в Антверпене население со 149 81 человек в 1568 г. сократилось к 1660 г. до 53 918; Генте, насчитывавшем в 1547 г. 90 тысяч жителей, в 1660 г. проживало лишь 56 тысяч ⁷.

После завоевания Антверпена испанцами республика объединенных провинций блокировала устье р. Шельды, полностью задушив его морскую торговлю — основу процветания города. Товарная биржа — гордость Антверпена — закрылась и была превращена в городскую библиотеку. Замерла также жизнь прославленной антверпенской фондовой биржи и иностранных банкирских контор. На денежном рынке Антверпена теперь обращались лишь местные капиталы и велись только вексельные операции с Мадридом ⁸.

Передавая бельгийские провинции под «суверенитет» герцога Альберта, Филипп II лишил их права торговли с испанскими колониями, которая была объявлена осударственной монополией. Позднее испанский абсолютизм «облагодетельствовал» бельгийские провинции стинно восточным таможенным тарифом, согласно которому вводились высокие пошлины на вывозные товары местного производства и пониженные ввозные — на английские товары ⁹.

Реакционные цеховые мастера, бюргеры и патрициат бельгийских провинций ценой предательства национальных интересов страны спасли остатки своих средневековых вольностей и привилегий, свое господствующее положение в городских магистратах. Но результатом этого было превращение прежде цветущих торгово-промышленных районов Фландрии и Брабанта в аграрное захолустье — сохранение уродливой и выродившейся цеховой системы вплоть до конца XVII столетия. Прогрессивное капиталистическое развитие продолжалось лишь в церковной Льежской области ¹⁰.

⁷ M. Heins. Les étapes de l'histoire sociale de la Belgique. Bruxelles, 1895, p. 190—191.

⁸ L. Dechesne. Histoire économique..., p. 200.

⁹ Там же, стр. 201, 236.

¹⁰ Положение Льежской церковной области в составе Бельгии регулировалось особыми договорами. В делах внутреннего управ-

За политическую недалекость и прокоролевские иллюзии поплатилось и крестьянство бельгийских провинций. В 1602 г. оно получило в награду за свою «лояльность» свирепый закон о недоимках, устанавливавший жестокую карательную систему за несвоевременную уплату повинностей¹¹. Крестьяне же Геннегау получили кутюму¹² 1619 года, сохранившую вплоть до конца XVIII в.¹³ статут крепостного серва. До вторжения французских революционных армий в конце XVIII в. просуществовал серваж и в Люксембурге, с территории которого началось «отвоевание» бельгийских провинций испанцами.

Если в южных провинциях испанский абсолютизм нашел классовую опору для осуществления своей политики, то революционные Соединенные провинции не дали обмануть себя мишурным блеском «суверенного» государства эрцгерцога Альберта, которое было всего навсего плохо замаскированным испанским протекторатом. На предложение о мирных переговорах они ответили презрительным молчанием и с удесятеренной энергией повели войну против испанского деспотизма.

С воцарения эрцгерцога Альберта исторические и национальные судьбы южных и северных провинций окончательно разошлись. Первым в течение двух веков еще было суждено оставаться бесправным придатком сначала испанской монархии, а затем австрийской державы, прежде чем они превратились в суверенное бельгийское государство; вторые, мужая и укрепляясь в огне сражений, развились в буржуазную республику Соединенных провинций.

Голландская крупная торговая буржуазия, игравшая первую скрипку в далеко еще не стройном ансамбле Со-

единения она пользовалась широкой автономией, и распоряжения испанского правительства не имели силы на ее территории. Это обстоятельство в совокупности с весьма либеральным местным экономическим законодательством предоставляли довольно широкие возможности для буржуазного предпринимательства. Поэтому в Льежской области в XVII в. значительного развития достигли шерсто-ткацкие мануфактуры, горные промыслы и металлургия.

¹¹ V. V r a n t s. Essai historique sur la condition des classes rurales en Belgique jusqu'à la fin du XVIII-e siècle. Louvain, 1880, p. 162.

¹² Кутюма — писанный свод обычного местного права.

¹³ L. V e r r i e s t. Le servage dans le comté de Hainaut. Bruxelles, 1910, p. 118—119.

единенных провинций, успешно использовала передышку 176—1584 гг. для укрепления своих экономических политических позиций. Как мы уже видели, она сумела это время ущемить «теократические стремления» религиозной буржуазии, группировавшейся вокруг кальвинистских консисторий, и подавить «демагогию» городских стрелковых гильдий. Эгоистическая, жадная и космополитическая купеческая олигархия хотя и решила твердо не допускать возвращения прежних порядков и восстановления испанской тирании, не желала тем не менее делить своего политического господства даже с другими прослойками своего собственного класса. Такая политика, хотя и на несколько иной манер, толкала правящую купеческую олигархию на тот же самый путь походов иноземной «помощи», которые уже привели южные провинции к утрате независимости. Поэтому политика принца Оранского, обанкротившаяся на юге, получала новую опору в лице голландской купеческой олигархии. Бежав на север, принц сумел побудить Генеральные штаты, под которыми теперь уже следует понимать лишь штаты северных провинций, возобновить переговоры герцогом Анжуйским. В мае 1584 г. дело зашло уже так далеко, что герцог разослал губернаторам французских провинций обращения с просьбой не препятствовать передвижению его войск, следующих в Нидерланды¹⁴. Польство, направленное к герцогу Генеральными штатами, уже не застало в живых этого мятежного и неразборчивого в средствах авантюриста.

Месяц спустя, 10 июля 1584 г., пал от руки католического фанатика Балтазара Жерара сообщник герцога в его предприятиях — Вильгельм Оранский. Бельгийский тортик новейшего времени А. Пирени совершенно прав, когда он пишет: «По существу Балтазар Жерар совершил всем ненужное преступление, ибо Вильгельм, которого испанцы упорно продолжали считать вождем восстания, фактически больше не руководил им... Призыв герцога Анжуйского был последней попыткой... но оказался для него лишь последним ударом»¹⁵.

¹⁴ L. G. d e N e v e r. Mémoires, t. I. Paris, 1665, p. 158—160.

¹⁵ А. П и р е н и. Нидерландская революция, стр. 293. У А. Пирени герцог Анжуйский именуется герцогом Алансонским, по его первоначальному титулу, который он носил до 1576 г.

Несмотря на то, что два этих наиболее последовательных поборника политики иностранного вмешательства в дела Нидерландов уже лежали в могиле, тактика голландской купеческой олигархии оставалась прежней. Поэтому тлетворный дух ориентации на иноземную интервенцию продолжал отравлять политическую атмосферу Соединенных провинций.

Снова потянулась длительная полоса переговоров с Генрихом III и Елизаветой. Оба венценосца лавировали и затягивали переговоры главным образом для того, чтобы помешать своему сопернику извлечь выгоду из создавшегося положения.

Внутри самих Соединенных провинций не было единства мнений по вопросу о выборе нового суверена. Зеландия тяготела к Англии, Голландия склонялась к французам. Революционная буржуазия считала английский вариант меньшим злом, но за лучшее полагала вообще покончить с опасной интервенционистской политикой и, поддерживая равноправные внешнеполитические союзы, опираться в борьбе с Испанией прежде всего на свои собственные силы. Эта позиция очень определенно была выражена в обращении г. Гауды к Генеральным штатам, в котором подчеркивалось, что борьба собственными средствами хотя и наиболее трудный, но зато единственно верный путь сохранения национальной независимости¹⁶.

Пока в Генеральных штатах шли эти споры, стало известно, что Генрих III категорически отклонил сделанное ему предложение принять суверенитет над Соединенными провинциями, и английская ориентация возобладала. Поворот в сторону «энергичной политики» в отношении Соединенных провинций определился и в самой Англии. Испанская угроза все более ощутимо нависла над островным королевством. Это дало перевес «кальвинистской» придворной партии, возглавлявшейся государственным секретарем Уолсингемом и фаворитом Елизаветы графом Лейстером. Оба они давно настаивали на открытой военной интервенции в Нидерланды, надеясь таким путем превратить Голландию и Зеландию в свое-

¹⁶ J. W a g e n a a r. Allgemeine Geschichte..., Т. III, S. 481—484.

образное континентальное предполье английской оборонительной системы.

В августе 1585 г. состоялось подписание договора о военном и политическом союзе между Англией и Соединенными провинциями. Англия обязывалась дать республике 10 тысяч и 4,5 тысяч солдат под командованием губернатора, которому предоставлялась полнота военной власти в местах расположения его войск. В состав Государственного совета Соединенных провинций включались два английских советника. Обе стороны взаимно обязывались не вести сепаратных переговоров с испанцами. Англии, под именем гарантии, до выплаты Генеральными штатами предоставляемого им займа отдавались порты Брил и Флиссинген, являвшиеся колыбелью революции. Голландия принуждалась также к проведению денежной реформы, от которой выгоды получало английское купечество. Пост губернатора и командующего английскими войсками в январе 1586 г. занял граф Лейстер¹⁷.

Не говоря уже о политической вредности всей этой сомнительной затее в целом, голландская буржуазия, пригласив графа Лейстера, допускала двойной просчет. По своим личным качествам, политическим и военным способностям новый претендент в суверены представлял собой весьма мелкую фигуру. Это был типичный придворный интриган, привыкший достигать своих целей путем различных махинаций самого грязного свойства. Что же касается политического заказа, полученного им от своей партии, то этот заказ предусматривал обеспечение английских торговых выгод в Соединенных провинциях, не считаясь с интересами национальной буржуазии последних. Главным же образом английское правительство, посылая Лейстера, заботилось о военно-политической безопасности Британии и в любой момент было готово, не задумываясь, принести Нидерланды в жертву этим соображениям. Поэтому проницательный политик Александр Фарнез с самого начала предсказал графу Лейстеру судьбу герцога Анжуйского.

Голландская буржуазия все же не слепо доверяла графу Лейстеру, и накануне его приезда осуществила избрание

¹⁷ Meteranus Novus. Das ist: Warchafftige Beschreibung..., S. 263, 266—267.

сына Вильгельма Оранского, Морица Нассауского, стат-хоудером Голландии и Зеландии. Однако, подстрекаемые желанием как можно дальше втянуть Англию на путь открытой войны с Испанией, Генеральные штаты, в нарушение только что заключенного договора, предоставили графу Лейстеру права фактического суверена страны. Узнав об этом, Елизавета пришла в бешенство. В своем письме графу Лейстеру она писала: «Нам никогда даже не приходила в голову мысль, чтобы человек, которого мы подняли из праха и которому покровительствовали больше, чем другим, мог так презренно нарушить наши приказания»¹⁸. Но отступить было поздно, и Елизавета вынуждена была удовольствоваться извинениями и лести-выми заверениями Генеральных штатов.

29 октября 1585 г. графу Лейстеру официально были переданы Брил и Флиссинген, после чего он вступил в исполнение своих обязанностей. Видя настороженное отношение к себе со стороны правящей купеческой олигархии, граф Лейстер решил искать себе опору в лице буржуазно-демократических элементов и консисторий, явно разыгрывая роль народного трибуна. Тактика оранжизма давала ему в этом отношении уже готовые и проверенные методы.

Первые же законодательные мероприятия графа Лейстера преследовали тройную цель: выполнить задание своей партии, создать себе авторитет в глазах народных масс и консисторий и показать правящей олигархии свою силу. Закон от 14 апреля 1586 г. запрещал Соединенным провинциям торговлю с Испанией и «ее союзниками», к числу которых были отнесены... Франция и Северная Германия. Тем самым исконные нидерландские рынки отдавались в руки английских купцов и мануфактуристов. В порядке контроля за исполнением закона от 14 апреля государственным финансовым чиновникам было предписано проверять бухгалтерские книги голландских купцов, невзирая на коммерческую тайну. Вслед за тем была ликвидирована откупная система сбора налогов и создана специальная налоговая камера — счетная палата

¹⁸ J. Le Clerc. Histoire des provinces unies des Pays-Bas. t. I. Amsterdam, 1737, p. 125.

оставленная под начало темного дельца Жана Рейнда.

Купечество Соединенных провинций ответило бурей протеста и открытым саботажем закона от 14 апреля. Часть ушцов даже переселилась в немецкие города, чтобы избежать подчинения распоряжениям графа Лейстера. Закон пришлось вскоре отменить, но демагогический эффект был достигнут, и в глазах обманутых народных масс, политическая инициатива которых подавлялась правящей олигархией, граф Лейстер представлялся борцом против произвола «денежных мешков» и ярким врагом испанцев. В частности, связанными с ним оказались демократические элементы в Утрехте, возглавлявшиеся фламандским эмигрантом Гергардом Прунинком, по прозвищу Девентер¹⁹.

Симпатии консисторий и радикальных буржуазных кругов граф Лейстер приобрел порицанием политики «веотерпимости», проводившейся правящей олигархией, одчеркиванием своей приверженности к кальвинизму²⁰ демагогическим противопоставлением тезису о суверенности Генеральных штатов идеи «народного суверенитета»²¹.

Если на поприще политической интриги граф Лейстер держал несомненные успехи, то на полях сражений он не стяжал лавров победителя. Приобретя очень мало, он в июне 1586 г. сдал важный стратегический пункт Грав, после чего испанцы овладели целой цепью значительных крепостей — Венло, Нейс, Меген и др.

Генеральные штаты использовали эти неудачи для открытого нажима на графа Лейстера. От него в ультимативной форме потребовали ликвидации счетной палаты вейнгуда, роспуска незаконно созданного Тайного совета, пополнения войск до полного контингента и прекращения нарушений договора²².

Граф Лейстер, которого в это время вызвали в Англию связи с подготовкой казни католической претендентки

¹⁹ А. Конради. История революций от Нидерландского восстания до Французской революции, т. I, М.—Пг., 1924, стр. 19—120.

²⁰ G. Brandt. Histoire abrégée..., t. I, p. 309, 311.

²¹ Meteranus Novus. Das ist: Warchafftige Beschreibung..., p. 295.

²² J. F. Le Petit. La grande chronique..., t. II, p. 537—538.

на английский престол Марии Стюарт, разыгрывая оскорбленное достоинство, временно покинул Соединенные провинции. Но атмосфера после этого лишь еще более сгустилась. В отсутствие графа, вследствие измены нескольких английских командиров, испанцам был сдан еще ряд важных опорных пунктов, в числе которых были города Девертер и Хелдер. В то же время английские дипломаты завязали сепаратные переговоры с Александром Фарнезе о посредничестве Англии в деле «примирения» Соединенных провинций с Филиппом II.

Таким образом, вместо оказания помощи в войне против Испании Англия ставила Соединенные провинции перед лицом реальной опасности восстановления испанского господства.

Граф Лейстер был послан из Лондона обратно в Голландию, причем он имел твердое намерение путем военного переворота и обмана народных масс захватить власть в стране. С собой он вез секретные инструкции английского правительства, в которых ему предписывалось заключить мир с Александром Фарнезе на поставленных Филиппом II условиях²³. Такова была та цена, которой Елизавета рассчитывала откупиться от мести Филиппа II за казнь Марии Стюарт.

Исполняя эти инструкции, граф Лейстер в сентябре 1587 г. поднял мятеж, но расчеты его не оправдались. Опубликование Генеральными штатами секретных инструкций, данных графу английским правительством, лишило его сразу авторитета в глазах обманутых народных масс, и они с презрением отвернулись от него. Те несколько пунктов, где он все же получил поддержку были блокированы вооруженными силами Генеральных штатов, сделавших необходимые приготовления, и продержались недолго. Сам граф Лейстер, как и предсказывал Александр Фарнезе, подобно герцогу Анжуйскому, принужден был бесславно возвратиться восвояси в конце 1587 г.

Понадобился еще этот грозный урок, чтобы купеческая правящая олигархия поняла, наконец, всю гибельность политики ориентации на иностранную интервенцию и перешла к заключению равноправных внешнеполитических

союзов и ведению войны с Испанией собственными силами.

Примером такой новой формы союзнических отношений являлись совместные действия английского и голландского флотов против военно-морских сил Испании. После поражения католических заговоров и казни Марии Стюарт, испанское правительство решило завоевать Голландию и сделать ее придатком испанской державы. В случае успеха этого плана международная обстановка кольным образом изменилась бы в пользу Испании. Предложена была бы и участь Нидерландов. Филипп II тщательно подготавливал эту операцию. В портах Испании было собрано и вооружено свыше 130 крупных военных кораблей, на которых помещалась часть десантных войск. Дальнейшие войска предполагалось забрать в нидерландских портах — Дюнкерке, Ньивпорте и Слейсе, где они были подготовлены Александром Фарнезе.

В конце июля 1588 г. испанский флот, получивший громкое наименование «Непобедимая армада», покинул

²³ L. van der Essen, Alexandre Farnèse, t. V, p. 144

берега Испании и взял курс на Ламанш. Но план испанского командования полностью провалился. Вышедший навстречу английский флот, состоявший из быстроходных и маневренных кораблей, непрерывно наносил удары неповоротливым испанским галионам, а голландский флот блокировал порты Фландрии и сорвал посадку на испанские корабли десантных войск Александра Фарнезе. Двинувшаяся в обход Англии с севера «Непобедимая армада» попала в жестокий шторм, ее боевые порядки были разстроены, а смелые рейды английских корсаров довершили ее разгром.

Это поражение испанского флота имело решающее значение. Испания навсегда была выведена из ранга первоклассной морской державы.

Прекращение «поисков суверена» отразилось и на внутривнутриполитической жизни Соединенных провинций. На рубеже XVI—XVII вв. в них прочно установился республиканский строй. Верховная власть в стране принадлежала Генеральным штатам и Государственному совету. В Генеральных штатах, независимо от количества депутатов, каждая провинция имела один голос. Депутаты пользовались «императивным мандатом», т. е. имели полномочия голосовать лишь по тем вопросам и так, как решило Штаты той провинции, которую тот или иной депутат представлял в Генеральных штатах. Генеральные штаты решали вопросы объявления войны, заключения мира и договоров с иностранными державами, налогообложения и основного законодательства. В случае возникновения серьезных внутривнутриполитических осложнений, на обсуждение Генеральных штатов могли выноситься и связанные с ними дела. По наиболее важным вопросам требовалось единогласное решение, остальные решались простым большинством.

Государственный совет состоял из 12 член-советников, приносивших специальную присягу Генеральным штатам. В описываемый период он занимался преимущественно решением военных вопросов. Норма представительства провинций в Государственном совете определялась в зависимости от квоты налогообложения, уплачивавшейся ими в казначейство. Это давало правящей купеческой олигархии Голландии и Зеландии пять голосов, и, обеспечив себе поддержку одной-двух провинций,

она могла легко провести любое нужное ей решение²⁴.

Финансовый совет, состоявший из депутатов от каждой провинции и двух секретарей, ведал сбором и распределением налогов и вопросами финансирования государственных нужд.

Все эти центральные органы власти отныне имели своим местопребыванием город Гаагу²⁵, который стал административным центром федеративной республики Соединенных провинций.

Высшая исполнительная власть фактически принадлежала статхоудеру Голландии и Зеландии Морицу Нассаускому, являвшемуся одновременно главнокомандующим всеми военными силами республики. Согласно статьям 9, 16 и 21 Утрехтской унии, статхоудерам провинций принадлежало право арбитража не только в тех случаях, когда Генеральные штаты не приходили к согласованному решению, но и тогда, когда возникал спор по поводу толкования той или иной статьи самого этого соглашения — главного конституционного документа республики.

Предотвращая возможность злоупотребления принципом единогласия в целях произвольного срыва согласованных решений, эти статьи Утрехтской унии отражали одновременно сущность буржуазного парламентаризма, который, предоставляя возможность депутатам парламентов произносить громкие речи, отдавал реальную власть в руки самостоятельно действующего аппарата исполнительной власти. В то же время соединение в руках статхоудера широких административных полномо-

²⁴ Сколько фунтов из каждых 100 фунтов налогов провинции платили (округленно) казначейству и сколько мест занимали они в Государственном совете, показывают следующие данные:

Голландия	58	3 места
Зеландия	9	2 " "
Фрисландия	12	2 " "
Хелдер	6	2 " "
Утрехт	6	1 место
Хронинген	6	1 " "
Оверейссел	3	1 " "

См. J. L e C l e r c. Histoire des provinces unies des Pays-Bas. Introduction.

²⁵ В голландской транскрипции Схрафенхаге ('S Gravenhage).

мочий, верховного военного командования и права арбитража придавало государственному строю республики известную централизацию, а власти самого статхюдера — монархический оттенок.

В решении местных дел правящие круги провинций пользовались широкой автономией²⁶. Провинции имели свои штаты и своих провинциальных статхюдеров. Социальный состав депутатов провинциальных штатов в разных провинциях был различен. В штатах Голландии преобладание купеческой олигархии было абсолютным. Из девятнадцати их членов восемнадцать представляли города. Лишь один депутат представлял дворян, а крестьяне вообще были лишены представительства в штатах Голландии. В штатах Фрисландии наряду с горожанами широко было представлено зажиточное (цензовое) крестьянство, а дворянство играло ничтожную роль. Вопросы готовились к обсуждению специально для этого выделенной комиссией в составе восьми человек (так называемое «малое число») и решались простым большинством голосов. В провинции был и высший исполнительный орган — «Совет девяти», состоявший из депутатов от сел и городов. Политическое устройство Фрисландии являлось наиболее демократичным по сравнению со всеми прочими провинциями.

В реакционном феодальном Хелдере власть была сосредоточена в руках дворянства. Во главе каждого из «кварталов», на которые делилась провинция, стояла комиссия из шести человек, по три от дворян и горожан. Участвовать в работе штатов провинции могли лишь обладатели благородных фьефов, а каждый «квартал» независимо от числа депутатов имел один голос.

Своеобразное место в провинциальных штатах занимали пенсионарии. Исполняя первоначально организационно-секретарские функции, в XVI в. пенсионарии достигли значительного влияния на решение не только местных, но и общегосударственных дел. Они вели подсчет голосов на заседаниях, подготавливали обсуждаемые вопросы и проекты их решений, представляли в лица провинций в центральных правительственных ор-

²⁶ См. описание политического устройства провинций в предисловии к работе Ж. Леклерка. (J. L e C l e r c. Histoires des provinces unies des Pays Bas).

ганах, сосредоточивали в своих руках некоторые важные исполнительные функции и т. д.

Особенно большого значения добились «великие пенсионарии» Голландии. В отсутствие статхюдера — а Молиц Нассауский почти постоянно находился на театре военных действий — великий пенсионарий Голландии исполнял его обязанности и обладал огромной личной властью, пользуясь ею в интересах правящей купеческой олигархии. Крепко держа в своих руках все нити государственного аппарата, правящая купеческая олигархия Соединенных провинций превратила все звенья того аппарата в филиальные конторы могущественного оргового дома.

Прежде всего это сказалось на адмиралтействе. Учреждение, которое по самому своему назначению должно было ведать вопросами мореходства в общегосударственном масштабе и в своей деятельности было тесно связано военноморскими операциями, не только оказалось не подчинения статхюдеру, но и подверглось дроблению а несколько провинциальных отделений, полностью нажившихся в плену узких местных купеческих интересов.

Вся система налогообложения и финансов предназначалась для беззастенчивого ограбления трудового народа. Выгодное правящей купеческой олигархии слабое обложение торговли и мореплавания дополнялось налоговым бремением крестьянства, высокими налогами на недвижимость и системой косвенных налогов, обрушившихся всей своей тяжестью на немущие слои городского населения. Достаточно сказать, что рыба, подаваемая за столом голландца, облагалась тридцатью (!) освенными налогами.

Не довольствуясь налоговым ограблением народа, купеческая олигархия сделала само государство своим личным должником, показателем чего был возрастающий в год в год размер государственного долга. Лишь в одной провинции Голландии к середине XVII в. он составил астрономическую сумму в 150 млн. гульденов. Давая государству займы под солидное обеспечение и высокие проценты и оказывая давление на его политику, денежные займы изображали себя при этом «патриотами» и «спасителями отечества», тогда как и эти займы и проценты по

ним оплачивались в конечном счете все тем же городским плебсом и крестьянством²⁷.

«С развитием и накоплением буржуазной собственности, т. е. с развитием торговли и промышленности,— писал Маркс,— отдельные лица всё более богатели, государство же всё более впадало в задолженность. Этот факт обнаружился уже в первых итальянских торговых республиках, затем проявился наиболее ярко... в Голландии»²⁸.

Революционные слои буржуазии, связанные с промышленностью и внутренней торговлей, хотя они и составляли часть правящего класса и пользовались в известной мере привилегиями, выпадавшими на его долю в целом, были оттеснены на положение весьма шумной, но не слишком влиятельной оппозиции. Вместе с тесно связанными с ними консисториями, благодаря оппозиции к правительству, они привлекали на свою сторону значительные слои городского плебса и мелкой буржуазии, хотя не отражали социального протеста широких народных масс и не подчинили их полностью своему влиянию. Поэтому оппозиционная деятельность консисторий представляла собой довольно удобную для правящей олигархии форму отвода классовой борьбы эксплуатируемых и экспроприруемых масс в русло легального оппозиционного движения.

В области идеологии правящая олигархия противопоставляла патриотизму и воинствующему кальвинизму консисторий проповедь откровенного космополитизма и аполитичной веротерпимости. Купеческая олигархия весьма неохотно откликнулась на требования консисторий об издании антикатолических законов и даже защищала анабаптистов, но лишь постольку, поскольку анабаптисты «не производят публичного скандала» и «не наносят ущерба частной собственности»²⁹. Следовательно, речь шла не о революционных анабаптистах, а о мирных, непротестантских сектах «меннонитов».

Политическая демагогия статхоудера, заигрывавшего по оранжистской традиции с народными массами, была

²⁷ А. К о н р а д и. История революций..., т. I, стр. 118.

²⁸ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 3, стр. 357—358

²⁹ Д. Л. М о т л е й. История нидерландской революции... т. III, стр. 235.

этих условиях второстепенным моментом. На протяжении всей истории республики статхоудер сохранял являющуюся самостоятельность по отношению к правящей олигархии лишь благодаря умелому использованию внутренних противоречий, порожденных ее антидемократической политикой.

В этом отношении Мориц Нассауский был достойным преемником своего отца, даже превосходя его и как политик, и особенно как полководец. Его способности военачальника в условиях ведения тяжелой войны за независимость имели огромное значение для укрепления его авторитета и популярности в среде простого народа. Будучи одним из наиболее выдающихся полководцев своего времени, опираясь на беззаветный патриотизм и героическое самопожертвование поднявшихся на освободительную борьбу народных масс, Мориц Нассауский осуществил ряд блестящих военных операций и одержал немало крупных побед над испанцами.

Во время военной кампании 1590—1591 гг. Мориц Нассауский овладел цепью важных крепостей, в том числе Фредой, Девентером, Зютфеном, Хюлстом и Нимвегеном. Таким образом республика не только отняла у неприятеля подступы к своим жизненным центрам, но и получила отличные ключевые позиции для развития достигнутого успеха. Весь конец 90-х годов прошел под знаком явного военного преимущества Соединенных провинций. Это ощущалось Испанией тем болезненнее, что сухопутные операции дополнялись энергичными действиями военно-морского флота республики, совершавшего свои смелые операции на огромных пространствах, — от побережья Нидерландов до портов Испании и ее колониальных владений.

В 1600—1604 гг., сковав значительные силы испанцев под стенами осажденного Остенде, Мориц Нассауский одержал новые победы, что стоило эрцгерцогу Альберту огромных унижений, так как Филипп III, и без того не благоволивший к нему, воспользовался этим для передачи командования войсками испанскому полководцу Спиноле. В лице последнего Мориц Нассауский получил достойного противника, но все успехи испанского военачальника оказались бесполезными из-за экономической разрухи, царившей в испанских Нидерландах. Постоян-

ная нехватка денег, не получающие жалования, разложившиеся и бунтующие войска, необеспеченность тыла и уже явно сказывавшееся общее ослабление Испании были плохой основой для победоносного завершения войны, что побуждало Испанию начать мирные переговоры.

В республике Соединенных провинций также усиливались настроения в пользу выхода из войны. Правда, они разделялись не всеми. Мориц Нассауский и дворяне были настроены весьма воинственно, но народные массы, несшие главное бремя войны и военных расходов, жаждали мира. В среде самой правящей олигархии наблюдались разногласия по этому вопросу. Амстердамское купечество, втянутое в колониальные авантюры, склонно было всячески раздувать военные настроения, но значительные слои крупной торговой и финансовой буржуазии полагали, что республика уже достаточно окрепла, чтобы добиться выгодных условий мира, а влияние Морица Нассауского возросло в столь угрожающей мере, что в случае продолжения войны дело могло закончиться государственным переворотом и установлением монархической диктатуры.

Обе стороны начали в 1606 г. переговоры, которые закончились 9 апреля 1609 г. подписанием договора о перемирии сроком на 12 лет. Согласно договору, республика Соединенных провинций признавалась эрцгерцогом Альбертом и Изабеллой «свободными странами, штатами и провинциями, по отношению к которым у них нет никаких претензий»³⁰. Это означало, что самостоятельное государственное существование республики отныне было признано Испанией перед лицом всей Европы, хотя и лишь на время перемирия. Купцы Соединенных провинций получили право вести торговлю с испанскими колониями, а устье р. Шельды оставалось закрытым для торговли со всеми вытекающими отсюда последствиями для Антверпена.

Заключение перемирия 1609 г. стало важнейшей исторической вехой в жизни республики Соединенных провинций. Оно знаменовало собой победоносное завершение революции на севере Нидерландов и фактическое международное признание нового государства, родившегося в огне революции и освободительной войны.

³⁰ А П и р е н н. Нидерландская революция, стр. 342

Успех буржуазной революции и войны за независимость в республике Соединенных провинций освободил производительные силы страны от большей части тех пут, которые их сковывали в период испанского господства. Несмотря на все тяготы и разрушения войны, экономика Соединенных провинций быстро расцветала на основе развития капиталистических производственных отношений. Цеховая система повсюду, кроме Амстердама, приходила в упадок. Подтверждением может служить упадок Лейденского цехового сукноделия. В 1532—1547 гг. оно производило ежегодно до 16 тысяч кусков, к 1562 г. объем продукции сократился до 7200 кусков, в 1573 — до одной тысячи кусков, а в 1602 г. в цеховом сукноделии Лейдена работало всего семь ткацких станков³¹. Цеховая исключительность и регламентации были значительно ослаблены, а контроль за качеством продукции переходил к магистратам городов и преследовал уже протекционистские цели — обеспечить торговые интересы купечества и конкурентоспособность национальных товаров на внешнем рынке.

В противоположность гибнувшей цеховой системе, отрасли производства, построенные на капиталистической основе, развивались с невиданной быстротой. Текстильные мануфактуры того же Лейдена, приноровившиеся к новым потребностям рынка, в начале XVII в. производили от 70 до 120 тысяч кусков тканей в год³². Текстильные мануфактуры выростали также в Кампене, Гауде и других городах. В Хаарлеме широко развилось белильное дело и льнополотняное производство. В Роттердаме возникли рассеянные и централизованные мануфактуры по производству плюша, шелка и полульняных тканей. Приток эмигрантов из южных провинций способствовал как ускорению темпа развития промышленности, так и возникновению новых ее отраслей. Имеющийся цифровой материал о притоке эмигрантов весьма показателен. В Мидделбурге с 1580 по 1591 г. в число граждан города было зачислено 1174 человека (глав семейств),

³¹ Э. Б а а ш. История экономического развития Голландии.., стр. 97.

³² Там же, стр. 99.

прибывших из южных провинций. В Амстердаме с 1585 по 1604 г. в число граждан было принято 1158 человек. В Хаарлеме примерно за тот же период времени прибыло 600—700 семейств, эмигрировавших с юга³³. Большая часть этих эмигрантов состояла из опытных ремесленников, квалифицированных рабочих, купцов и промышленных предпринимателей, обладавших профессиональными навыками, секретами производства и капиталами.

Большого размаха достигло судостроение в Амстердаме, Энкхёйзене, Хоорне и Заандаме. На судоверфях этих городов строили корабли самых разнообразных типов — от мелких речных транспортов до крупных океанских кораблей. Корабли строились не только по заказам потребителей, но и для коммерческого сбыта. Один совре-

³³ Algemeene geschiedenis der Nederlanden, Utrecht, 1952, Deel V, blz. 190—191; Э. Б а а ш. История экономического развития Голландии.., стр. 108.

менник писал в XVII в. о Голландии: «Судостроение носит здесь не потребительский характер, а производится в торговых целях». Судостроение находилось в руках капиталистов-предпринимателей, но корабельные плотники, в частности в Амстердаме, были объединены в цехи³⁴.

Крупное место в экономике Соединенных провинций по-прежнему занимало рыболовство. В 1610 г. лишь на лов сельди выходило свыше 1500 кораблей, а доход от него в середине XVII в. оценивался огромной суммой в 21—22 млн. гульденов³⁵.

Но центр тяжести экономики Соединенных провинций, особенно Голландии и Зеландии, лежал не столько в области промышленности и промыслов, сколько в области внешней торговли, ориентированной прежде всего на Прибалтику. За период с 1578 по 1600 г. через Зунд ежегодно проходило в среднем по 2500—3500 нидерландских кораблей, что составляло от 45 до 61% общего числа судов, проходивших через этот пролив³⁶. Вывоз хлеба голландцами из Прибалтики в 1618 г. достиг 107 070 ластов. Одновременно туда было вывезено в этом году 26 699 кусков тканей, свыше 5 тысяч ластов соленой сельди и другие товары³⁷.

Особое место в торговых операциях голландских и зеландских купцов занимала торговля с Русским государством. Мидделбургские купцы начали торговлю с Москвой с 1577 г. Торговля шла через Архангельск и Нарву, которая с 1558 по 1581 г. находилась во владении Москвы. В 1608 г. была создана специальная Московская торговая компания, организаторами которой были крупнейшие купцы. В секретной записке, составленной испанским агентом в 1626 г., следующим образом характеризовалось значение северной и особенно русской торговли для Голландии: «Надо принять во внимание, что самая большая торговля, которую голландцы ведут теперь и вели долгие годы и которую они считают наиболее обес-

печенной... это торговля с севером, а главным образом с Москвией»³⁸.

Голландские купцы, для которых деньги были превыше всего, несмотря на состояние войны, вели непрерывно торговлю с Испанией и Португалией. Зависимость последних от привозного хлеба была такова, что после ряда репрессий по отношению к голландским купцам Филипп II вынужден был смотреть на их рейсы сквозь пальцы³⁹.

Предприимчивое и жадное до прибыли голландское купечество добралось и до сказочных богатств колониальных стран. Уже в 1598 г. двадцать два голландских корабля совершили рейд в Ост-Индию, а в 1602 г. была создана Ост-Индская торговая компания, игравшая на протяжении всего XVII в. крупную роль не только в экономической, но и в политической жизни Соединенных провинций.

Вторжение в колониальные владения Испании было логическим следствием восстания в Нидерландах. Это вторжение одновременно свидетельствовало о том, что торговые интересы играли не последнюю роль в событиях этой эпохи, отражавших отдельные этапы торговой войны европейских наций, ареной которой являлся весь земной шар. Как подчеркивал Маркс, «война эта начинается отпадением Нидерландов от Испании...»⁴⁰.

Обосновавшись в Ост-Индии, разбойничий торговый капитал показал себя во всей своей наготе. Не довольствуясь монополией торговли, он добился предоставления Ост-Индской торговой компании таких административных и военных прав, которые фактически были равносильны суверенитету. Самые страшные преступления, массовое истребление туземного населения, хищническое уничтожение огромных материальных ценностей в целях получения сверхприбылей были методами его хозяйничанья в колониях. «... Яркий пример того, как хозяйничает купеческий капитал там,— писал Маркс,— где он

³⁴ Э. Бааш. История экономического развития Голландии..., стр. 115—116.

³⁵ Там же, стр. 76.

³⁶ Там же, стр. 162.

³⁷ Там же, стр. 257, 261 и 262. 1 нидерландский ласт = 24 бочкам = 1976,36 кг.

³⁸ В. Н. К а ш и н Торговля и торговый капитал в Московском государстве Л, 1925, стр. 118.

³⁹ F. R a c h f a h l Die hollandische See- und Handelsmacht, S 68—69.

⁴⁰ К. М а р к с. Капитал, т. I. М., 1955, стр. 754.

прямо овладевает производством, представляет не только колониальное хозяйство вообще..., но в особенности хозяйство старой голландско-ост-индской компании»⁴¹.

Роль мирового центра торговли и кредита от захиревшего Антверпена перешла к Амстердаму. На бирже, в порту и во всем Амстердаме ежедневно кипела напряженная коммерческая деятельность. В 1598 г. в Амстердаме были созданы страховые общества, а в 1609 г. открыт банк, целью которого объявлялось: «Устранить всякое завышение курса и смешение монет и содействовать тем, кто имеет нужду в деньгах для коммерческих целей»⁴².

Те города, которые упорно цеплялись за свои отжившие средневековые привилегии и не желали приравниваться к духу времени, обрекали себя на экономическое прозябание. В этом отношении весьма показательна судьба Дордрехта. Строивший свое благополучие на обирании транзитных купцов посредством строго соблюдаемого «складочного права», этот город уже во второй половине XVI в. потерял свое прежнее экономическое значение. Огромный рост масштабов торговли и развитие транспорта уничтожили его былую монополию, а купцы стали объезжать этот город, пытавшийся противопоставить буржуазной свободе торговли средневековую систему принуждений.

Расцвет торговли и мануфактур сопровождался усилением экспроприации мелких ремесленников и не принес улучшения жизненных условий мануфактурным рабочим. Продолжительность рабочего дня составляла по-прежнему 12—14 часов, а эксплуатация женского и детского труда приобретала все более широкие размеры. Система косвенных налогов и налоговое отягощение сельского хозяйства влекли за собой страшную дороговизну предметов первой необходимости, и реальная заработная плата голландского наемного рабочего была ниже, чем в большинстве стран Западной Европы. «... Народные массы Голландии, — писал Маркс, — уже в 1648 г. более страдали от чрезмерного труда, были беднее и терпели гнет

⁴¹ К. М а р к с. Капитал, т. III, стр. 341.

⁴² A. de S e r i o n n. La richesse de la Hollande, t. I, Londres, 1778, p. 255.

более жестокий, чем народные массы всей остальной Европы»⁴³.

Своеобразными путями шло развитие сельского хозяйства республики. Усиленное проникновение капиталистических отношений в деревню, все возраставший спрос на продовольствие и сырье способствовали прогрессу отдельных отраслей сельскохозяйственного производства. Увеличились площади под посевами технических культур, дальнейший толчок к развитию получило огородничество. В Голландии и Зеландии в первой половине XVII в. на предпринимательской основе были проведены большие работы по осушению заболоченных земель, в результате чего произошло известное расширение посевных площадей. Ряд усовершенствований был достигнут в технике обработки земли и ее удобрения. Известный рост обнаруживался также в таких традиционных отраслях, как молочное животноводство, масло- и сыроделие.

Тем не менее два обстоятельства различного характера крайне отрицательно повлияли на развитие сельского хозяйства. Первое обстоятельство — огромные разорения в стране во время войны за независимость и революции, особенно в окраинных и пограничных районах. Второе заключалось в том, что капитализм, возводя в закон эксплуатацию деревни городом, углублял противоречие между ними. В Соединенных провинциях это повлекло за собой тяжелые последствия, поскольку, как мы уже видели ранее, нидерландская буржуазия в ходе революции и войны за независимость отдавала предпочтение союзу с феодальным дворянством, а не союзу с крестьянством. При этом союз нидерландского купечества с феодальным нидерландским дворянством, в противоположность союзу английской буржуазии с «новым дворянством» времен английской буржуазной революции XVII в., покоился не на основе известной общности экономических интересов, а на чисто политической базе в целях ведения совместной борьбы против иноземного испанского абсолютизма. Достигалось это путем предательства насущных интересов крестьянства. Так, «лояльность» реакционного феодального дворянства Хелдера была приобретена ценою сохранения в этой провинции в полной неприкосновенности,

⁴³ К. М а р к с. Капитал, т. I, стр. 757.

вплоть до конца XVIII в., крепостничества и других наиболее грубых форм феодальной эксплуатации⁴⁴.

Революция далеко не решила аграрного вопроса и в других провинциях. Повсеместно в том или ином объеме сохранилась феодальная собственность на землю и множество различных феодальных пережитков. Вся выгода от секуляризации монастырского и церковного землевладения, там, где секуляризация имела место, была привлечена городской буржуазией, изрядно нажившейся на земельных спекуляциях, и узкой прослойкой крупного фермерства и сельских богачей. Рядовые же крестьяне не только ничего не выиграли от этого, а, наоборот, потеряли, так как от положения держателей земли, уплачивающих сравнительно невысокую фиксированную обычную феодальную ренту, они вынуждены были переходить на положение медленно экспроприруемых краткосрочных арендаторов.

Налоговая политика правящей олигархии дополняла собой арсенал средств экспроприации крестьянства. Кроме высокого общего поземельного налога, существовал ряд других. В частности, в 1583 г. был введен особый налог на пахотные земли. В целом все налоги с крестьян по сравнению с XVI в. не только не уменьшились в количестве и размерах, но даже существенно увеличились, а сельскохозяйственный экспорт, в противоположность мореплаванию и торговле, облагался повышенными пошлинами⁴⁵. В дополнение к этому города по-прежнему переобременяли деревню при раскладке налогов и ревниво оберегали свою монополию на ремесло и промышленную деятельность, подчиняя развитие сельских промыслов своим эгоистическим интересам⁴⁶.

Все эти явления — концентрация средств производства и денежных богатств в руках кучки капиталистов, беспощадная экспроприация и пауперизация широких слоев мелких производителей города и деревни и наемных рабочих, колониальный грабеж, рост государственной задолженности и превращение самого государства в цен-

тральную контору по управлению делами всемогущего капитала — отображали собой общие законы развития капитализма. «... Голландия была, — писал Маркс, — образцовой капиталистической страной XVII столетия...»⁴⁷.

Те отклонения от последовательного проведения в жизнь экономических, социальных и политических принципов капиталистического общества, которые выражались в сохранении многих реакционных феодальных пережитков во всех областях жизни Соединенных провинций, насколько не противоречат этому выводу Маркса. В них нашел отражение тот уровень исторического развития, который был достигнут в XVII в. Западной Европой в целом и Нидерландами в частности.

⁴⁴ Э. Б а а ш. История экономического развития Голландии . . . стр. 57.

⁴⁵ Там же, стр. 69—71.

⁴⁶ Там же, стр. 67—68.

⁴⁷ К. М а р к с. Капитал, т. I, стр. 755.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении первой половины XVII в. обе части разделившихся Нидерландов политически и экономически развивались, как мы уже говорили, в разных направлениях. Бельгийские провинции к середине XVII в. превратились как по существу, так и формально в страну, полностью зависимую от Испании. Их экономика все больше приходила в упадок, а территория провинций в течение десятилетий подвергалась опустошению со стороны не только вражеских, но и «своих» войск.

Для Соединенных провинций первая половина XVII в. была периодом их высшего расцвета. Но уже в это время сказались те теневые стороны господства купеческой олигархии, которые впоследствии привели к подрыву политической и экономической основы благосостояния республики. Дать хотя бы самую краткую их характеристику необходимо для того, чтобы стали виднее особенности этой первой победоносной буржуазной революции в Европе и ее историческая ограниченность.

Прежде всего принесла свои горькие плоды антидемократическая внутренняя политика купеческой олигархии. После перемирия 1609 г. вражда между партией статхудера и верхушкой голландского купечества, которое возглавлял великий пенсионарий Голландии Олденбарневелде, вылилась в открытое вооруженное столкновение. Победителем из него вышел Мориц Нассауский. Демагогическими посулами он сумел привлечь на свою сторону не только консистерии и находившиеся под их влиянием народные массы, но и Генеральные штаты, где приверженцы Олденбарневелде оказались в меньшинстве. Восстание.

поднятое в 1619 г. Олденбарневелде, было быстро подавлено Морицем Нассауским, а сам великий пенсионарий сложил свою голову на эшафоте.

Наиболее агрессивные элементы купеческой олигархии были разгромлены, но политическая обстановка в республике не претерпела сколько-нибудь заметных изменений. Как и прежде, в провинции Голландия из 1,2 млн. ее населения избирательным правом пользовались лишь две тысячи человек¹, а Дрента, отвоеванная у испанцев, была составлена на положении «генералитетной земли»², дабы соотношение голосов в Государственном совете и Генеральных штатах не изменилось в ущерб корыстным интересам правящей олигархии.

Поскольку антидемократическая политика правящей олигархии оставалась неизменной, продолжали существовать условия, облегчавшие статхоудерам их ставшие традиционным демагогическое заигрывание с народными массами. Продолжалась и непрерывная, то затухающая, то разгорающаяся с новой силой борьба статхоудеров, стремившихся к установлению монархии, с купеческой олигархией. И эта борьба в течение долгих десятилетий определяла ход внутривнутриполитической жизни республики, принимая время от времени форму кровавых конфликтов, подобных столкновению Морица Нассауского с Олденбарневелде.

Внутриполитическая обстановка накладывала глубокий отпечаток на характер войны. Статхоудеры всегда стремились к расширению военных операций и видели в войне главное средство укрепления своей личной власти. В этих целях они искусно подогревали ненависть к испанцам и католицизму, укоренившуюся в сознании широких народных масс. Правящая олигархия поддерживала войну постольку, поскольку она была прибыльной, боялась

чрезмерного усиления власти статхоудера и была способна на жертвы лишь в критических обстоятельствах, когда нависала прямая угроза восстановления испанского господства. Такой оттенок события приняли лишь в 1629 г. В целом же после возобновления войны³ и вплоть до 1648 г. голландский театр военных действий не представлял уже для Испании того значения, какое ему придавалось ранее. Тридцатилетняя война, бушевавшая в Европе, ставила в качестве основной задачи перед коалицией испанских и австрийских Габсбургов сокрушение их главных противников — Франции и Англии, находившихся в союзе с немецкими протестантскими князьями, Соединенными провинциями и Швецией. Поскольку эта основная цель не была достигнута, вопрос мог идти лишь о том, удастся ли Испании выйти из войны против Соединенных провинций с наименьшим ущербом для собственного престижа, или республика сможет продиктовать Испании свои условия мира.

Понимая, что смертельная угроза для страны со стороны Испании уже миновала, правящая купеческая олигархия Соединенных провинций отбросила национальные соображения, предаваясь разнузданной оргии личного обогащения. Голландские купцы в разгар военных действий прибыльно торговали с Испанией и подвластными ей бельгийскими провинциями, сорвали взятие войсками республики Антверпена, видя в нем лишь своего потенциального торгового конкурента, и не останавливались перед прямой государственной изменой. Только так может быть оценена деятельность могущественного бургомистра Амстердама Биккера. Он оказывал испанскому королю помощь в ведении военных операций в Средиземном море, снабжал оружием испанские гарнизоны в Дюнкерке и Остенде, осажденные войсками республики, и организовал специальную компанию по финансированию испанских войск, действовавших в Нидерландах⁴.

Когда один из таких дельцов, цинично торговавших кровью своих соотечественников и национальными интересами родины, под давлением народных масс был при-

³ Военные действия возобновились сразу же по истечении срока перемирия, в 1621 г.

⁴ Э. Бааш. История экономического развития Голландии..., стр. 42.

¹ А. К о н р а д и. История революций..., т. I, стр. 119.

² «Генералитетными землями» именовались те территории, которые были отвоеваны у бельгийских провинций в ходе военных действий. К ним принадлежали Северный Брабант и части Лимбурга, приморской Фландрии, Хелдера (Венло). Неся тяжелое налоговое бремя, «генералитетные земли», находившиеся под совместным управлением провинций, были совершенно бесправными в политическом отношении и не имели своих представителей в Генеральных штатах.

влечен к судебной ответственности, он, будучи уверен в своей безнаказанности, заявил судьям: «Чтобы выручить пять шиллингов, я направил бы свой корабль и в самую преисподнюю, если бы только не боялся спалить паруса»⁵. И судьи оправдывали подобных дельцов под тем предлогом, что не сделай этого они, оружие и боеприпасы испанцам были бы доставлены кем-нибудь другим.

Директорат могущественной Ост-Индской торговой компании придерживался такой же антинациональной линии поведения, что было гораздо более опасно. Он официально заявил, что не республика, а компания является неограниченным собственником колониальных владений и, если захочет, то может продать их кому угодно, хотя бы королю Испании. Комментируя это заявление директората, немецкий историк Ф. Рахфаль писал: «Эта спесивая речь звучит хуже, чем она представляется; мы знаем, что та буржуазия, которая произносила столь неуместные угрозы, в действительности олицетворяла собой Нидерландское государство»⁶.

Дух торгашеского космополитизма господствовал и в экономической жизни республики. К середине XVII в господство внешней торговли (объем которой достиг колоссальной цифры 75—100 млн. гульденов в год) над промышленным производством стало абсолютным, и с интересами последнего правящая купеческая олигархия очень мало считалась. Губительные последствия этого не замедлили обнаружиться. Низкие пошлины на ввозной хлеб, большая часть которого перепродавалась в другие страны, и высокие вывозные пошлины на продукты национального сельскохозяйственного экспорта подорвали сельское хозяйство республики. Мало того, в совокупности с акцизной системой налогообложения они создали такую дороговизну жизни в Соединенных провинциях, что промышленникам приходилось платить высокую номинальную плату рабочим мануфактур. Не улучшая условий жизни последних, такое положение вещей сказалось на стоимости промышленных изделий республики (бумаги, тканей и др.), которые уже в XVII в. были на 10% до-

⁵ F. R a c h f a l. Die holländische See- und Handelsmacht . . . S. 83.

⁶ Там же, стр. 80.

роже однотипных французских изделий⁷. По этой же причине повысилась и стоимость фрахта на голландских судах, по сравнению с английскими. В подобной обстановке голландское купечество, которое буржуазный эгоизм и жажда накопления понуждали ценить лишь голый чистоган, стало отказываться от торговли отечественными товарами на внешнем рынке, фрахтовать более дешевые иностранные корабли и наводнять внутренний рынок сравнительно более дешевыми товарами иноземного происхождения. К чему это приводило, наглядно показывает судьба лейденской шерстоткацкой промышленности. Во второй половине XVII в. она уже изнемогала в конкурентной борьбе с основанной на потогонной системе домашнего труда рассеянной шерстоткацкой мануфактурой долины р. Ведра (Льежская область). Последняя выпускала одинаковый с Лейденом ассортимент тканей, но по более низкой цене, и это обеспечило ей успех⁸.

Начавшийся упадок ряда капиталистически организованных отраслей промышленности республики и постепенное переключение национального производства на обслуживание потребностей внутреннего рынка дополнялись оживлением разлагавшейся средневековой цеховой системы. Особенно наглядно это проявлялось в Амстердаме, цитадели правящей купеческой олигархии. Здесь консервативная торговая буржуазия открыто блокировалась с остатками средневековой реакции в лице цеховых корпораций и патрициата. Их политический союз дополнялся экономическими уступками цеховым элементам. Это находило выражение в усилении регламентаций и местнической исключительности, процветавших в ремесленном и промышленном производстве Амстердама в противоположность безграничной свободе, царившей в области торговли.

Внутриполитическая борьба в республике, осложнения и конфликты с внешними союзниками, общая усталость от войны, выгодные условия, предлагавшиеся неоднократно Испанией, побудили Соединенные провинции встать на путь мирных переговоров. После открытия в

1646 г. Мюнстерского конгресса, имевшего целью выработку мирный договор для всех держав — участниц Тридцатилетней войны, надежды на заключение мира стали вполне реальными. В январе 1648 г. мирный договор был подписан. Условия Мюнстерского (Вестфальского) мира, в той части, которая непосредственно касалась Голландии, во многом повторяли статьи договора о перемирии 1609 г. Признавалась государственная независимость республики, устанавливалась свобода торговли между обеими странами, гарантировалась свобода совести для подданных испанского короля в Соединенных провинциях и для граждан республики во владениях испанской державы. Что касалось территориальных претензий, то в этом вопросе Испания пошла на самые большие жертвы за счет бельгийских провинций, лишней раз показав, что рассматривала их лишь в качестве разменной монеты в своей европейской политике. Республика получила в полную собственность Северный Брабант, часть Лимбурга с городом Маастрихтом, ряд городов и крепостей в Приморской Фландрии и другие территории. Устье Шельды по-прежнему оставалось закрытым для торговли, чем Антверпену выносился смертный приговор⁹.

Вестфальский мир окончательно упрочил самостоятельное государственное существование Соединенных провинций, но он не принес республике ожидаемого благоденствия. Во второй половине XVII в. стали ощутительно сказываться последствия грабительского хозяйничанья правящей купеческой олигархии. В ущерб республике изменилась и международная обстановка.

В середине XVII в. английская буржуазия совершила свою революцию. Наблюдая с тревогой еще в XVI в. за ростом морского и торгового могущества Соединенных провинций, английская буржуазия теперь, когда она овладела аппаратом государственной власти в стране, выступила в качестве непримиримого конкурента и врага голландской торговой буржуазии. Отношения обострились тем сильнее, что правящая олигархия Соединенных провинций поддерживала английского короля Карла I в его борьбе с революцией. Разгоревшаяся затем война между буржуазной Англией и Соединенными провин-

⁷ A de S e r i o n n. La richesse de la Hollande, t. III, стр. 312.
⁸ H. L a u r e n t. La concurrence entre les centres industrielles des Provinces-Unies et de la principauté de Liège. «Revue d'histoire moderne», Paris, 1927, № 9, p. 218.

⁹ См. А. П и р е н н. Нидерландская революция, стр. 382.

циями, представлявшая собой новую фазу «торговой войны европейских наций», положила конец процветанию республики. В этой войне слабо спаянной, децентрализованной и раздиравшейся жестокой внутренней распрей федерации Соединенных провинций противостояла политически и экономически централизованная и высоко развитая в промышленном отношении буржуазная Англия. За нею стояли силы прогресса, будущее, и она вышла победительницей. «История падения Голландии как господствующей торговой нации,— писал Маркс,— есть история подчинения торгового капитала промышленному капиталу»¹⁰.

* * *

Нидерландская буржуазная революция 1566—1609 гг. первой в Европе одержала победу над абсолютизмом и феодальным строем. Итогом ее было возникновение первой в истории человечества буржуазной республики — Соединенных провинций, где политическая власть из рук феодалов перешла в руки буржуазии, а капиталистический способ производства восторжествовал над феодальным способом производства. В этом заключается бесспорное и большое прогрессивное значение нидерландской буржуазной революции и войны за независимость от Испании.

Эта революция происходила в мануфактурный период развития капитализма, когда нарождавшиеся классы грядущего капиталистического общества — буржуазия и пролетариат — были еще незрелыми. Поэтому нидерландской революции были присущи ярко выраженные особенности, а ее историческое значение было ограниченным. Идеологическим знаменем революции являлась религиозная доктрина кальвинизма, а поскольку Нидерланды находились под гнетом иноземного испанского абсолютизма, революция с неизбежностью приняла форму войны за независимость от Испании. Несмотря на то, что городской плебс и крестьянство, руководимые революционной кальвинистской буржуазией, являлись главной движущей силой, революция и освободительная война одержали лишь частичную победу. Сначала валлонские провинции, а затем Фландрия и Брабант из-за подрывной

деятельности сил феодально-католической реакции и колебаний буржуазного руководства, шедшего на поводу у оранжистов, снова попали под иго испанского деспотизма. В связи с этим одностороннее решение получила и проблема национального развития Нидерландов, так как политическая граница между отложившимися и «законно-послушными» провинциями прошла не по национально-языковым, а по географическим рубежам.

Революция и освободительная война победили лишь на севере страны, где капиталистическое развитие имело более прочную основу, крестьянско-плебейское движение было более организованным и целеустремленным, а буржуазное руководство движением — более энергичным и последовательным. Однако в возникшей на севере Нидерландов буржуазной республике Соединенных провинций революционная национальная буржуазия оказалась недостаточно развитой и сильной для того, чтобы обеспечить свое политическое господство. Власть в стране была узурпирована своеобразной купеческой олигархией, которая проводила антидемократическую политику и поддерживала союз с дворянством. Воплощением этого политического союза являлся оранжизм, сыгравший значительную роль во всей истории республики. Преобладающее значение крупной торговой буржуазии в республике Соединенных провинций определялось самим характером мануфактурного периода развития капитализма. «В настоящее время,— подчеркивал Маркс,— промышленная гегемония влечет за собой торговую гегемонию. Напротив, в собственно мануфактурный период торговая гегемония обеспечивает промышленное преобладание»¹¹.

Политическое господство купеческой олигархии и оранжизма в Республике Соединенных провинций имело тот результат, что проведенные в стране экономические, социальные и политические преобразования имели половинчатый, компромиссный характер. Повсеместно сохранялись феодальные пережитки, которые тормозили дальнейшее развитие производительных сил, а космополитическая плутократия всячески препятствовала осуществлению реформ, направленных на укрепление государственной централизации и национальной общности страны.

¹⁰ К. М а р к с. Капитал, т. III, стр. 345.

¹¹ К. М а р к с. Капитал, т. I, стр. 757.

Поскольку Соединенные провинции не смогли освободиться от господства купеческой олигархии, а другие европейские страны также шли по пути прогресса, дни торгового преобладания республики в Европе были сочтены. Во второй половине XVII в. ведущее место среди европейских государств заняла Англия, осуществившая свою, более радикальную буржуазную революцию, а республика Соединенных провинций стала быстро сходить на положение второразрядной европейской державы.

В XVIII в. исконная борьба правящей олигархии со статхोудерами завершилась победой последних, установивших наследственную преемственность поста статхоудера. С начала XIX в. Нидерланды превратились в конституционную монархию, а в середине XIX в. Энгельс характеризовал королевство Нидерланды как страну, «...где буржуазия живет остатками былого величия, а пролетариат хиреет...»¹².

Давая оценку историческому значению нидерландской буржуазной революции, Маркс писал: «Революция 1789 года имела своим прообразом (по крайней мере, в Европе) только революцию 1648 г., а революция 1648 г.— только восстание нидерландцев против Испании. Каждая из этих революций ушла на столетие вперед по сравнению со своими прообразами не только по времени, но и по своему содержанию»¹³.

Как известно, ни одна из этих буржуазных революций не принесла широким народным массам ни материального благосостояния, ни подлинной свободы. На место феодальной эксплуатации они поставили эксплуатацию капиталистическую, прежних господ заменили новыми. Это отличает любую, даже самую радикальную буржуазную революцию от революции социалистической. Лишь социалистическая революция уничтожает все виды эксплуатации человека человеком и открывает перед всем человечеством безграничные возможности экономического, социального и культурного прогресса.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 316.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 6, стр. 114.